КОЛЛЕКЦИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ДОКУМЕНТОВ XIV ВЕКА ИЗ ВЕНЕЦИИ

А.П.Григорьев
В.П.Григорьев

КОЛЛЕКЦИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ДОКУМЕНТОВ XIV ВЕКА ИЗ ВЕНЕЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. П. ГРИГОРЬЕВ, В. П. ГРИГОРЬЕВ

КОЛЛЕКЦИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ДОКУМЕНТОВ XIV века ИЗ ВЕНЕЦИИ

Источниковедческое исследование

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2002

ББК 63.2
Г83

Рецензенты: д-р ист. наук *Е. И. Кычанов* (С.-Петерб. филиал Ин-та востоковедения РАН), д-р ист. наук *Н. Н. Дьяков* (С.-Петерб. гос. ун-т)

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
С.-Петербургского государственного университета

Григорьев А. П., Григорьев В. П.

Г83 Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование.— СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. — 276 с.

ISBN 5-288-02427-8

В книге впервые в мировой науке проводится монографическое источниковедческое исследование коллекции из десяти золотоордынских документов XIV в., сохранившихся в архивах Венеции в переводах на латынь и венецианский диалект итальянского языка. Представлены тексты документов, их полные переводы на русский язык, а также реконструкция содержания каждого из актов, изначально создававшегося в ханской канцелярии на монгольском или тюркском языках. Исследованию каждого документа предшествует исторический очерк, выясняющий причину его создания. Издание снабжено указателями имен, географических названий и ордынских терминов.

Для историков широкого профиля, всех, интересующихся проблемами истории Золотой Орды, Италии, причерноморской торговли.

Тем. план 2000 г., № 23 **ББК 63.2**

© А. П. Григорьев, В. П. Григорьев, **2002**

© Издательство С.-Петербургского университета, **2002**

ISBN 5-288-02427-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1880–1899 гг. Г. Томас и Р. Пределли осуществили в Венеции 2-томное издание критических текстов важнейших договоров и связанных с ними документов Венецианской республики XIV — середины XV в. с государствами, располагавшимися в пределах Средиземноморско-Причерноморского региона[1]. Названные акты были извлечены из архивов Венеции. Некоторые из них (числом 10) оказались синхронными переводами на латынь и итальянский язык подлинных ордынских актов середины XIV в. Эта коллекция золотоордынских документов частично публиковалась исследователями истории черноморской торговли в европейских изданиях конца XVIII — середины XIX в., затем о ней прочно забыли[2].

В наши дни авторы настоящего исследования, тюрколог-источниковед и романист-филолог, подвергли все документы коллекции специальному изучению в отношении истории их создания, полного перевода на русский язык и реконструкции их изначального содержания. Ярлыки коллекции рассматривались и с точки зрения изучения их внутренней формы, т. е. формуляра. Формулярный анализ осуществлялся в русле идей С. М. Каштанова[3].

После того, как авторы напечатали 10 отдельных работ, каждая из которых посвящалась изучению одного из документов коллекции, была опубликована статья одного из авторов, подводившая основные итоги совместного многолетнего исследования. В ней назывались составляющие коллекцию ордынские акты и представлялись краткие конечные результаты изучения каждого документа[4].

Нередко эти итоги не во всем совпадают с выводами, к которым авторы приходили в результате завершения исследования очередного документа коллекции в своих прошлых работах. Авторы надеются, что этот процесс уточнения и пересмотра их прежних воззрений будет продолжен в трудах позднейших исследователей. Это послужит дальнейшему прогрессу в деле познавания прошлого, осмысления настоящего и прогнозирования будущего.

Наши работы, посвященные отдельным документам коллекции, разделены во времени и находятся в различных изданиях, что сильно затрудняет их целостное восприятие читателями. Авторы решили объединить все 10 работ под одной обложкой, присовокупив к ним итоговую статью. Получилась коллективная монография из 10 глав. Содержание каждой из глав, т. е. прежних статей, практически не изменялось нами. При этом мы исходили из следующих соображений. Во-первых, многолетняя практика изучения золотоордынских письменных источников показывает, что для кардинального пересмотра совсем недавно изученных документов коллекции требуется достаточно продолжительное время. К сожалению, авторы этим временем уже не располагают и потому представляют свои изыскания на суд читателей в их изначальном виде. Во-вторых, наиболее важные, на наш взгляд, коррективы уже содержатся в тексте итоговой статьи, которая здесь предстает в форме заключительной главы «Итоги исследования».

К исследованию прилагаются указатели имен, географических названий и ордынских терминов. Указатель терминов включает в себя всякого рода слова и их сочетания, которые встречаются в золотоордынских письменных источниках и анализируются в процессе нашего исследования, а также приводятся в качестве примеров на языке оригинальных текстов, в приближенном русском или ином начертании.

Глава I

ЯРЛЫК УЗБЕКА ВЕНЕЦИАНСКИМ КУПЦАМ АЗОВА*

Обращаясь к основательно забытому старому в исследованиях наших предшественников, мы нередко отмечаем в них ряд новых для себя моментов, которые проливают неожиданный свет на наши нынешние изыскания, благотворно способствуя их развитию и совершенствованию.

При выяснении этимологии и конкретно-исторического содержания золотоордынского налогового термина «тартанак» венгерский востоковед И. Вашари использовал синхронные переводы на латинский и итальянский языки ярлыков золотоордынских ханов XIV в., пожалованных итальянским купцам Таны (Азова) и Кафы (Феодосии)[1]. Там же он отметил, что «по значимости итальянские переводы можно сравнить только с ханскими ярлыками, данными русскому духовенству. Они достаточно изучены и тюркологами и историками, тогда как вышеназванные остались вне поля зрения ученых»[2].

Если первую часть цитированного утверждения можно принять в качестве рабочей гипотезы, то со второй его частью трудно безоговорочно согласиться. Один из авторов этих строк, в некотором отношении знакомый с проблемами изучения и степенью изученности ханских ярлыков русскому духовенству[3], полагает, что изучение этих документов с точки зрения реконструкции их первоначального содержания находится пока в самой начальной стадии. В

* Григорьев А. П., Григорьев В. П. Ярлык Узбека венецианским купцам Азова: Реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Л. А. Березный. Л., 1990. Вып. 13. С. 74–107.

то же время не остались уж совсем вне поля зрения ученых, в том числе русских и советских, ханские ярлыки итальянскому купечеству причерноморских городов.

В капитальных, часто многотомных западных исследованиях конца XVIII — середины XIX в. по истории черноморской торговли в средние века тексты этих ярлыков цитировались и печатались полностью в качестве приложений. Особенно широко были известны труды итальянских историков К. Марина и М. да Канале[4]. Австрийский востоковед Й. фон Гаммер-Пургшталь опубликовал итальянские переводы ярлыков Джанибека и Бердибека[5]. В 1868 г. французский ученый Л. де Мас Латри опубликовал 7 латинских и итальянских переводов жалованных грамот, выданных венецианцам ордынскими ханами и их наместниками в 1332–1358 гг.[6] В 1880–1899 гг. Г. Томас и Р. Пределли осуществили наиболее авторитетное двухтомное издание важнейших международных соглашений Венецианской республики XIV–XV вв. «Венециано-Левантийский дипломатарий», куда вошли все сохранившиеся договоры-ярлыки и множество других документов, имеющих к ним прямое или косвенное отношение[7].

Названные акты легли в основу капитального исследования по истории итальянской торговой экспансии в средние века, осуществленного австрийским ученым В. Гейдом[8].

Русские исследователи проблем истории Северного Причерноморья в средние века вначале так или иначе использовали названные работы М. да Канале, Й. фон Гаммера, ранние исследования В. Гейда. В их трудах упоминались и ордынские «договоры» с венецианцами (Ф. К. Брун)[9], и даже производились попытки анализа ханских «договорных ярлыков» (В. Д. Смирнов)[10]. В 1883 г. Т. Д. Флоринский опубликовал развернутую рецензию на первый том «Венециано-Левантийского дипломатария»[11], что привлекло к этому редкому изданию (в продажу поступило только 100 экз.) внимание русских исследователей. В 1905 г. была напечатана обстоятельная работа М. М. Ковалевского о ранней истории Азова[12]. В ней автор особенно подробно остановился на подготовке венецианского посольства к Узбеку и на пунктах «договора» с ним, который по своей форме правильнее было бы назвать «указом». Там же приводились выдержки из ярлыков Джанибека. К. А. Иностранцев

почерпнул сведения о наличии латинских и итальянских переводов ярлыков Узбека, Джанибека и Бердибека, в которых упоминалась пайцза, из комментария к «Книге Марко Поло» английского синолога XIX в. Г. Юла[13].

Советские ученые, в трудах которых так или иначе затрагивались интересующие нас источники, фактически размежевались на «восточников» и «западников». Восточников интересовали исследования преимущественно их предшественников — востоковедов, западников — труды, в которых нашли отражение европейские проблемы. Наиболее крупным востоковедом прошлого, изучавшим историю Золотой Орды, был Й. фон Гаммер. Опубликованные им итальянские переводы ярлыков ханов Джанибека и Бердибека, выданных венецианским купцам Азова в 1347 и 1358 гг., и стали объектом исследования восточников. М. Г. Сафаргалиев привел в своей книге по истории Золотой Орды краткое содержание ярлыков Джанибека и Бердибека[14]. Примеру М. Г. Сафаргалиева последовал Г. А. Федоров-Давыдов, который использовал те же документы для уточнения имен лиц, составлявших золотоордынскую знать в 60–70-е годы XIV в., а также места расположения ханской ставки в 1358 г.[15] А. П. Григорьеву тексты ярлыков Джанибека и Бердибека потребовались в качестве сопоставительного материала при реконструкции содержания статьи *удостоверение* в ярлыках XIV в., данных русскому духовенству[16].

При исследовании истории венецианской Таны XIV–XV вв. одним из главных источников советскому историку-романисту Е. Ч. Скржинской послужили документы «Венециано-Левантийского дипломатария»[17]. В ее очерке были задействованы материалы договоров с венецианцами не только Джанибека и Бердибека, но также Узбека и ханских наместников Крыма и Азова. К сожалению, автор не имела востоковедной подготовки. Ее «восточные» комментарии в большинстве своем не являлись плодами самостоятельных изысканий, а были лишь не всегда удачно подобранными цитатами из русских летописей и трудов других ученых.

Итак, латинские и итальянские переводы ханских ярлыков получили некоторую известность в научном мире. Их содержание ограниченно использовалось в качестве исторических источников. Чего действительно не было, так это изучения названных актов с точки

зрения источниковедов-дипломатистов. Прежде ученые вели «открытую» разработку ярлыков, используя в своих исторических построениях те действительные или мнимые факты, которые лежали на поверхности, были видны глазу, не вооруженному знанием источниковедческого анализа.

Только И. Вашари, занятому неустанными поисками, публикацией и историко-лингвистическим осмыслением золотоордынских документов, удалось первому (и в этом его несомненная заслуга) увидеть, что «договоры» золотоордынских ханов с итальянским купечеством по своей форме точно соответствуют ярлыкам. Он пошел дальше и предложил сравнить итальянские переводы ханских ярлыков с актами широко известного сборника ханских ярлыков русскому духовенству. Мы, объединив усилия источниковеда-востоковеда и филолога-романиста, приступаем к реконструкции содержания старейшего из сохранившихся итальянских актов — ярлыка Узбека венецианским купцам Азова.

Только прежде хотелось бы уточнить еще одно высказывание И. Вашари. Говоря о значении ханских ярлыков итальянским купцам, т. е. венецианцам и генуэзцам Таны и Кафы, автор добавляет: «Нам удалось исследовать эти документы в собраниях Италии»[18]. В примечаниях к статье он неоднократно ссылается на эти «собрания»[19]. Оказывается, автор имел в виду Государственный архив Венеции. В указаниях на публикации архивных документов также речь идет только о венецианских актах. Конечно, золотоордынские ханы выдавали свои ярлыки и представителям купечества Генуэзской республики, причем генуэзцам ярлыки выдавались раньше, чем венецианцам. Однако ни один из такого рода генуэзских актов вплоть до конца 70-х годов XIV в. до нас не дошел (или еще не обнаружен). В качестве подтверждения этих слов сошлемся на последние исследования советских историков С. П. Карпова и К. А. Жукова, которые широко привлекали архивные документы XIV в. Генуи и Венеции и все их новые публикации[20]. Выходит, что пока мы вынуждены ограничиться источниковедческим анализом ярлыков, выданных только венецианским купцам.

История итальянского торгового проникновения в Черное море детально разработана в сотнях исследований. Напомним ее самые крупные вехи. Нимфейский договор 1261 г. между Византи-

ей и Генуей открыл перед последней ворота в Черное море. По византийско-венецианскому договору 1265 г. были восстановлены привилегии венецианцев[21]. Весь последующий период — до времени выдачи ярлыка Узбека венецианским купцам Азова — проходит под знаком экономической экспансии и постоянного соперничества двух крупнейших морских республик средневековья — Венеции и Генуи.

В 1266–1270 гг. генуэзцы утверждаются на побережье Крыма в Кафе, в 1274 г. — в Солдайе (Судаке). К 1281 г. относится возникновение генуэзского поселения в Трапезунде, а к 1292 г. генуэзцы уже прочно освоили караванную дорогу между Трапезундом и Тебризом[22]. За 2–3 десятка лет смелые и предприимчивые генуэзские моряки, купцы и ремесленники создали разветвленную сеть поселений на всем побережье Черного моря. Венецианцам приходилось в острой, подчас принимавшей форму вооруженных столкновений конкурентной борьбе догонять своих соперников, теснить их по всем направлениям. Присутствие венецианцев в Трапезунде доказано с 1291 г. Постепенно там складывается их торговая фактория. Хрисовул трапезундского императора от 1319 г. явился первым документом, оформившим отношения между сложившимся венецианским поселением и императорской администрацией. К 1323 г. относится первое упоминание о главе венецианской администрации в Трапезунде — байло[23].

Сразу же после получения хрисовула 1319 г., обеспечившего им базу в Трапезунде, венецианцы предпринимают энергичные усилия для закрепления на караванном торговом пути Трапезунд — Тебриз. Присутствие их в Тебризе прослеживается в документах с 1264 г.[24] В декабре 1320 г. их дож Джованни Соранцо (1312–1323) уполномочил посла Микеле Дольфино представить на рассмотрение хулагуидского ильхана Абу Саида (1320–1335) проект жалованной грамоты на итальянском языке, состоявший из 29 пунктов. Проект предусматривал для венецианцев свободное передвижение и беспрепятственную торговлю на всей территории Хулагуидского Ирана. В случае смерти венецианского купца в Иране его имущество и деньги возвращались старшему из венецианской администрации, которому поручалось и судопроизводство в пределах венецианской общины по законам и обычаям своей страны. Венецианцы

освобождались от всех налогов и поборов, взимаемых местными властями. Им разрешалось строить католические храмы в любом городе империи, свободно изготовлять вино для собственного потребления и т. п.[25]

Прошло более 10 лет, прежде чем специальное венецианское посольство, расходы на содержание которого в виде особого налога обязали оплатить самих венецианских купцов, торговавших в Иране, наконец заключило в конце 1331 — начале 1332 г. договор с правительством Абу Саида. Жалованная грамота ильхана определила условия взаимной торговли иранских и итальянских купцов в Тебризе и Трапезунде на паритетных началах и с взаимной гарантией безопасности[26].

Закрепившись в Трапезунде и Тебризе, венецианцы направили свои усилия в сторону Северного Причерноморья. Противодействие Генуи помешало им основать торговую факторию на побережье Крыма. Они преуспели только на Азовском море, где в устье Дона (Танаиса) им удалось потеснить генуэзцев и устроить свой квартал в золотоордынском городе Азаке (Азове), который итальянцы называли Тана. Первое упоминание о венецианском консуле Таны относится к 1322 г.[27], а первую жалованную грамоту ордынского хана венецианские купцы Азова получили спустя 10 лет. Видимо, прав С. П. Карпов, утверждая, что «возникновение фактории, имевшей определенный политический и правовой статус, не является этапом зарождения связей и не совпадает с началом колонизации (как предполагалось), а скорее есть уже итог определенных отношений, возникших в предшествующий период»[28].

Ярлык Узбека (1313–1341) удалось получить венецианскому послу Андреа Дзено в правление дожа Франческо Дандоло (1328–1339). Синхронный перевод этой жалованной грамоты на латинский язык хранится в Государственном архиве Венеции в материалах Венецианских ассамблей среди документов из серии Commemoriali, где регистрировались важнейшие международные соглашения. Значительная часть актов этой серии опубликована в «Венециано-Левантийском дипломатарии». Там же под названием Pactum Venetorum cum Husbecho imperatope Tartarorum. A. d. 1333 (Договор Венеции с императором татар Узбеком. Лета господня 1333) напечатан и интересующий нас ярлык[29]. Именно этот

печатный текст лег в основу предлагаемой здесь реконструкции содержания подлинного текста ярлыка Узбека.

Предварительная работа свелась к тому, что мы расчленили печатный текст латинского перевода ярлыка на разделы, соответствующие статьям уже разработанного формуляра золотоордынских жалованных грамот[30]. Ниже предлагается реконструкция содержания каждого из этих разделов.

In uirtute eterni Dei et sua magna pietate miserante Osbach uerbum nostrum de pertinentia Cutluctemir ad Machmattoia principaliter et maioribus de Tana et ad comerçarios et pedaçarios et multis hominibus et uniuersis. — «Силою вечного бога и его великой доброты милосердием, наше, Узбека, слово, относящимся к Кутлуг-Тимуру, особенно к Мухаммед-ходже и старшим Таны, и к сборщикам коммеркия, и сборщикам дорожных пошлин, и многим людям, и всем».

Раздел соответствует статье *обращение* формуляра золотоордынских жалованных грамот. Эта статья состоит из оборотов *мотивированный указ* и *адресат*. Содержание оборота *мотивированный указ* в ярлыках Узбека известно по монгольскому тексту дошедшей до нас серебряной пайцзы этого хана: «Предвечного бога силою, пламени великого благоденствия покровительством, наше, Узбека, повеление»[31]. Рассмотрим указ латинского перевода ярлыка по элементам, сравнивая каждый из них с соответствующим элементом монгольского указа на пайцзе.

Первая половина мотивировки «силою вечного бога» по содержанию равнозначна элементу «предвечного бога силою». В реконструированном виде содержание этого элемента передаем словами русского перевода первого элемента на пайцзе Узбека, т. е. «предвечного бога силою».

Вторая половина мотивировки «и его великой доброты милосердием» не совмещается по смыслу с элементом «пламени великого благоденствия покровительством». В латинском переводе речь идет о милосердии «вечного бога», а в монгольском тексте сочетание слов «пламя великого благоденствия», предположительно, является обозначением обожествленного предка всех чингисидов — Чингис-хана, который оказывает покровительство одному из своих державных потомков[32]. Известно, что латинский перевод ярлыка выполнялся с

куманского, т. е. половецкого языка (о чем мы еще будем говорить). В нашем распоряжении нет текста на половецком и вообще любом другом тюркском языке, где бы вторая половина вышеприведенной монгольской мотивировки передавалась по-тюркски. Как ее осмысливали и передавали средствами тюркского языка, мы просто не знаем. Остается принять реконструкцию содержания этого фрагмента, исходя из русского перевода монгольского текста «пламени великого благоденствия покровительством».

Собственно указ «наше, Узбека, слово» в латинском переводе разнится от монгольского текста концовкой «слово», которая по-монгольски передавалась через «повеление». Эта разница легко объяснима. В передаче на тюркский язык эта концовка и должна была превратиться в «слово», т. е. «указ». Такова была тюркская золотоордынская канцелярская традиция[33]. Другое дело, что притяжательное местоимение «наше» в латинском переводе ярлыка является своеобразной данью уважения переводчика к «императору» Узбеку. На самом деле та же канцелярская традиция предписывала оформлять слово «указ» в ханских ярлыках аффиксом принадлежности первого лица единственного числа. В реконструированном виде собственно указ читался «мой, Узбека, указ». В целом *мотивированный указ* как оборот выглядел таким образом: «Предвечного бога силою, пламени великого благоденствия покровительством, мой, Узбека, указ».

Границы элементов оборота *адресат* в русском переводе латинского текста четко обозначены запятыми: «относящимся к Кутлуг-Тимуру, особенно к Мухаммед-ходже и старшим Таны, и к сборщикам коммеркия, и сборщикам дорожных пошлин, и многим людям, и всем».

Элемент «относящимся к Кутлуг-Тимуру», при всей его краткости, далеко не прост. Если в ярлыке Менгу-Тимура, составленном на монгольском языке в 1267 г., адресат начинался сразу с перечисления различных групп ордынских должностных лиц без указания на их главных начальников[34], то при написании по-тюркски адресата в ярлыке Узбека вступал в действие другой канцелярский штамп, форма которого сохранилась в копии ярлыка Тимур-Кутлука от 1398 г., созданной по-тюркски буквами уйгурского алфавита[35]. Форма начала адресата была такой: название государства

в родительном падеже + указание на ханских кровных родственников — «сыновей» («огланов»), а также князей тем (т. е. десятков тысяч), тысяч, сотен и десятков — в дательном падеже. После указания на князей тем («темников») писалось имя беглербека, или улугбека, т. е. главного князя, командующего войсками родовых князей. К имени улугбека прибавлялось слово «башлыг» («под началом с»).

Что-то в передаче именно такой формы начала адресата затруднило переводчика ярлыка Узбека на латинский язык. Возможно, он посчитал излишним перечислять в переводе ярлыка, предоставлявшего ряд привилегий венецианцам, все категории военачальников, подчиненных ордынскому улугбеку, и потому ограничился кратким обобщением — «относящиеся к Кутлуг-Тимуру».

Арабские историки XIV в. Ибн Дукмак и Ибн Халдун, а также персоязычные авторы, написавшие в XIV–XV вв. «Историю Шейх-Увейса» и «Продолжение сборника летописей», солидарны в том, что Кутлуг-Тимур был улугбеком еще в правительстве сына Менгу-Тимура Токты (1290–1312). После смерти последнего Кутлуг-Тимур выступил инициатором возведения на престол племянника Токты, сына Тогрылчи, Узбека. Когда в конце января 1313 г. его план удался, Кутлуг-Тимур сохранил за собой пост улугбека и решающее влияние на все дела государства[36]. Арабский автор Ибн Баттута, лично знакомый с Кутлуг-Тимуром, сообщает, что тот был родственником Узбека по женской линии. Еще Токта отдал ему в жены свою сестру. Родившийся от этого брака сын Кутлуг-Тимура Харунбек впоследствии женился на дочери Узбека и Тайдулы[37]. В 1314 г. всесильный улугбек посоветовал, по словам Ибн Дукмака, Узбеку скрепить свой союз с мамлюкским султаном Египта браком последнего на родственнице хана. Это бракосочетание состоялось в 1320 г.[38] В 1316 г., после кончины ильхана Улджайту, Узбек отклонил, опять по совету Кутлуг-Тимура, предложение монгольской родовой знати принять под свою руку Хулагуидское государство[39].

Позднее, в 1320 г., Кутлуг-Тимур в качестве главнокомандующего ордынским войском вел в Иране неудачные военные действия. Видимо, это послужило причиной замены его в 1321 г. на посту улугбека другим родовым князем — Исой. Кутлуг-Тимур стал на-

местником Хорезма[40]. Ибн Халдун сообщает, что уже в 1324 г. Узбек вновь вернул опальному сановнику пост улугбека[41]. Потому-то имя Кутлуг-Тимура и фигурирует на первом месте в адресате ярлыка Узбека. Побывавший в ставке Узбека в 1334 г. Ибн Баттута свидетельствует, что улугбеком в Сарае опять был Иса. Продолжив свое путешествие до Ургенча, арабский автор застает там в роли наместника Хорезма Кутлуг-Тимура[42]. Персоязычный историк Хамдаллах Казвини сообщает, что поздней осенью 1335 г. из Хорезма в Иран пришло известие о смерти Кутлуг-Тимура[43].

Вернемся к началу адресата в ярлыке Узбека. На первом месте в нем должно было фигурировать официальное название государства. Известно, что улус Джучи назывался в ордынских источниках Монгольским, или Великим государством[44]. Прежде мы полагали, что все (за исключением последнего) ханские ярлыки русскому духовенству писались вначале по-монгольски, а потом уже переводились на тюркский язык-посредник, традиционно знакомый переводчикам русских княжеских канцелярий. Сейчас, на примере ярлыка Узбека, мы воочию убеждаемся в существовании уже в первой половине XIV в. ханских жалованных грамот, изначально написанных по-тюркски. Следовательно, вполне возможно, что в те времена официальное название Золотой Орды и по-тюркски обозначалось как Монгольское государство. Тогда в начале адресата ярлыка Узбека стояли слова «Монгольского государства», а далее: «правого и левого крыла огланам, тем под началом с Кутлуг-Тимуром, тысяч, сотен и десятков князьям».

В словах адресата ярлыка Узбека «особенно к Мухаммед-ходже и старшим Таны» мы усматриваем элемент, который в адресате ярлыка Менгу-Тимура обозначался словами «даругам-князьям городов и селений»[45]. Тогда реконструкция содержания этого элемента в ярлыке Узбека выглядела бы следующим образом: «даругам-князьям Азова под началом с Мухаммед-ходжой». Известно, что золотоордынское название города Азова звучало как Азак, а итальянцы называли его Тана (как производное от древнегреческого названия реки Дон — Танаис). Имя Мухаммед-ходжи ал-Хорезми встречается в рассказе Ибн Баттуты, который посетил Азов в 1334 г.[46]Путешественник назвал его эмиром, т. е. правителем Азова. Мы полагаем, что Мухаммед-ходжа был главным даругой, или

баскаком, Азова и прилегающих земель, в функции которого входило управление городом и надзор за взиманием различных налогов и сборов[47].

Элемент «и к сборщикам коммеркия» в адресате ярлыка Узбека по смыслу тесно связан с предыдущим. В нем говорится о чиновниках, взимавших различные торговые пошлины. Какие именно? Для понимания этого вспомним содержание латинского термина «коммеркий», исследованного С. П. Карповым применительно к хрисовулу трапезундского императора, выданному венецианцам в 1319 г.[48] В тех конкретных условиях коммеркий складывался из ввозной пошлины, налога с оборота и таксы за взвешивание товара. Ввозная пошлина взималась в виде точно фиксированной суммы с любого тюка ввозимых товаров вне зависимости от их цены. Налог с оборота составлял 3% от стоимости данного товара, если сделка совершалась между венецианцем и невенецианцем. Такса при взвешивании товара на государственных весах составляла 1,5% от его стоимости. Причем таксу за взвешивание полагалось платить контрагентам даже в случае, если сделка совершалась между венецианцами.

Источники по истории Золотой Орды умалчивают о взимании на ее территории ввозной пошлины. Налог с оборота назывался «тамга». Собирать его полагалось «тамгачи», т. е. таможнику. Такса за взвешивание товаров именовалась «тартанак». Ее взыскивал «тартанакчи», т. е. весовщик[49]. Так что под «сборщиками коммеркия» в ярлыке Узбека переводчик подразумевал таможников и весовщиков. Реконструированное содержание элемента сводилось к словам: «таможникам и весовщикам».

Элемент «и сборщикам дорожных пошлин» в ярлыке Узбека продолжал перечисление чиновников фиска. Кто конкретно имелся в виду? Похоже на то, что на этот непростой вопрос ответили сами венецианцы, когда в декабре 1320 г. предложили на рассмотрение чингисида Абу Саида свой вариант жалованной грамоты на торговлю в Хулагуидском Иране. В одном из пунктов этого соглашения ильханским сборщикам дорожных пошлин предписывалось взимать с проезжих венецианцев только законную плату, воздерживаясь при этом от применения силы. Итальянский термин «сборщики дорожных пошлин» (pedageri del chamin) приравнивался там

к двум монголо-тюркским терминам «туткаулы» (tatauli) и «караулы» (charauli)[50].

Словом «туткаул», переводившимся нами как «заставщик», обозначали чиновника, надзиравшего за работой государственных почтовых станций — «ямов»[51]. Тюркское слово «караул» (др.-тюрк. qaraγu) означало прежде всего «стражу, караул»[52], т. е. вооруженный отряд, несущий охрану дорог, а также его начальника, взимавшего с путников плату за безопасный проезд. Имея в виду именно эти категории сборщиков дорожных пошлин, содержание элемента можно реконструировать словами «заставщикам и караульщикам».

М. М. Ковалевский в свое время трактовал термин pedaçarios (pedazarios) не так, как только что интерпретировали его мы. Он переводил его словами «лицам, заведующим публичными весами», т. е. весовщикам[53]. На это можно возразить следующее. Во-первых, теперь известно, что в XIV в. венецианцы называли своего весовщика ponderator[54]. Во-вторых, из итальянского проекта жалованной грамоты Абу Саида мы знаем, что дорожный сбор обозначался термином pedazo[55], производным от которого и является спорное слово pedazarios.

В наши дни А. Г. Емановым был прояснен вопрос о монете, служившей для итальянских купцов XIII–XV вв. на территории Золотой Орды в качестве денежных знаков и выполнявшей функции мерила стоимости покупаемых товаров, средства платежа налогов и сборов и т. д. Оказывается, постоянно фигурирующий в итальянских письменных источниках денежный знак «аспр» представлял собой не реальную, а идеальную монету, т. е. означал определенное количество серебра определенной пробы. Возникнув в сфере итальянского кредита, аспр как условная единица был призван гарантировать кредиторам не какое-то количество вызывающих недоверие местных золотоордынских денег, а весовое количество благородного металла установленной пробы. Параметры данной единицы, принятые среди итальянских купцов, устанавливались и контролировались банкирами Кафы в зависимости от состояния фонда обращаемого в Северном Причерноморье серебра и в зависимости от местных весовых норм.

Основным весовым эталоном, имевшим распространение в данном регионе, служил соммо. Так называли слиток серебра ладье-

видной формы. Соммо Кафы, по свидетельству современника, весил 8,5 генуэзских унций, т. е. составлял теоретически 224,365 г и имел высокую 975-ю пробу. Реальный соммо, судя по взвешиванию обнаруженных в результате археологических раскопок слитков, весил в среднем 198,4 г и имел 960-ю пробу.

Аспр мог найти свое количественное выражение только через отношение к соммо. При расчете в 1320 г. стоимость 1 соммо считалась эквивалентной стоимости 120 аспров, т. е. каждый аспр выражал 1,87 г серебра тождественной пробы. Это идеально обозначаемое количество серебра должно было быть постоянным, в отличие от золотоордынского дирхема, и обеспечивать устойчивые прибыли. Однако на деле идеальный аспр не мог не испытывать воздействия реальной денежной системы с присущим ей колебанием стоимости серебра.

На протяжении всего XIV в. наблюдается постоянное изменение достоинства аспра. В 1343 г. 1 соммо соответствовал 200 аспрам, следовательно, 1 аспр составлял всего лишь 1,12 г. Наряду с этим использовалось новое количественное значение аспра, выражающее 4 г серебра, когда каждый соммо соответствовал 54,5 аспров «новых». В 1374–1375 гг. соммо приравнивался к 139,25 аспров по 1,61 г, в 1381–1382 гг. — к 142 аспрам по 1,58 г, в 1386–1387 гг., когда генуэзцы вели войну с наместником Солхата (Старого Крыма), отношение аспра к соммо понизилось со 145 до 160 аспров в соммо, при понижении веса аспра с 1,56 г до 1,40 г. В отдельные годы отношение аспра к соммо доходило до 172 : 1 при весе аспра в 1,30 г.

Со второй половины XIV в. система идеального аспра постепенно изживает себя и подготавливается переход к производству реального аспра как специфической, латинско-ордынской серебряной монеты. Первоначально эмиссия такого аспра, возможно, осуществлялась в Генуе, с 20-х годов XV в. аспр начинает чеканиться генуэзцами в Кафе[56].

Элементы «и многим людям, и всем» были детально рассмотрены нами при реконструкции содержания адресата ярлыка Бердибека, выданного русскому митрополиту Алексию в 1357 г. Их содержание выражалось в словах «многим людям, идущим по какому-нибудь делу, всем»[57].

Итак, содержание оборота *адресат* статьи *обращение* ярлыка Узбека реконструируется следующим образом: «Монгольского государства правого и левого крыла огланам, тем под началом с Кутлуг-Тимуром, тысяч, сотен и десятков князьям, даругам-князьям Азова под началом с Мухаммед-ходжой, таможникам и весовщикам, заставщикам и караульщикам, многим людям, идущим по какому-нибудь делу, всем».

Второй статьей ярлыка Узбека является *объявление о пожаловании*. Поскольку перед нами изначальная жалованная грамота, то статья эта должна состоять из одного оборота, включающего следующий текст: Maior populi Venetorum et comune cupientes, ut eorum mercatores uenientes in Tanam, habitarent et domos hedificarent ad faciendum mercationes suas, si de gratia daretur eis terra, mercatores aduenientes, ut comercium jmperiale juste persoluant, mandauerunt postulantes; quorum peticionem exaudiuimus, et dedimus eis in Tanam retro hospitalis ecclesiam usque ad littus Tenis fluuij locum lutosum, ut habitantes domos hedificent, aplicantesque naues suas in Tanam, in quibuscunque ciuitatibus contingat eos facere mercationes suas, tres de centum comercium jmperiale juste debeant dare; si non facient mercationes, non petatis comercium. — «Старшие народа венецианцев и общины, пожелавшие, чтобы их купцы, приезжающие в Тану, проживали там и возводили дома, а при совершении купли-продажи, если по [нашей] милости им будет дана та земля, чтобы приезжающие купцы выплачивали [нам] по закону императорский коммеркий, подали [нам] прошения; посему их просьбы были [нами] выслушаны и передано им в Тане, позади церкви госпитальеров, на берегу реки Танаис болотистое место, чтобы его обитатели возводили там дома, а их корабли, пристающие к берегу в Тане, совершавшие куплю-продажу там или в каком бы то ни было другом городе, по закону должны давать [нам] императорский коммеркий три с сотни; если не совершается купля-продажа, пусть не домогаются у них коммеркия».

В целом статья *объявление о пожаловании* в ярлыке Узбека в ее латинской интерпретации, на наш взгляд, перегружена информацией и имеет следы позднейшей редакторской правки. Схема построения этой статьи на основании трех золотоордынских ярлыков 1381–1420 гг., сохранившихся на языке оригинала, может быть

представлена в таком виде: «Так как обладающие этим ярлыком... имена грамотчиков) обратились к нам с прошением, говоря, что... существо просьбы), мы, выслушав их прошение и признав его исполнимым, объявляем... (такую-то недвижимость) отданной нами в их пользование с тем, чтобы... (самая суть условий пользования)»[58].

Следуя этой схеме, уточняем вначале обозначение грамотчиков. В латинском переводе их личные имена отсутствуют. Не исключено, что в ранних золотоордынских ярлыках личные имена грамотчиков-иноземцев вообще не фиксировались. Вспомним отсутствие имени митрополита Кирилла в ярлыке Менгу-Тимура[59]. Как понимать обозначение «старшие народа венецианцев и общины»? «Старшие», или главные, это, конечно, «стоящие во главе», «руководители». В слове «народ», или «люди» (в ханских ярлыках русским митрополитам), мы усматриваем перевод монголо-татарского термина «улус». Перевод в общем правильный. Однако в случае, когда речь идет о названии страны, это слово точнее переводить как «государство»[60]. Нам представляется, что под «общиной» составители ярлыка понимали не венецианскую городскую «коммуну», т. е. общность административно-территориальную, а религиозную общину, т. е. в данном случае общность этническую — собственно венецианский «народ». В итоге все обозначение следует понимать так: «Руководители государства и народа Венеции», т. е. венецианские дожи. Надо полагать, что здесь говорится не о ряде дожей, а только об одном грамотчике — Франческо Дандоло, в правление которого был получен этот ярлык.

Ордынский город Азак в подлинном ярлыке, естественно, так и назывался. При реконструкции его содержания мы заменяем итальянское переводное наименование Тана на сегодняшнее — Азов, ибо последнее является лишь фонетическим вариантом названия Азак. Название реки Танаис по-тюркски звучало Тен, т. е. практически равнозначно тогдашнему Дон, которое и оставляем в нашей реконструкции.

Полагаем, что итальянский термин «императорский коммеркий» замещал термин подлинного текста ярлыка «ханская тамга» («хан тамгасы»), т. е. «ханский торговый налог». «Три с сотни» — это, разумеется, 3%.

Содержание статьи *объявление о пожаловании* реконструируем следующим образом: «Так как обладающий этим ярлыком руководитель государства и народа Венеции обратился к нам с прошением, говоря, что он желает, чтобы его купцы приезжали в Азов, проживали там и возводили дома, а при совершении торговых сделок платили в нашу казну по закону ханский торговый налог, мы, выслушав его прошение и признав его исполненным, объявляем болотистое место в Азове, что позади церкви госпитальеров, на берегу реки Дон, отданным в его пользование с тем, чтобы его приезжающие купцы проживали там и возводили дома, а при совершении торговых сделок платили бы в нашу казну по закону ханский торговый налог».

Остальную информацию, которая содержится в латинском переводе статьи, предлагаем перенести в следующую статью ярлыка, которая называлась *условия пожалования* и всегда начиналась словами: «Отныне и впредь...»[61] Эти слова обычно открывали целый комплекс оборотов, каждый из которых уточнял привилегии, в самом общем виде названные в статье *объявление о пожаловании.*

Первый оборот статьи *условия пожалования* представляется нам таким: «Отныне и впредь венецианские купцы, приезжающие к нам на кораблях и совершающие торговые сделки в городе Азове и других городах, пусть платят в нашу казну торговый налог в размере трех процентов; если купля-продажа ими не производится, пусть никто не требует с них торгового налога».

Под «другими городами» в ярлыке Узбека подразумевались прежде всего золотоордынские города и генуэзские торговые фактории на берегах Керченского пролива: Матрега (Тамань), Ло Копа (Славянск-на-Кубани), Воспоро (Керчь); на юго-востоке Крымского полуострова: Кафа, Солдайя и перевалочная база между ними — Крым (Солхат, Старый Крым), являвшийся административным центром золотоордынского тюмена. В правление Узбека в Азове и Крыму чеканилась ордынская монета.

Следующий оборот статьи четко отграничен в латинском переводе: Item, de lapidibus preciosis, de margaritis, de auro, de argento, de auro filato commercium non accipiebatur ab antiquo, nec modo debetis accipere comercium. — «Также, с [торговли] драгоценными камнями,

жемчугом, золотом, серебром, золотой канителью коммеркий не получали исстари; и ныне не должны получать коммеркий».

Этот и все обороты статьи латинского перевода ярлыка начинаются словом «также». В подлинных тюркских текстах золотоордынских ярлыков (как и в монгольских текстах жалованных грамот других чингисидов) в таких случаях употреблялось однозначное монголо-тюркское слово «баса»[62]. Что касается содержания оборота — освобождение от торгового налога сделок, имевших своими объектами драгоценные камни и металлы, — то здесь проявляется общая для всех причерноморских средневековых государств заинтересованность их господствующих классов в притоке ценных товаров[63].

Словарь XIV в. «Кодекс куманикус» содержит раздел «Драгоценные камни», в который включены названия: яхонт, рубин, сапфир, изумруд, алмаз, гранат, топаз, бирюза, яшма, агат, сердолик, аметист, лал, хрусталь, жемчуг, стекло[64]. Относительно золотой канители, необходимой для производства златотканых материй, весьма ценимых на Востоке, можно уточнить следующую деталь. Золото из-за недостаточной тягучести не подходило для изготовления тончайшей нити, пригодной для тканья. Поэтому венецианские ремесленники тянули в нить не золото, а золоченое серебро высшей пробы[65].

Реконструируем оборот в таком виде: «Также, у нас исстари не брали торговый налог с торговли драгоценными камнями, жемчугом, золотом, серебром, золотой канителью; и ныне пусть его не берут».

Следующий оборот: Item, si erunt aliqua, que debeant uendi ad pondus, ex parte comerçarij erit unus socius, ex parte consulis similiter unus socius, stantes simul et equaliter ponderantes, justum soluant comercium. — «Также, если имеется что-либо, что должно быть продано на вес, то со стороны сборщика коммеркия пусть будет один помощник, со стороны консула соответственно — один помощник; они стоят вместе и одинаково взвешивают; [продавец и покупатель] уплачивают [в казну] причитающийся по закону коммеркий».

При совершении торговой сделки венецианцы платили сборщику налога — таможнику объявленный выше трехпроцентный торговый налог с оборота. Кроме того, и продавец и покупатель обязаны

были уплатить весовщику таксу за взвешивание на казенных весах. Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что сумма весового сбора составляла половину от таможенного, как, например, это было зафиксировано в трапезундском хрисовуле 1319 г.[66]

В обороте названа должность консула. Тем самым правительство Золотой Орды официально признавало консула главой венецианской администрации в Азове. «Кодекс куманикус» позволяет определить место консула в золотоордынской «табели о рангах». Его пост приравнивался к должности кадия — религиозного судьи в мусульманской общине[67]. Кадий принимал решения как по вопросам религии, так и по вопросам семейного, наследственного и частично уголовного права, следил за соблюдением мусульманами религиозных обязанностей, основываясь на установлениях шариата.

Реконструированное содержание оборота будет таким: «Также, если какой-либо товар продается на вес, то от ханского таможника и консула выделяются соответственно по одному уполномоченному, которые стоят вместе, следят за точностью взвешивания и уплаты продавцом и покупателем в казну по закону торгового налога и весового сбора».

Следующий оборот: Item, facientibus ipsis emptionem uel uenditionem, dantibus censarijs capparum uel accipientibus inter ipsos, datum capparum sit firmum, et non disoluatur. — «Также, совершающие между собой куплю или продажу дают посреднику задаток или принимают его один от другого; данный задаток считается действительным и не подлежит возмещению».

Перед нами специфическое условие совершения торговой сделки, суть которого состоит в том, что задаток не возвращается, а входит в стоимость покупки.

Названный в обороте термин censarius помогает интерпретировать все тот же «Кодекс куманикус». Оказывается, так именовали торгового посредника, маклера. По-тюркски его должность звучала в то время «миянчи»[68]. Слово capparum «задаток» имело в Золотой Орде соответствие, производное от арабского однозначного термина «бай'ат». Его тюркское звучание передавалось составителями словаря латинскими буквами — behet[69].

Реконструируем содержание оборота в таком виде: «Также, сто-

роны, совершающие между собой куплю или продажу, дают посреднику или принимают одна от другой задаток; такой задаток считается действительным и входит в стоимость покупки».

Следующий оборот: Item, si cum hominibus istius contrate Veneti habeant uerba uel questiones, cum dominis terre consul, similiter sedentes examinet, et diffiniant, nec capiant unum pro alio. — «Также, если этот [наш] человек и венецианец скажут один против другого слово или подадут жалобу, то пусть правитель края и консул соответственно тщательно расследуют [конфликт] и определят [меру ответственности каждого]; и не хватают одного вместо другого».

Обозначение должностного лица ордынской администрации dominus terre истолковывается нами как «правитель края», ибо термин dominus имел в ту пору четкое тюркское соответствие — «бек»[70], т. е. «правитель, князь». Иными словами, венецианский консул в Азове имел в качестве коллеги по совместному суду с ордынской стороны самого даругу-князя Мухаммед-ходжу.

Оборот содержит важное положение, которое формально здесь не зафиксировано, но логически вытекает из него. При возникновении конфликтных ситуаций между ханскими подданными и венецианцами предполагалось совместное судебное разбирательство представителя хана и венецианского консула. Само по себе это условие было несомненным завоеванием венецианской дипломатии. Но из него следовало и другое: все спорные дела, возникавшие в Азове между венецианцами, решались консулом самостоятельно.

В конце оборота говорилось об условии, жизненно важном для венецианской общины Азова. Человек, совершивший наказуемый проступок, должен был нести за него ответственность лично. Запрещалось арестовывать вместо него родственника или просто рядом живущего венецианца.

Реконструируем содержание оборота: «Также, если поссорится наш человек с венецианцем и один на другого подаст жалобу, то пусть наш правитель края и соответственно венецианский консул тщательно расследуют конфликт и определят меру ответственности каждого; и пусть не хватают невиновного взамен виновного».

Следующий оборот: Item, de naui de duabus cabijs, et de naui de una cabia, secundum priorem consuetudinem debeant dare, diximus, ut uenientes et euntes ad ipsum teneant. — «Также, с кораблей с двумя

мачтами и с кораблей с одной мачтой по прежнему обычаю должны платить, мы повелели; прибывающие и отбывающие суда обязаны соблюдать это в полной мере».

Этот последний оборот статьи *условия пожалования* отражал обычай взимать плату с приходящего в ордынский порт и отплывающего из него торгового судна, руководствуясь при этом числом его мачт, т. е. размером судна. Этот сбор, видимо, заменял собой ввозную и вывозную пошлины с находившихся на корабле товаров.

Сумма сбора была, скорее всего, традиционно фиксированной, ибо в XIII–XV вв. не только венецианский торговый флот, но и все Средиземноморье знали только два типа кораблей: галеру (галею) (низкие борта, узкая вытянутая форма, одна мачта с треугольным «латинским» парусом, незначительная вместимость, сравнительная быстроходность) и «круглый корабль», или неф (наву) (высокие борта, округлая форма, повышенная вместимость трюмов, две или три мачты с квадратными парусами, сравнительная тихоходность)[71].

После реконструкции содержание оборота гласит: «Также, мы повелели, чтобы венецианцы платили с двухмачтовых и одномачтовых кораблей по прежнему обычаю; все их прибывающие и отбывающие суда обязаны в полной мере соблюдать это».

На этом статья *условия пожалования* заканчивается. Начинается четвертая, последняя, статья ярлыка Узбека, называемая *удостоверение*: Dedimus baisa et priuilegium cum bullis rubeis in anno simie octaue lune, die quarto exeunte, justa fluuium Coban, apud ripam rubeam existentes, scripsimus. — «Дали байсу и привилегию с красной печатью; в год обезьяны восьмого месяца в четвертый [день] убывающей [Луны], у реки Кобан на Красном берегу, когда [мы] находились, написали».

По форме латинский перевод статьи очень похож на русский перевод той же статьи в ярлыке Бердибека, выданном в 1357 г. митрополиту Алексию[72]. При реконструкции содержания тот и другой переводы можно скорректировать соответствующими статьями в монгольской грамоте Абу Саида, выданной в 1320 г., и тюркской грамоте тимурида Шахруха, начертанной буквами уйгурского алфавита в 1422 г.[73]

Нетрудно заметить, что статья состоит из двух оборотов. Пер-

вый оборот: «Дали байсу и привилегию с красной печатью». Байса — тюркское звучание, одинаково точно переданное в латинском и русском переводах, китайского термина «пайцза», обозначавшего у чингисидов всех регионов своеобразное металлическое (золотое, серебряное и др.) удостоверение, которое выдавалось грамотчику одновременно с жалованной грамотой — ярлыком. Примечательно, что уже само по себе наличие термина байса («пайцза») в переводе ярлыка служит указанием на то, что он переводился с тюркского языка, ибо монгольское обозначение того же термина — «гереге»[74].

Слово «привилегия» в ярлыке Узбека — латинский перевод-толкование ордынского «ярлык». Слова «с красной печатью» присутствуют в оригинальных текстах ярлыков Токтамыша, Тимур-Кутлука и Улуг-Мухаммеда[75]. Сочетание «ал тамгалык» точнее было бы перевести «алотамговый», так как на ярлыке, как правило, оттискивалась не одна печать (алая квадратная тамга — знак собственности, заменявший хану государственную печать), а несколько.

Первыми словами этого оборота статьи *удостоверение* во всех тюркских текстах золотоордынских ярлыков было словосочетание «тута тургугак», которое в ханских ярлыках русским митрополитам переводилось «на утвержение», а нами трактуется «для постоянного хранения».

Реконструированное содержание оборота может быть выражено в словах: «Выданы для постоянного хранения пайцза и алотамговый ярлык».

Второй оборот статьи: «в год обезьяны восьмого месяца в четвертый [день] убывающей [Луны], у реки Кобан на Красном берегу когда [мы] находились, написали», — по форме и содержанию соответствует таковому же в ярлыке Бердибека и жалованных грамотах Тайдулы, выданных русскому духовенству[76].

Обозначение времени написания документа в ярлыке Узбека отличается от того, каким оно было в ярлыке Менгу-Тимура[77] и во всех других жалованных грамотах чингисидов, написанных по-монгольски[78]. Подлинные тексты ярлыков XIV в., начертанных уйгурицей по-тюркски, не сохранились. Обозначение месяца написания жалованной грамоты, сохранившееся в чингисидских ак-

тах китайского письма, совпадает с тем, которое мы видим в ярлыке Узбека[79]. Объяснение этого явления заключается в том, что и тюрки-уйгуры, и китайцы издревле пользовались лунно-солнечно-юпитерным календарем 12-летнего животного цикла, который основывался на трех естественных показателях: месячном обращении Луны вокруг Земли, годичном обращении Земли вокруг Солнца и периоде обращении Юпитера вокруг Солнца[80].

Год обезьяны в правление Узбека приходился по лунно-солнечному календарю не на 1333 г., как до сих пор ошибочно считает И. Вашари[81], а на 1332 г. Это выяснил В. Гейд еще в 1886 г.[82] М. М. Ковалевский присоединился к такой датировке в начале XX в.[83] Пользуясь современным справочником В. В. Цыбульского, легко уточняем дату выдачи ярлыка Узбека с точностью до дня. Четвертый день убывающей Луны восьмого месяца года обезьяны приходился на 9 сентября 1332 г.[84]

Уточняем место выдачи ярлыка. Если предположить, что река Кобан латинского перевода ярлыка — это Кубань, то Красный берег у нее находился где-то в районе старого устья Кубани, некогда впадавшей основным руслом в Кызылташский лиман Черного моря. Сочетание двух тюркских слов «кызыл таш» значит «красный камень». Турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби отмечал кроме Кызылташа в том же районе топоним Адахун, т. е. Кровавый остров[85]. Иными словами, красный цвет почвы, характерный для тех мест, мог дать название «Красный» какому-то участку берега Кубани, если речь в ярлыке шла о береге этой реки, а не о побережье Кызылташского лимана поблизости от устья Кубани. При всем том ставка Узбека могла располагаться и где-то в непосредственной близости от Азова. Вспомним, что 6 сентября 1318 г. тверской князь Михаил Ярославич нашел «орду» Узбека «оу моря Сурожьскаго, идеже вътече Дон река», т. е. под Азовом[86].

В латинском переводе ярлыка отсутствует слово «ставка» («орда»), столь характерное именно для тюркских текстов золотоордынских ярлыков[87]. В соответствующем месте монгольского текста ярлыка Менгу-Тимура слова «ставка» также не было[88]. Отсутствие его в ярлыке Узбека можно объяснить или небрежностью переводчика, или, что представляется нам более вероятным, тем, что тогда еще не сложилась ордынская канцелярская традиция вводить слово

«ставка» в оборот *место выдачи ярлыка*. Потому мы воздерживаемся от включения этого слова в реконструкцию оборота.

Итак, реконструируем содержание второго оборота следующим образом: «Написан в год обезьяны восьмого месяца в четвертый день убывающей Луны [9 сентября 1332 г.], когда мы находились на Красном берегу у реки Кубань».

Собственно на этом и заканчивается латинский перевод тюркского текста ярлыка Узбека. Так что мы с полным основанием можем суммировать наши усилия по реконструкции содержания ярлыка в целом:

«Предвечного бога силою, пламени великого благоденствия покровительством, мой, Узбека, указ Монгольского государства правого и левого крыла огланам, тем под началом с Кутлуг-Тимуром, тысяч, сотен, и десятков князьям, даругам-князьям Азова под началом с Мухаммед-ходжой, таможникам и весовщикам, заставщикам и караульщикам, многим людям, идущим по какому-нибудь делу, всем.

Так как обладающий этим ярлыком руководитель государства и народа Венеции обратился к нам с прошением, говоря, что он желает, чтобы его купцы приезжали в Азов, проживали там и возводили дома, а при совершении торговых сделок платили в нашу казну по закону ханский торговый налог, мы, выслушав его прошение и признав его исполнимым, объявляем болотистое место в Азове, что позади церкви госпитальеров, на берегу реки Дон, отданным нами в его пользование с тем, чтобы его приезжающие купцы проживали там и возводили дома, а при совершении торговых сделок платили бы в нашу казну по закону ханский налог.

Отныне и впредь венецианские купцы, приезжающие к нам на кораблях и совершающие торговые сделки в городе Азове и других городах, пусть платят в нашу казну торговый налог в размере трех процентов; если купля-продажа ими не производится, пусть никто не требует с них торгового налога. Также, у нас исстари не брали торговый налог с торговли драгоценными камнями, жемчугом, золотом, серебром, золотой канителью; и ныне пусть не берут. Также, если какой-либо товар продается на вес, то от ханского таможника и консула выделяются соответственно по одному уполномоченному, которые стоят вместе, следят за точностью взвешивания и

уплаты продавцом и покупателем в казну по закону торгового налога и весового сбора. Также, стороны, совершающие между собой куплю или продажу, дают посреднику или принимают одна от другой задаток; такой задаток считается действительным и входит в стоимость покупки. Также, если поссорится наш человек с венецианцем и один на другого подаст жалобу, то пусть наш правитель края и соответственно венецианский консул тщательно расследуют конфликт и определят меру ответственности каждого; и пусть не хватают невинного взамен виновного. Также, мы повелели, чтобы венецианцы платили с двухмачтовых и одномачтовых кораблей по прежнему обычаю; все их прибывающие и отбывающие суда обязаны в полной мере соблюдать это.

Выданы для постоянного хранения пайцза и алотамговый ярлык. Написан в год обезьяны восьмого месяца в четвертый день убывающей Луны [9 сентября 1332 г.], когда мы находились на Красном берегу у реки Кубань».

За латинским переводом ярлыка следует приписка его переводчика: Et ego frater Dominicus Polonus, ordinis fratrum predicatorum, rogatus transtuli de uerbo ad uerbum omnia supradicta de Cumanico in Latinum, anno Domini MCCCXXXIII, die septimo jntrante Augusto. — «И я, брат Доминик, поляк, [монах] ордена братьев проповедников, по просьбе перевел от слова до слова все вышеизложенное с куманского языка на латинский, лета господня 1333, дня седьмого, текущего [месяца] августа».

Приписка знакомит читателей с именем и «профессиональной принадлежностью» переводчика, указывает точное время переложения тюркского текста ярлыка Узбека на латинский язык. Что это дает исследователю? Прежде всего это самостоятельный письменный источник, который не только предоставляет нам уникальные конкретные знания (например, только из него нам становится известным язык оригинального текста ярлыка), но и позволяет поставить по отношению к основному изучаемому документу — ярлыку — новые вопросы. Первый вопрос — где ярлык Узбека переводился на латинский язык? Обращает на себя внимание значительный срок, разделяющий время выдачи документа (9 сентября 1332 г.) и время его перевода (7 августа 1333 г.) — целых 11 месяцев.

Проследим, насколько это в наших силах, хронологию истории

получения ярлыка и его путь до Государственного архива Венеции. В протоколе венецианского сената от 19 марта 1332 г. содержится решение о выделении личному представителю дожа Венеции, послу к Узбеку, Андреа Дзено определенной суммы денег в качестве жалованья и ассигнований на посольские издержки. 9 июля того же года были подготовлены письменные инструкции относительно снаряжения двух торговых галей, на которых посольство должно было отплыть в Азов. В ведении переговоров с ордынским ханом послу должен был помогать уже действовавший азовский консул Николо Джустиниано, которому предписывалось вернуться на родину в составе посольской миссии по истечении 2-летнего срока службы[89].

Ровно через два месяца, 9 сентября 1332 г., А. Дзено и Н. Джустиниано добились в ханской ставке решения Узбека о выдаче ярлыка. В каких условиях проходили переговоры? Конечно, как мы это видели на примере получения венецианцами ярлыка ильхана Абу Саида, венецианская сторона имела свой проект пожалования, каждый пункт которого она всеми силами старалась отразить в содержании ярлыка Узбека. Переговоры такого рода были бы просто немыслимы без длительного личного контакта с ордынской стороной. Этот контакт мог осуществляться только через переводчиков — толмачей. В результате переговоров сложился компромиссный вариант текста ярлыка Узбека, содержание которого мы попытались реконструировать выше. Не подлежит сомнению то, что венецианское посольство еще в ханской ставке в деталях знало это содержание. Тогда уже имелся и письменный перевод ярлыка, осуществленный, скорее всего, на венецианский диалект итальянского языка — обиходный письменный язык венецианцев.

Получив ярлык, венецианское посольство вернулось в Азов. Была осень (скорее всего, поздняя) 1332 г. Срок консульских полномочий Н. Джустиниано истекал, надо думать, летом 1333 г. Почему летом? Начало срока, видимо, определялось отъездом консула из Венеции. Лучшее время отплытия — лето. Вспомним готовность посольства А. Дзено к отправлению в Азов 9 июля. Перезимовав в Азове, А. Дзено помог Н. Джустиниано с выборами временного заместителя консула из числа наиболее влиятельных венецианских купцов[90].

Зачем вообще понадобились эти выборы в Азове? Не проще ли

было в Венеции своевременно подобрать подходящего человека и сразу направить его полномочным консулом на очередной срок, что обычно и делалось? Мы видим причину промежуточных полномочий заместителя консула в резкой смене условий проживания венецианцев в Азове. Предстоял переезд венецианской общины на новое место жительство, отмеченное в ярлыке Узбека. В связи с этим необходимо было разработать для администрации и граждан другую тактику поведения и обеспечить ее иной материальной базой. А пока все это будет сделано, оставшимся в Азове венецианцам нужно было просто ждать новых инструкций из центра.

Летом 1333 г. посольство А. Дзено и бывший консул Н. Джустиниано отбыли на родину. Плавание от Азова до Венеции занимало примерно месяц времени. Полагаем, что в последних числах июля путники были уже дома. Теперь нужно было представить ярлык Узбека на рассмотрение сената. Вот тогда и потребовался перевод его оригинального текста на официальный, государственный язык, каковым в католической Европе повсеместно был латинский язык. Знатоками половецкого, т. е. тюркского, языка, на котором тогда говорили и писали в Золотой Орде, являлись католические монахи-миссионеры. Посол обратился за помощью к брату Доминику, поляку по происхождению, монаху ордена братьев проповедников, или доминиканского ордена, называвшегося так по имени его основателя Доминика, тезки переводчика ярлыка Узбека.

Нищенствующий орден проповедников был утвержден папой Гонорием III в 1216 г. Сподвижником основателя ордена был поляк Яцек Одровонж, много сделавший для проповеди католичества в польских и русских землях. Известно, что уже в 1221 г. доминиканские монахи активно действовали в Половецкой степи, а в 1228 г. основали там свое епископство[91]. Непосредственный контакт с местным тюркоязычным населением предполагал для монахов-миссионеров знание тюркского языка. Католическими монахами-миссионерами был составлен в Золотой Орде ныне знаменитый и неоднократно нами цитированный «Кодекс куманикус» — латинско-персидско-половецкий словарь, датированный 1303 годом и обнаруженный позднее в Венеции. Словарь мог служить сборником лексики и даже своеобразным разговорником для итальянских купцов на торговом пути Кафа — Азов — Трапезунд — Тебриз.

Конечно, доминиканских монахов, хорошо знающих тюркский язык и письмо, можно было найти и не так далеко от Азова. В Керчи, например, находился центр католической епископии. В 1323 г. архиепископом туда был назначен доминиканец Франческо да Камерино, отличившийся до того в деле пропаганды католицизма в Крыму и сопредельных землях[92]. Однако, видимо, сенату нужны были свои проверенные люди в Венеции. Не исключено, что в Орде венецианцы опасались и козней их извечных врагов — генуэзцев. Во всяком случае, 7 августа 1333 г. брат Доминик выполнил латинский перевод ярлыка Узбека, а уже 26 августа того же года постановлением венецианского сената была назначена комиссия из 5 «мудрых» для внимательного рассмотрения текста ярлыка и составления предложений, которые легли в основу окончательного решения сената по вопросу о венецианском квартале в Азове. В число «мудрых» был включен и посол к Узбеку А. Дзено. Для работы комиссии предоставлялся 2-месячный срок — до дня св. Михаила (8 ноября)[93].

Итак, расклад времени привел нас к выводу о том, что официальный латинский перевод ярлыка Узбека мог быть выполнен только в Венеции. Окончательное решение сената о правах и обязанностях консула в венецианском квартале Азова последовало 9 февраля 1334 г.[94] Консул в Тану направлялся сроком на два года, с жалованьем в размере 300 золотых дукатов в год. Он должен был иметь при себе священника-нотария (делопроизводителя), четырех слуг, переводчика, двух глашатаев. В его распоряжение давались четыре лошади. Консулу предстояло немедленно отстроить себе дом. В помощь ему как главе колонии надлежало избрать двух советников из числа приехавших в Тану знатных венецианцев.

На первых порах консулу было разрешено заниматься торговлей. Основной его обязанностью была застройка предоставленной венецианцам земли на берегу Дона. Так как вся эта площадь была низменная и болотистая, надо было ее подсыпать, поднимать ее уровень и только тогда ставить на ней каменные дома. Для начала было предложено отделить половину всего участка и, подняв его уровень, обнести тыном, а затем приступить к постройке домов. Денежные средства для этого предписывалось брать из взносов приезжавших в Тану купцов. Землю запрещалось продавать,

дарить, сдавать в наем невенецианцам, так как в конечном счете вся она возвращалась венецианской коммуне. Вначале на расходы по устройству будущей колонии предлагалось брать ссуду из ведомства хлебных заготовок в Венеции, а в дальнейшем эти суммы должны были поступить от платы за дома, отдаваемые консулом в аренду. Если бы для застройки и заселения колонии консулу не хватило коренных венецианцев, он мог предоставить права венецианцев любым другим латинянам, «сделать венецианцев». Число их не должно было превышать 50, и пользоваться правами венецианцев им разрешалось лишь в пределах земель, подчиненных Узбеку[95].

Была разработана также подробная инструкция, предусматривавшая условия доставки венецианских товаров в Азов и восточных товаров — в Венецию[96]. Такая детальная регламентация деятельности венецианской администрации и купечества в Азове подтверждает наши предположения и неопровержимо свидетельствует о том, что место, предоставленное венецианцам на основании ярлыка Узбека, было для них совсем новым, отдельным от генуэзцев. По всей вероятности, до того венецианцам приходилось проживать в Азове вместе со своими торговыми соперниками.

Ярлык Узбека венецианским купцам Азова был первым в ряду жалованных грамот, полученных в XIV в. гражданами Венецианской республики от правителей Золотой Орды. Их содержание еще предстоит реконструировать. Это не значит, что предлагаемая реконструкция содержания ярлыка Узбека безупречна. Мы надеемся, что содержание последующих золотоордыских ярлыков венецианцев еще не однажды прольет свет на содержание ярлыка Узбека.

Что нового дает нам содержание ярлыка Узбека, что меняет оно в наших прежних представлениях о золотоордынских актах? Прежде всего, вводя ярлык Узбека в научный оборот, мы получаем практически новый исторический источник, освещающий стороны жизни Золотой Орды, до того историками не затронутые. Что же касается собственно золотоордынской дипломатики, то здесь сразу хочется указать на изменение наших прежних представлений об официальном языке, на котором составлялись документы ханской канцелярии в XIV в. Мы точно знаем, что при ханской ставке продолжали говорить и писать по-монгольски, по крайне мере до конца 60-х годов XIV в. (т. е. времени, от которого до нас дошли серебря-

ные ханские пайцзы с монгольскими легендами)[97]. До встречи с ярлыком Узбека мы полагали, что почти все ханские ярлыки русскому духовенству были первоначально написаны по-монгольски. Теперь мы думаем, что монгольским был только ярлык Менгу-Тимура от 1267 г., а все остальные акты сборника сразу писались по-тюркски. Это подтверждает и ряд формальных показателей в русских переводах ярлыков, которые мы собираемся специально отметить при последующей реконструкции содержания этих актов.

Глава II

ПЕРВЫЙ ЯРЛЫК ДЖАНИБЕКА ВЕНЕЦИАНСКИМ КУПЦАМ АЗОВА*

Продолжая работу по реконструкции содержания ряда жалованных грамот — ярлыков золотоордынских ханов XIV в., выданных венецианцам и сохранившихся в переводах на латинский или итальянский языки[1], обращаемся к содержанию ярлыка Джанибека (1342–1357) от 1342 г., текст которого дошел до нас в переводе на латинский язык[2].

Эта первая жалованная грамота Джанибека венецианским купцам Азова была выдана в сложный период истории Золотой Орды. От того времени сохранилось довольно много разноязычных письменных источников, о нем часто рассказывали более поздние восточные авторы. Однако хронология тогдашних событий ордынской истории нуждается в пересмотре и уточнении.

За точку отсчета времени возьмем момент кончины отца Джанибека Узбека (1313–1341). Современные этому хану арабоязычные авторы не называли точную дату его смерти; аз-Захаби говорил лишь, что правление Узбека продолжалось (после его воцарения в январе 1313 г.) около 30 лет, Ибн Дукмак полагал, что хан умер в 743 г. хиджры (1342/43 г.)[3]. Только в анонимной биографии мамлюкского султана Насреддина Мухаммеда называлось более или менее определенная дата смерти Узбека — шавваль 742 г. х. (10 марта — 7 апреля 1342 г.), повторенная затем автором XV в. ал-Асади.[4] Ибн Халдун и ал-Макризи высказывались более осторожно, указывая лишь год кончины — 742 г. х. (17 июня 1341 — 5 июня 1342 г.)[5]. Персоязычные авторы XIV–XV вв. не вносят в разрешение этого

* Григорьев А. П., Григорьев В. П. Ярлык Джанибека венецианским купцам Азова от 1342 г.: Реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Г. Я. Смолин. СПб., 1992. Вып. 14. С. 33–86.

вопроса никакой ясности: анонимная «История Шейх-Увейса» называла 743 г. х., Муинеддин Натанзи — 767 г. х. (1365/66 г.), анонимное «Родословие тюрков» — 750 г. х. (1349/50 г.)[6].

Обратимся еще к одному своеобразному историческому источнику — золотоордынскому монетному материалу. Нумизматические работы Г. А. Федорова-Давыдова раскрывают перед нами любопытную картину. В 740–742 гг. х. (9 июля 1389 — 5 июня 1342 г.) серебряные монеты с именем Узбека соседствовали с монетами Джанибека: в 740 г. х. (1339/40 г.) монеты Узбека чеканились в городах Азове, Сарае, Булгаре и Ургенче (Куня-Ургенч), а монеты Джанибека — в Новом Сарае и Ургенче; в 741 г. х. (1340/42 г.) монеты Узбека чеканились в Сарае, а монеты Джанибека — в Сарае и Новом Сарае; в 742 г. х. (1341/42 г.) монеты Узбека чеканились в Сарае, а монеты Джанибека — в Сарае, Новом Сарае, Булгаре и Ургенче[7].

О чем свидетельствуют приведенные данные нумизматики? О том, что Узбек умер не позднее 742 г. х. Следовательно, время его кончины, обозначенное некоторыми арабоязычными авторами шавваль 742 г. х., могло иметь место. Обратимся с тем же вопросом к показаниям русских письменных источников.

Богатый фактический материал по интересующему нас периоду содержат русские летописи XV в. — Рогожский летописец и Симеоновская летопись[8]. Они сохранили ряд точных дат, имеющих прямое отношение к правлению и кончине Узбека, к последующей истории Золотой Орды.

31 марта 1340 г. в Москве умер великий князь владимирский Иван Калита[9]. Это событие имело место при жизни Узбека. 2 мая того же года старший сын Калиты Семен пошел в Орду просить у Узбека великое княжение. Осенью он благополучно вернулся и 1 октября 1340 г. торжественно воссел на престол во Владимире[10]. Осенью 1341 г. летописи зафиксировали смерть Узбека[11]. Относительно его преемника Рогожский летописец сообщает: «...а на зиму Джанибе[к] оуби два брата Тинибека и Хыдырбека, а сам седе на царстве»[12]. Порядок расправы с братьями-соперниками был, видимо, обратным, ибо в других летописях после известия о смерти Узбека осенью 1341 г. читаем, что Джанибек вскоре убил только «брата своего меншего Хадырьбека»[13], а «брата своего болшаго Тиньбека» он умертвил, что повторно отмечено и в Рогожском летописце,

в начале 6850 г. «от сотворения мира», т. е. весной 1342 г., и только тогда «седе на царстве»[14]. Утверждение на престоле нового хана влекло за собой необходимость поездки в Орду русских князей — за подтверждением прав на великое княжение. 2 мая 1342 г. в Орду пошел великий князь Семен, а князья суздальский, тверской, ростовский и ярославский «в Орду же пошли преже. Тогда же и Феогност митрополит поиде в Орду к новому царю Чанибеку»[15].

Итак, согласно показаниям русских летописей, Узбек умер осенью 1341 г. Еще в 740 г. х., о чем свидетельствует ордынский монетный материал, т. е. в промежутке между летом 1339 и летом 1340 г., отец объявил Джанибека ханом-соправителем и выделил ему в качестве резиденции город Новый Сарай. Золотоордынские власти, строго блюдя традиции рода чингисидов, никогда не спешили с объявлением о смерти правящего хана. Видимо, официальное сообщение о смерти Узбека последовало одновременно с извещением о восшествии на престол Джанибека, что случилось весной 1342 г. Так объясняется дата смерти Узбека, попавшая в исторические сочинения восточных авторов.

Борьба за власть между различными группировками золотоордынской знати, которая открыто развернулась сразу после смерти Узбека и лишь на время сменила свои формы после воцарения Джанибека, началась не вдруг. В ее первооснове находились зреющие силы феодальной децентрализации Золотой Орды. Эти силы ценой больших материальных и людских потерь пока еще сдерживались верховной властью. Полного разгула вакханалия феодальной междоусобицы достигнет только в 60–70-е годы XIV в[16]. Однако даже Узбек, которого традиционно принято представлять в исторических трудах самодержавным владыкой Золотой Орды, на деле постоянно ощущал неустойчивость своего положения на троне. Анализ содержания трех писем папы Бенедикта XII (1334–1342), составленных в Авиньоне 17 августа 1340 г., помогает приоткрыть завесу тайны над событиями последних лет правления Узбека и дает ключ к пониманию последующих происшествий[17].

Ордынское посольство к папе, возглавляемое послами Узбека — бывшим консулом Кафы (Феодосии) Петрано дель Орто и его товарищем Альберто, а также доверенным лицом Джанибека, францисканским монахом из Венгрии Элио, ответом на которое и явились

письма Бенедикта XII, было снаряжено и отправлено не позднее весны 1340 г. Поскольку известно, что в XVI в. итальянские торговые корабли, нагруженные восточными товарами, ежегодно возвращались из Крыма в свои метрополии в два срока — в марте и сентябре[18], то можно обоснованно предположить, что ордынские послы выступили в марте 1340 г.

Сам факт выбора представителем Узбека бывшего генуэзского консула Кафы свидетельствует в пользу допущения, что путь ордынского посольства в Авиньон был проделан на корабле. Поскольку генуэзцы утвердились в Кафе еще во второй половине XIII в., торговые маршруты их плаваний из Кафы в Геную и обратно были к середине XIV в. хорошо известны и отработаны до мельчайших деталей. Так что нетрудно представить себе и маршрут ордынских послов к папе весной 1340 г. Посольство, окончательно укомплектованное, скорее всего, в Азове, было включено в состав морского торгового каравана. Путешественники переправились из Азова в Кафу, затем пересекли Черное море до Константинополя, а далее основными вехами их пути были Мраморное и Эгейское моря с их многочисленными островами-стоянками, за которыми следовали корабельные пристанища вдоль южного и западного берегов Пелопоннеса до острова Корфу, откуда, переплыв Адриатику до мыса Леука, путники плыли до Мессины, а потом Тирренским морем, вдоль Апеннинского полуострова, миновав Неаполь, Гаэту и Чивитавеккью, добрались до Лигурийского моря и Генуи. После всего этого посольству оставалось доплыть до Марселя и устья реки Роны, в низовьях которой располагался Авиньон.

Содержание писем Бенедикта XII еще послужит нам ориентиром в решении вопроса о целях ордынского посольства в Авиньон. Только прежде попробуем разобраться в той сумме фактов и предположений, которой в настоящее время мы располагаем и из которой складывается представление о политическом окружении Золотой Орды конца 30-х — начала 40-х годов XIV в. Видимо, главным внешнеполитическим фактором для Орды были тогда взаимоотношения с Хулагуидским Ираном. Борьба между ордынскими ханами и хулагуидами в основном за территорию Азербайджана, часто перераставшая в кровопролитные сражения, велась непрерывно с 60-х годов XIII в. Правительство Узбека продолжало эту борьбу как

путем тайных сношений с представителями оппозиционно настроенной знати противной стороны, так и посредством прямых вооруженных вторжений на территорию Ирана. Хулагуидские правители платили ордынцам той же монетой.

30 ноября 1335 г., во время похода против Золотой Орды, умер ильхан Абу Саид (1317–1335). После его смерти в Иране уже не было ильхана, личность которого пользовалась бы авторитетом во всем государстве. Крупные феодальные группировки возводили на престол чингисидов, власть которых номинально признавалась только на захваченной ими территории. Между 1336 и 1353 гг. держава ильханов Ирана распалась.

В общих чертах картина политической жизни Западного Ирана в интересующий нас период складывалась так. Абу Саид не оставил после себя наследников. Группировка сторонников везира его правительства — Гияседдина Мухаммеда Рашиди, состоявшая главным образом из иранской гражданской бюрократии, провозгласила ильханом Арпу, который не принадлежал даже к роду Хулагу, а был потомком его брата Аригбуги, уже упоминавшегося нами прежде[19]. Одновременно группировка кочевых князей во главе с вождем монгольского племени ойрат Али-падшахом выдвинула другого подставного ильхана из рода Хулагу–Мусу, являвшегося внуком ильхана Байду (1295). В битве между противоборствующими блоками близ Мараги 29 апреля 1336 г. группировка Рашиди была разгромлена. Он сам и Арпа подверглись казни. Возобладавший было Муса и его сторонники были разбиты и уничтожены в двух сражениях (на Алатаге в 1336 г. и при Мараге в июне 1337 г.) группировкой военно-кочевой знати, возглавляемой Хасаном Бузургом, вождем монгольского племени джелаир, который также прикрывался именем хулагуида Мухаммеда Юл-Кутлука, внука Анбарчи.

Третья группировка военно-кочевой знати, над которой начальствовал внук Чобана Хасан Кючюк, вождь монгольского племени сулдуз, выступила против Хасана Бузурга и в 1338 г. в сражении под Нахчеваном разбила его и заставила отступить в Султание, Юл-Кутлук был убит в бою. Хасан Кючюк посадил на трон в Тебризе дочь ильхана Улджайту (1304–1317) Сатибек-хатун и добился от Хасана Бузурга подчинения и покорности. Спустя год Хасан Кючюк сверг Сатибек-хатун с престола и поставил ильханом хула-

...ла Сулеймана, внука Юшумута. Но тут восстал Хасан Бузург, который явился в Багдад, провозгласил ильханом внука ильхана Гайхату (1291–1295) Джихан-Тимура и выступил против Хасана Кючюка. В битве при Мараге в 1340 г. Хасан Бузург был разбит. Он возвратился в Багдад, сверг с престола Джихан-Тимура и в том же году провозгласил ханом себя, положив тем самым начало династии джелаиридов, утвердившейся в Ираке Арабском[20].

Итак, в интересующий нас период прямых вооруженных конфликтов ордынцев с хулагуидами не было. Видимо, Узбека устраивала феодальная междоусобица в Иране, мешавшая его номинальным владыкам проводить активную внешнюю политику. Утверждение в пограничном с Ордой Западном Иране фактического правителя этой территории Хасана Кючюка также, надо полагать, не очень тревожило Узбека. Дело в том, что между Ордой и родом Хасана Кючюка существовали давние связи.

Арабоязычный историк Ибн Халдун сообщает, что, когда в 1317 г. умер ильхан Улджайту, его сыну и наследнику Абу Саиду было только 13 лет. Чобан, дед Хасана Кючюка, предложил Узбеку взять на себя управление Ираном. Ордынские князья посоветовали хану отказаться от этого шага, и Узбек не принял предложение Чобана[21]. У персидского летописца Хамдаллаха Казвини в анонимных «Истории Шейх-Увейса» и «Продолжении сборника летописей» мы читаем о том, что, когда в конце 1327 г. Чобан погиб, его старший сын Хасан и внук Талыш нашли свое последнее убежище в Золотой Орде[22]. Из «Истории Шейх-Увейса» узнаем, что осенью 1335 г., за месяц до смерти, Абу Саид приказал умертвить свою жену, дочь Чобана Багдад-хатун, обвинив ее в тайной переписке с Узбеком. В письмах она приглашала ордынского хана захватить хулагуидский трон[23]. Что касается Хасана Бузурга, который постоянно угрожал Хасану Кючюку с тыла, то с ним, согласно сведениям той же «Истории Шейх-Увейса», Узбек поддерживал родственные связи. В 731 г. х. (1330/31 г.) старший сын Узбека Тенибек взял в жены Ануширван-хатун, приходившуюся Хасану Бузургу родной племянницей[24].

Связи Орды с Мамлюкским государством в Египте, начало которым было положено еще в 60-е годы XIII в., продолжались и в 30-е годы XIV в.[25] Однако если прежде в их основе лежала взаим-

ная заинтересованность в активных действиях против хулагуидов в Иране, которые так или иначе угрожали обеим сторонам территориальными потерями, то теперь положение изменилось. Правительство Узбека на данном этапе воздерживалось от захватов за счет Ирана. Дипломатические контакты его с мамлюками во второй половине 30-х годов XIV в. свелись к выяснению отношений чисто семейного плана[26].

Зачем же Узбеку понадобилось снаряжать посольство к папе Бенедикту XII? Из ответного письма папы мы узнаем, что посланцы ордынского хана превозносили величие и могущество Узбека, его чувства любви и уважения к Бенедикту XII и католической вере. В подтверждение своих слов послы приводили конкретные примеры. Хан «милостиво и ласково» принял проходившее через его владения посольство, которое несколько лет назад было отправлено Бенедиктом XII к великому хану в Китай. Узбек снабдил папских легатов дорожными припасами до самого места назначения «не только не скудно, но даже с избытком и роскошно». Речь шла о посольстве, состоявшем из 32 монахов-францисканцев во главе с Джованни Мариньоли. Выступив из Авиньона в 1338 г., посланцы папы прошли через Крым, Поволжье, Среднюю Азию, Джунгарию, Южную Монголию и в 1342 г. дошли до Ханбалыка (Пекин), где были торжественно приняты последним монгольским великим ханом Тогон-Тимуром (1333–1368)[27]. В ответ на последующие призывы папы Узбек предоставил христианам-католикам, проживавшим в Золотой Орде, свободу по прежнему обычаю ремонтировать и строить церкви и другие церковные здания, а католическим епископам и духовенству более низкого ранга проповедовать «слово божие» и совершать церковные обряды.

Третий пример благосклонности Узбека к католикам нуждается в более подробном изложении. В папском ответе рассказывалось о происшествии, которое имело место в Сарае не более чем за год до отправления ордынского посольства в Авиньон, т. е. весной 1339 г. Группа заговорщиков замыслила и совершила покушение на жизнь Узбека. Однажды ночью они осадили его в ханском дворце, «подложив под него огонь». Узбеку удалось спастись. Злоумышленники были арестованы. Состоялось судебное разбирательство, в процессе которого заговорщики пытались свалить всю вину на местных

христиан. Однако хан не поверил злодеям. Большинство христиан было оправдано и отпущено на свободу. Вместе с заговорщиками казнили только трех католиков[28].

Что дает приведенный рассказ исследователю? Прежде всего в нем содержится подтверждение нашего допущения о том, что жизнь Узбека, находившегося, казалось бы, в зените своего могущества, была далеко не безоблачной. Применительно к нашей узкой теме теперь можно обоснованно предположить, что не случайно средний сын Узбека Джанибек был в 1339 г. назначен первым наследником престола. Ордынские ханы-чингисиды свято чтили обычай старшинства. Узбек не мог назначить своим преемником младшего брата (родного или двоюродного), поскольку он был единственным сыном в семье отца и младшим в роду деда — Менгу-Тимура. Видимо, калгой — первым наследником хана — прежде считался его старший сын Тенибек. Но вот произошли только что описанные события, и Тенибек оказался каким-то образом связанным с покушением на жизнь отца. Может быть, это был просто оговор и участие Тенибека в заговоре затем не подтвердилось. Однако с поста наследника он был смещен.

Теперь мы можем как-то прокомментировать и рассказ арабского путешественника Ибн Баттуты, видевшего Тенибека еще в начале 30-х годов, а позднее что-то слышавшего о его судьбе. Ибн Баттута передал: «У каждого из обоих (Тенибека и Джанибека. — *А. Г., В. Г.*) отдельная ставка. Тинабек наружностью был одним из красивейших созданий Аллаха. Отец назначил его преемником царства, и он пользовался у него влиянием и почетом. Но Аллах не захотел этого. По смерти отца своего он правил короткое время, но потом был убит за постыдные дела, которые с ним приключились, и воцарился брат его Джанибек...»[29].

Скорее всего, «постыдные дела» Тенибека были связаны именно с событиями 1339 г. Он был фактически сослан отцом куда-то в Среднюю Азию. Согласно позднейшей интерпретации, представленной в биографии мамлюкского султана Насреддина Мухаммеда, Узбек перед смертью «послал старшего сына своего Тинибека с большим войском в земли джагатайские (т. е. в Среднюю Азию. — *А. Г.,В. Г.*) для завоевания их и овладения ими»[30]. Из поэмы тюркского автора Кутба, завершенной в 1341 г. и посвященной Тенибеку

и его супруге, мы узнаем, что тогда он управлял в качестве царевича («шахзаде») какой-то территорией за пределами Золотой Орды[31]. Младший брат его Джанибек в 1339 г. получил от отца звание наследника-калги и ставку-резиденцию в Новом Сарае. Потому-то к нему и обратился в 1340 г. Бенедикт XII со специальным посланием[32].

В письме к Узбеку папа выдвинул со своей стороны три тезиса. Прежде всего он настоятельно просил хана подумать о принятии католической веры, что логически вытекало из той характеристики защитника христиан, которую дали Узбеку его послы. Затем папа увещевал хана, чтобы благосклонность его к католикам «всегда возрастала и увеличивалась». И наконец, Бенедикт XII предложил Узбеку прекратить нападения на земли венгерского и польского королей. Если же названные короли, каковыми были тогда Карл I Роберт (1301–1342) и Казимир III (1333–1370), нанесут хану или его подданным «незаслуженную обиду или оскорбление», папа посоветовал ему обратиться непосредственно в Авиньон. Уж он де постарается, чтобы Узбек получил со стороны королей «приличное удовлетворение»[33].

Первый тезис папы был явно нереальным. Глава католической церкви вряд ли и сам серьезно думал о его практическом осуществлении. Его последний тезис свидетельствовал о существовании активного европейского направления внешней политики Орды в конце 30-х годов XIV в. Беспокойством Узбека за свои западные границы и было вызвано снаряжение ордынского посольства в Авиньон весной 1340 г.

Можно также предположить, что посольство Узбека к папе, отправленное по генуэзскому торговому пути, было каким-то образом связано и с генуэзско-ордынско-венецианскими взаимоотношениями. Острое торговое и политическое соперничество между Генуей и Венецией нашло в те времена свое отражение в международных связях и конфликтах. Известно, что в 1332 г. по инициативе Венеции и с благословения папы Иоанна XXII (1316–1334) между Венецией, родосскими рыцарями-иоаннитами (госпитальерами) и Византией образовалась политическая уния, направленная против турок. В 1334 г. к этому союзу примкнул папа, подписавший в Авиньоне договор с Византией. За ним последовали французский и

неаполитанский дворы и Кипр. До крестового похода, назначенного на 1336 г., дело не дошло. Генуя, активно интриговавшая против союза византийского императора с Венецией, в 1336 г. открыла военные действия с Андроником III Палеологом (1328–1341), которые в итоге привели к временному поражению генуэзцев на Эгейском море. В 1338 г. Венеция дважды отклонила предложение Генуи о союзе и совместных действиях против турок[34].

Узбек, непосредственные контакты которого с Генуей и Венецией общеизвестны, был напрямую связан и с Византией. Вспомним, что Золотая Орда установила дипломатические отношения с возрожденной Византийской империей еще в начале 60-х годов XIII в.[35] Причины, вызвавшие эти связи, сохранили свое значение и в XIV в. Больше того, благодаря Ибн Баттуте мы знаем, что одной из четырех жен Узбека была дочь византийского императора[36], скорее всего Андроника III Палеолога.

Итак, нам в общих чертах удалось познакомиться с ситуацией, сложившейся в последние годы жизни Узбека в Золотой Орде и некоторых государственных образованиях, связанных с нею общими границами или только политическими интересами. Осенью 1341 г. при невыясненных обстоятельствах Узбек скончался. Последовала жестокая борьба за власть между его сыновьями, результатом которой явилось восшествие на престол Джанибека весной 1342 г. Сохранился ряд источников, в которых достаточно подробно изложены события этого года, случившиеся в интересующем нас регионе и имеющие прямое отношение к генуэзско-венецианско-ордынским контактам.

24 июня 1342 г. генуэзский дож Симоне Бокканигро (1339–1347, 1356–1362) отправил венецианскому дожу Бартолемео Градениго (1339–1342) письмо, из которого явствовало, что в Геную прибыл представитель Венеции с письмами от ее дожа. В тех посланиях сообщалось о недавних «бесчинствах», совершенных по отношению к венецианцам генуэзским консулом Таны (Азова) Анфреоном Пассием и его товарищами. Генуэзский дож поведал далее, что в присутствии венецианского посла в Генуе был торжественно избран новый консул для Азова, который только что отплыл к месту назначения на галерах с наказом «употреблять все меры в прекращении соблазнов и несогласий и к водворению братской любви»

между обеими сторонами. «И если кто из наших к этой земле пристанет, буде правитель, буде частная особа, того так наказывать, чтобы... страхом наказания воздерживать других от желания нарушать право»[37].

Вскоре в Венецию было доставлено новое послание генуэзского дожа от 12 июля 1342 г. В нем последний подтверждал получение венецианских писем по поводу событий в Азове. Генуэзский дож дополнительно сообщал венецианскому, что нового генуэзского консула Азова зовут Бельтрамин Мерел, и советовал поручить новому венецианскому консулу «снестись с нашим консулом, как мы это и своему поручили, с данным при том повелением прекращать повод ко всяким обидам и разделению между вашими и нашими так, чтобы братство поддерживалось взаимными согласиями и услугами во славу божию и для выгод всех купцов»[38].

В то время Венеция была крайне озабочена организацией широкого фронта европейских государств, обращенного против турок. Два ее посольства, направленные в 1340–1341 гг. к византийскому императору, увенчались 25 марта 1342 г. подписанием с Иоанном V Палеологом (1341–1391) мирного договора на 7 лет[39]. В расчеты венецианского правительства не входило обострение отношений с Генуей. Тем более, что как раз тогда венецианцы налаживали контакты с правительством нового хана на предмет подтверждения Джанибеком ярлыка Узбека и фиксации в новой жалованной грамоте дополнительных льгот венецианским купцам Азова. Не позднее лета 1342 г. венецианский дож Бартолемео Градениго направил своих полномочных послов Джованни Квирини и Пьетро Джустиниана в ставку Джанибека. Видимо, здесь повторилась ситуация, имевшая место в 1332 г., когда посольство в Орду отправилось из Венеции вместе с новым консулом для Азова[40].

В сентябре 1342 г. ярлык Джанибека венецианским купцам Азова был подписан в ханской ставке и выдан представителям венецианского дожа, которые доставили его в метрополию. Там он стал предметом рассмотрения сената, после чего превратился в рабочий документ венецианского купечества в отношениях с Золотой Ордой. Конечно, в Венеции ярлык Джанибека рассматривался исключительно в его переводной — латинской форме. Однако, несомненно, для ордынского правительства значение имели лишь изначальная

форма ярлыка и его подлинное содержание. Только реконструкция первоначального содержания этого акта может дать историку истинное понимание смыслового соотношения между его западным и восточным вариантами, ибо в наши дни это соотношение давно забыто.

Уже завершенная работа над воссозданием первоначального содержания ярлыка Узбека убедила ее авторов, что текст латинского перевода этого акта невозможно чисто филологически передать средствами современного русского языка, т. е. создать дословный перевод с перевода. В последнем случае получалась некая абракадабра, непонятная не только читателю, но зачастую и самому переводчику. Поэтому перевод латинского текста ярлыка Узбека осуществлялся совместными усилиями романиста-филолога и востоковеда-источниковеда, знакомого с формуляром такого рода документов. В результате у нас получился своеобразный перевод-интерпретация, который в свою очередь нуждался еще в дополнительном истолковании, приближавшем читателя к пониманию содержания несохранившегося восточного оригинала. Реконструкция содержания ярлыка Джанибека будет проходить такие же этапы.

Расчленив латинский текст перевода ярлыка Джанибека на разделы, соответствующие статьям формуляра золотоордынских жалованных грамот, приступаем к последовательной реконструкции содержания каждого раздела, называя его так, как мы условились именовать статьи индивидуального формуляра золотоордынских ярлыков[41].

Статья обращение: In uirtute eterni Dei et sua magna pietate miserante. Nos magnificus imperator generalis Zanibech Ciniscan Zanibech, uerbum nostrum. Megalboa et omnes alij ad ipsum expectantes et pertinentes, Siecho principaliter domino atque uniuersis alijs magnatibus in terra Tane, comerclarijs et illis de Tantanaco, et generaliter omnibus alijs in terra Tane et per totum imperium comorantibus. — «Силою вечного бога и его великой доброты милосердием. Мы, великий всеобщий император Джанибек Чингис-хан, наше, Джанибека, слово. Могулбуге и всем другим, ему подчиненным и к нему относящимся, особенно Зиху господину, а также всем вождям в городе Тана, сборщикам коммеркия, а также тартанака, и вообще всем остальным, в городе Тана и во всей империи пребывающим».

Несколько осложненная, на первый взгляд, статья *обращение* в ярлыке Джанибека легко членится на два оборота — *мотивированный указ* и *адресат*.

Сравнение латинских текстов *мотивированного указа* в ярлыках Джанибека и Узбека[42] показывает почти дословное их совпадение. Это обстоятельство наводит на мысль о том, что и ярлык Джанибека переводился с тюркского оригинала. Лишней выглядит фраза: «Мы, великий всеобщий император Джанибек Чингис-хан (т. е. Джанибек из рода Чингис-хана)». Она вставлена переводчиком наперекор всем канонам и разрывает связный текст: «Силою вечного бога и его великой доброты милосердием, наше, Джанибека, слово». Руководствуясь положениями, изложенными при реконструкции содержания *мотивированного указа* в ярлыке Узбека, интерпретируем такой же указ в ярлыке Джанибека: «Предвечного бога силою, пламени великого благоденствия покровительством, мой, Джанибека, указ».

История создания формулы, которая в русской передаче звучала: «Предвечного бога силою, пламени великого благоденствия покровительством» — хорошо известна. В ее основе лежит монгольская формула, составлявшая двухстрочную мотивировку при указе в формулярах ярлыков великих ханов:

Möngke tngri-yin küčün-dür
yeke suu ǰali-yin ibegen-dür[43].

При выявлении формуляров разноязычных чингисидских жалованных грамот нас в первую очередь интересовало в них сопоставимое общее. Все особенное, присущее исключительно данной этнической и культурной общности, отходило как бы на второй план. Исследование историка-монголиста Т. Д. Скрынниковой, вскрывшее глубинную сущность понятий, заложенных в вышеприведенной монгольской формуле, позволяет уточнить ее русский перевод. Термин tngri обозначал Небо — неперсонифицированное божество, обладавшее созидательной и мироустроительной функциями. Термин küčü (сила) являлся атрибутом Неба и необходимым свойством правителя. В нашем случае küčü — активный творческий элемент, через который Небо проявляло свое расположение (ibegen/igegen) к правившему монарху. Чингис-хан был сыном Неба

и обладателем субстанциии suu / suu ǰali. Последняя обеспечивала сохранность самого правителя и выполняла защитные функции по отношению к социуму, в котором он находился. После смерти правителя его suu продолжала выполнять охранительную и регулирующую функции. Так что наиболее правильной представляется передача на русский язык этого монгольского термина понятием «гений», «гений-хранитель»[44].

Применительно к нашим задачам выявления сопоставимого формуляра для разноязычных чингисидских жалованных грамот сохраняем русский перевод первой строки монгольской формулы без изменения. Во второй ее строке термин suu ǰali передаем по-русски словами «гений-хранитель». В результате перевод этой строки вместо маловразумительного «пламени великого благоденствия покровительством» обретает чеканную форму «великого гения-хранителя покровительством». Это изменение необходимо внести и в нашу реконструкцию содержания ярлыка Узбека.

Католический монах Доминик, который перевел ярлык Узбека с подлинника на латинский язык, надо полагать, глубоко понимал содержание двухстрочной мотивировки перед именем хана. Он предельно точно переложил на латынь первую строку мотивировки, но, будучи христианином-единобожцем, просто не мог позволить себе передать «языческое» содержание второй ее строки. Тогда он поступил аналогично его современникам — русским православным монахам, перелагавшим на русский язык тот же текст в ярлыке Бердибека от 1357 г.[45] Венецианский переводчик и во второй строке действующим лицом сделал того же «вечного бога», распространявшего на ордынского хана свое «милосердие». Примеру Доминика последовал и магистр Никола, перелагавший на латынь ярлык Джанибека.

Текст оборота *адресат* в ярлыке Джанибека не совпадает дословно с таковым в ярлыке Узбека[46]. Реконструируем содержание адресата по составляющим его элементам.

Элемент «Могулбуге и всем другим, ему подчиненным и к нему относящимся». Имя Могулбуги достаточно хорошо известно по сохранившимся источникам. Впервые упоминание о нем мы встречаем в биографии Насреддина Мухаммеда. Там сообщалось, что 2 октября 1337 г. в Каир прибыл посол от одного из старших эмиров

в правительстве Узбека Могулбуги[47]. В нашем ярлыке Могулбуга фигурирует в должности улугбека, возглавлявшего правительство Джанибека. В том же качестве он будет назван в ярлыке Джанибека, выданном венецианским купцам Азова в 1347 г.[48], в послании венецианского дожа Андреа Дандоло (1343–1354) лично Могулбуге от 1349 г.[49] и в ярлыках Бердибека (1357–1359), пожалованных в 1357 г. русскому митрополиту Алексию и в 1358 г. венецианским купцам Азова[50]. Смутное время, начавшееся в Орде на рубеже 60-х годов XIV в., принесло гибель Могулбуге и князьям из его окружения. О смерти этого сановника весной 1360 г. поведали Рогожский летописец и Муинеддин Натанзи[51]. Последний сообщил и о том, что в 1361–1364 гг., когда Ордой правил Мюрид, улугбеком при нем состоял сын Могулбуги Ильяс[52].

Кто были «все другие», Могулбуге «подчиненные и к нему относящиеся»? Видимо, те самые категории военачальников, которые полагалось перечислять в адресатах золотоордынских ярлыков, написанных по-тюркски. Аналогичную работу мы уже проделали при реконструкции содержания адресата в латинском переводе ярлыка Узбека. Она показывает, что в начале адресата ярлыка Джанибека переводчик пропустил название Ордынского государства и указание на ханских кровных родственников. В полном виде содержание начала адресата в ярлыке Джанибека сводилось к словам: «Монгольского государства правого и левого крыла огланам, тем, под началом с Могулбугой, тысяч, сотен и десятков князьям».

Содержание следующего элемента — «особенно Зиху господину, а также всем вождям в городе Тана» — реконструируем по аналогии с соответствующим элементом в ярлыке Узбека. Получаем такой текст: «даругам-князьям Азова под началом с Зихом господином».

Звучание обеих частей конструкции «Зих-господин» вызывает у историка-медиевиста определенные ассоциации. Личное имя Зих связывается с этнонимом «зих». Античный и раннесредневековый термин «зихи» на протяжении более тысячелетия обозначал этническое имя адыгских народов Северного Кавказа. С XIII в. имя «зих» постепенно исчезает из источников и заменяется именем «черкес», возникшим в среде тюркоязычного населения для обозначения адыгов. Имя «Черкес» прочно вошло в последующую

литературу всех времен и народов[53]. С конца XIII в. среди подданных улусов Джучи (Золотая Орда) и Хулагу (Иран) было распространено личное имя Черкес. В правление Токты (1291–1312) предводителем ордынских войск левой руки был князь Черкес. Его имя зафиксировано арабским летописцем Рукнеддином Бейбарсом и персидским историком Рашидаддином[54]. Последний автор называл Черкесом и одного из эмиров Рума в правление ильхана Газана (1295–1304)[55]. В период смуты 60–70-х годов XIV в. в Золотой Орде князь Черкесбек чеканил даже собственную монету в Хаджитархане (Астрахань)[56]. Переводчик ярлыка Джанибека с тюркского языка на латинский видел перед собой имя Черкес, которое сразу ассоциировалось у него с одноименным названием территории Северного Кавказа — Черкесией. В то же время общепринятым обозначением этого региона служил термин Зихия. Таким образом и Черкес подлинного текста ярлыка превратился при его переводе в Зиха. Не исключено также, что здесь мы имеем дело не просто с механическим переводом слова, а с итальянской передачей имени Черкес в архаической форме Зих, традиционно закрепленной у них за этим именем. Так же, например, как золотоордынский город Азак (Азов) именовался в итальянских документах только Таной.

Вторая часть конструкции «Зих-господин» становится понятной, если обратиться к материалам латинско-персидско-половецкого словаря начала XIV в. «Кодекс куманикус». Оказывается, латинское слово dominus (господин) являлось эквивалентом сословного термина персидского происхождения «ходжа» (господин)[57], который широко употреблялся на Востоке и просто как приставка к личному имени. Так что полное имя правителя Азова, названного в латинском тексте ярлыка Джанибека Зихом господином, было Чекрес-ходжа. Вспомним, что такого же типа имя (Мухаммед-ходжа) зафиксировано в ярлыке Узбека у предшествующего правителя Азова.

В следующем ярлыке Джанибека венецианским купцам Азова, выданном в 1347 г. и переведенном на итальянский язык, наблюдается своеобразная трансформация имен улугбека и правителя Азова. Вероятно, их перевод в первом ярлыке Джанибека послужил для нового переводчика не догмой, а творческим руководством. Могулбуга в его интерпретации превратился в Могулбея, а Зих — в

Зихабея. Второй компонент имени правителя Азова превратился в его свободное толкование signor della Tana, т. е. «владыка Азова»[58]. В личном послании венецианского дожа Андреа Дандоло этому сановнику, которое было составлено на латинском языке в 1349 г., мы видим то же новое осмысление имени Sicabey domino Tana, т. е. «Зихабей владыка Азова»[59].

Окончательный вариант нашей реконструкции содержания элемента предстает в таком виде: «даругам-князьям Азова под началом с Черкес-ходжой».

Содержание элемента «сборщикам коммеркия, а также тартанака» легко реконструируется с помощью однозначного элемента в ярлыке Узбека. Сборщики коммеркия — таможники. Слово Tantanaco, как это убедительно показал И. Вашари, является искаженным написанием ордынского термина «тартанак» — таксы за взвешивание товара на государственных весах[60]. Так что весь элемент передается словами «таможникам и весовщикам».

Элемент, обозначавший в ярлыке Узбека сборщиков дорожных пошлин, в ярлыке Джанибека отсутствует. Потому и мы не сочли возможным включить его в реконструкцию содержания ярлыка. Концовка оборота — «и вообще всем остальным, в городе Тана и во всей империи пребывающим» — реконструируется, согласно ярлыку Узбека, словами «многим людям, идущим по какому-нибудь делу, всем».

В итоге оборот *адресат* статьи *обращение* ярлыка Джанибека реконструируется следующим образом: «Монгольского государства правого и левого крыла огланам, тем, под началом с Могулбугой, тысяч, сотен и десятков князьям, даругам-князьям Азова под началом с Черкес-ходжой, таможникам и весовщикам, многим людям, идущим по какому-нибудь делу, всем».

Второй статьей ярлыка Джанибека является *объявление о пожаловании*: Per presentes manifestamus, comune, populum et homines, ac etiam singulares personas comunis Veneciarum et ipsorum magnitudinem gratiam penes patrem meum consecutos fuisse habitandi et habitationem construi faciendi in dicta terra Tane pro conseruatione ipsorum et suarum mercationum, et preceptum et paysanum; modo presentibus ambaxatoribus coram nobis impetrantibus nomine dicti comunis, ad hoc ut sui mercatores cum eorum mercationibus possint

stare et habitare secure in dicta terra Tane, separatim a Ianuensibus Franchis, dando eidem domino imperatori auxilium et fauorem et sui comerclo, et legaliter eorum faciendo mercationes, soluendo tres pro centenario, graciam specialem concessimus terratici positi juxta balneum Badardini, a Cudencha subtus dirupum uersus montem et ipsum montem ad sufficientiam pro ipsorum habitatione, construenda ad ipsorum omnimodam uoluntatem; dum tamen dicti mercatores Veneciarum teneantur, in quacunque terra nostri districtus peruenerint cum eorum mercationibus, si uendent, soluere nostro comerclo tres pro centenario, et si non uendent, nichil soluere teneantur; et non possint predicti impediri tam intrando, quam exeundo per aliquos nostre jurisdicioni subditos, nec alio modo molestari. — «Настоящим сообщаем, что община, народ и люди, и даже отдельные лица общины венецианцев, и сам их великолепие у отца моего получили милость жить и равным образом строить в названном городе Тана жилища, для того чтобы сохранять самих себя и свои товары, и указ, и пайцзу. Ныне, в присутствии настоящих послов, испрашивающих у нас того, чтобы мы объявили названной общине, что их купцы могут находиться вместе со своими товарами и безопасно жить в названном городе Тана отдельно от генуэзских франков, равным образом оказывая господину императору помощь и покровительство и при совершении законной купли-продажи выплачивая ему коммеркий три за сотню, мы особой милостью предоставили им в аренду землю, расположенную возле бани Бадардина и от Куденка вниз ров к горе и саму гору, для того чтобы они, делая ее пригодной для своего проживания, осуществляли строительство в соответствии со всеми возможными намерениями; и до тех пор, пока названные венецианские купцы обладают [этим ярлыком], в какую бы подведомственную нам землю они не пришли со своими товарами, если продадут, они должны уплатить нам коммеркий три за сотню, а если не продадут, то ничего не должны платить; и пусть никто из облеченных нами властью не может препятствовать им под предлогом как въезда, так и выезда в каком-либо направлении или иным способом их беспокоить».

Объявление о пожаловании в подтвердительной жалованной грамоте, каковой и является ярлык Джанибека, состоит из двух оборотов — прецедента пожалования и собственно объявления о по-

жаловании. Оборот прецедент пожалования легко вычленяется из текста латинского перевода ярлыка: «Настоящим сообщаем, что община, народ и люди, и даже отдельные лица общины венецианцев, и сам их великолепие у отца моего получили милость жить и равным образом строить в названном городе Тана жилища, для того чтобы сохранять самих себя и свои товары, и указ, и пайцзу».

Этого оборота не было в изначальном ярлыке Узбека. Содержание оборота в целом выясняется из текста его перевода. Требуется только уточнить некоторые термины и формулировки. Термины «народ и люди» и «община венецианцев» уже рассматривались применительно к ярлыку Узбека[61]. В «народе и людях» мы видим парный синоним, означающий «государство». «Община венецианцев» — собственно «венецианский народ». «Их великолепие (magnitudo) — термин, служащий здесь в качестве титулатуры венецианского дожа и заменяющий собой его обозначение «старший государства и народа Венеции», принятое в переводе ярлыка Узбека. Надо полагать, что названный термин был введен итальянским переводчиком в качестве эквивалента ордынскому обозначению венецианского дожа.

«Мой отец» для ярлыка Джанибека — замена личного имени Узбека. В оригинале, конечно, находились слова «наш отец». Термин «милость» (gratia), как это видно из прецедента пожалования в тюркских текстах ярлыков Тимур-Кутлука от 1398 г. и Улуг-Мухаммеда от 1420 г., является латинским переводом термина «пожалование» (sujurγal)[62]. Латинский термин «указ» (praeceptum) однозначен здесь термину «ярлык». Хотелось бы уточнить еще один момент. Латинское сочетание terra Tane, означающее «земля Тана», мы везде переводим «город Тана», имея в виду, что слово terra в сочетании с названием населенного пункта в средневековых итальянских источниках означало «город»[63]. Вспомним, что в латинском переводе ярлыка Узбека при наименовании Тана слова «город» не было.

Реконструируем содержание оборота *прецедент пожалования* таким образом: «Государство и народ Венеции во главе с их дожем в свое время получили от нашего отца в качестве пожалования землю в Азове, чтобы жить на ней и строить жилища для сбережения себя и своих товаров, на что им были выданы ярлык и пайцза».

В качестве материала для реконструкции содержания второго оборота — *объявление о пожаловании* — остается следующий текст: «Ныне, в присутствии настоящих послов, испрашивающих у нас того, чтобы мы объявили названной общине, что их купцы могут находиться вместе со своими товарами и безопасно жить в названном городе Тана отдельно от генуэзских франков, равным образом оказывая господину императору помощь и покровительство и при совершении законной купли-продажи выплачивая ему коммеркий три за сотню, мы особой милостью предоставили им в аренду землю, расположенную возле бани Бадардина и от Куденка вниз ров к горе и саму гору, для того чтобы они, делая ее пригодной для своего проживания, осуществляли строительство в соответствии со всеми возможными намерениями; и до тех пор, пока названные венецианские купцы обладают [этим ярлыком], в какую бы подведомственную нам землю они ни пришли со своими товарами, если продадут, они должны уплатить нам коммеркий три за сотню, а если не продадут, то ничего не должны платить; и пусть никто из облеченных нами властью не может препятствовать им, под предлогом как въезда, так и выезда в каком-либо направлении, или иным способом их беспокоить».

При рассмотрении этого текста привлекаем для сопоставления соответствующие разделы в ярлыке Узбека[64] и тюркских текстах ярлыков Токтамыша от 1381 г., Тимур-Кутлука и Улуг-Мухаммеда[65]. В результате приходим к выводу, что объем информации, заключенный в этом фрагменте из ярлыка Джанибека, намного перекрывает размеры, необходимые для оборота *объявление о пожаловании*. Часть анализируемого текста по своему содержанию явно принадлежит к предыдущему обороту, часть — выходит за его нижние рамки. Дополняем оборот *прецедент пожалования* за счет нового материала. При этом следует иметь в виду, что сочетание «генуэзские франки» является общим для средневековых тюркских текстов обозначением генуэзцев. Например, турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби при описании крымских земель постоянно называет генуэзцев генуэзскими франками (дженевиз ференги)[66]. Так что обозначение это попало в латинский перевод ярлыка Джанибека из оригинального текста ярлыка. Нет сомнения в том, что «венецианская община» латинского перево-

да — это те же «венецианские франки» оригинала. Фраза в латинском переводе об оказании венецианцами «господину императору помощи и покровительства» звучит в данном контексте совершенно неуместно. В оригинальном тексте пожалования ярлыка Токтамыша встречаются те же «покровительство и помощь» (ḫimajät 'inajät), но оказывает их жалователь ярлыка грамотчику, а не наоборот[67]. Видимо, и в нашем случае нужно внести в перевод ярлыка соответствующие коррективы.

В окончательной редакции оборот *прецедент пожалования* выглядит так: «Этим ярлыком обладающие венецианские послы, говоря от имени своего дожа, что государство и народ Венеции во главе с их дожем в свое время получили от хана, отца нашего, в качестве пожалования землю в Азове, чтобы жить на ней и строить жилища для сбережения себя и своих товаров; и, показывая на то ярлык и пайцзу, они обратились к нам с прошением о пожаловании от нас их купцам разрешения безопасно жить в названном городе Азове, находясь там вместе со своими товарами отдельно от генуэзцев, получая от нас помощь и покровительство и при совершении законной купли-продажи выплачивая нам 3%-й торговый налог».

Теперь уже можно приступить к реконструкции содержания собственно оборота *объявление о пожаловании*. Вспомним, что правительство Венеции усилило дипломатический нажим на Золотую Орду и добилось получения подтвержденного ярлыка Джанибека на определенную часть Азова после того, как весной 1342 г. на этой земле активно хозяйничали генуэзцы во главе с их азовским консулом. Венецианские представители добивались для своих купцов в Азове четкого территориального размеживания с генуэзцами. Для этого, надо полагать, необходимо было уточнить границы венецианского квартала и получить разрешение на строительство пограничных заслонов, чтобы не допускать свободного доступа генуэзцев в венецианский квартал.

Конкретизирование рубежей венецианского поселения в Азове получило отражение в ярлыке Джанибека. Сделано это было в расчете на современников, хорошо знакомых с топографией города. Попытаемся уточнить эти рубежи. Средневековый Азов располагался на южном рукаве дельты Дона, на левом его берегу[68]. Так что в ярлыке Узбека место венецианского квартала определя-

лось с юга на север — от церкви госпитальеров на горе до берега Дона[69].

Поскольку от бесчинств генуэзцев пострадали прежде всего венецианские речные пристани вдоль левого берега реки, то именно с этого берега начиналась локализация границ венецианского поселения в ярлыке Джанибека. Естественно, отсчет производился от устья Дона вверх по течению, т. е. с запада на восток. На западе крайней точкой называлась баня Бадардина. По звучанию имя строителя бани определяется как арабское личное имя Бадр ад-дин, произносившееся по-тюркски Бедреддин[70]. На востоке крайний предел венецианского квартала определялся названием Куденка (Cudencha). М. М. Ковалевский читал его как Джудека (Zudecha)[71]. Видимо, он был прав, ибо в средние века так именовался еврейский квартал в Венеции (итальянск. Giudecca)[72]. Восточный край венецианских владений в Азове отделялся от еврейского квартала рвом, который тянулся вниз до горы. Гора включалась в территорию венецианского квартала и составляла его южный рубеж.

Имея в виду такую привязку к местности венецианских владений в Азове, производим реконструкцию содержания оборота *объявление о пожаловании* ярлыка Джанибека: «Выслушав их прошение и признав его исполнимым, мы в соответствии с условиями покойного хана, отца нашего, объявляем нашим пожалованием им участок земли в Азове, лежащий вдоль берега Дона от бани Бедреддина до начала еврейского квартала, оттуда вниз по рву до горы, включая саму гору, чтобы они благоустраивали его, производя там любое необходимое им строительство».

Далее в золотоордынских жалованных грамотах находилась обширная статья *условия пожалования*, состоящая из оборотов, в которых детализировались привилегии, вытекавшие из основного пожалования.

Первый оборот ее, обычно начинавшийся словами «отныне и впредь», касался самого животрепещущего для венецианских купцов Азова вопроса — налога с торгового оборота, называвшегося в ордынских документах «тамга». Он собирался ханскими таможниками и традиционно составлял для иностранных купцов 3% от стоимости продаваемого или покупаемого товара. Воссоздаем содержа-

ние оборота в таком виде: «Отныне и впредь венецианские купцы, приезжающие торговать в Азов или любую другую подведомственную нам землю, в случае совершения ими купли-продажи обязаны платить нам 3%-й торговый налог, а в случае, если купля-продажа не производится, не должны платить ничего».

Если первый оборот в общем повторял положения, содержавшиеся в предыдущем ярлыке[73], то второго оборота в ярлыке Узбека не было. Из не очень четкого по смыслу текста латинского перевода ярлыка Джанибека можно понять, что во втором обороте говорится о невозможности для ханских чиновников любого ранга препятствовать передвижению венецианских купцов по территории Золотой Орды. Из соответствующего раздела в ярлыке Тимур-Кутлука следовало, что лица, имевшие право свободного передвижения по стране, в пути следования, а также при въезде куда-либо или выезде откуда-либо не должны были платить ни путевого сбора, ни дозорного[74]. Путевым обеспечением, охраной дорог и сбором соответствующих дорожных пошлин ведали в Орде заставщики (туткаулы) и караульщики (караулы), отмеченные в адресате ярлыка Узбека термином «сборщики дорожных пошлин». В латинском переводе адресата ярлыка Джанибека этот термин отсутствовал. Полагаем, что теперь у нас появилось формальное основание для включения заставщиков и караульщиков в реконструируемое содержание адресата ярлыка Джанибека.

Поскольку о праве беспошлинного проезда венецианцев в латинском переводе ярлыка нет ни слова, мы также обходим это право, реконструируя содержание второго оборота статьи *условия пожалования*: «Никто из облеченных нами властью не должен чинить им препятствий в пути следования, при въезде куда-либо или выезде откуда-либо; вообще пусть не досаждают им никоим образом».

Исчерпав материал латинского текста, заключенного его переводчиком в комплекс одной статьи *объявление о пожаловании*, замечаем, что далее в латинском переводе следуют отдельные обороты, продолжающие статью *условия пожалования* нашей реконструкции.

Третий по счету оборот статьи *условия пожалования*: De auro uero uel argento siue de auro filato, ab antiquo comerclum non soluentes, modo minime soluere feneantur. — «А с золота, либо серебра,

[illegible] золотой канители они исстари не платили коммеркия; и ныне [illegible]сколько не должны платить».

Этот оборот присутствовал в ярлыке Узбека. Однако там он начинался с указания на драгоценные камни и жемчуг[75]. В ярлыке Джанибека мы почему-то не находим слов о необлагаемости торговым налогом названных драгоценностей. Возможно, тогда в интересах пополнения государственной казны торговля ими стала облагаться трехпроцентной тамгой. Что касается золота и серебра, то речь прежде всего шла о ввозе европейцами в Орду золотой и серебряной монеты. А это, по представлениям ордынских сановников и хана, вело только к росту их благосостояния.

Реконструируем содержание оборота так: «Они исстари не платили торгового налога с золота, серебра и золотой канители; и ныне нисколько не должны платить».

Четвертый оборот статьи *условия пожалования* также знаком нам по ярлыку Узбека[76]: Item, si erunt aliqua mercimonia, que ponderari debeant, haberi debeat ex parte comerclarij unus, et ex parte consulis unus alius, ut predicta juste ponderentur. — «Также, если будут иметь место какие-либо товары, которые надлежит взвешивать, то следует иметь со стороны сборщика коммеркия одного и со стороны консула также одного с тем, чтобы вышеназванное взвешивалось по справедливости».

Содержание оборота достаточно прозрачно. Уполномоченные обеих сторон следят за правильностью взвешивания товаров весовщиками (тартанакчи): «Также, если продаваемые или покупаемые товары нуждаются во взвешивании, то за правильностью их взвешивания надлежит следить уполномоченным, назначаемым по одному как от нашего таможника, так и от их консула».

Пятый оборот статьи: Item, si accideret aliquas fieri uenditiones super aliquibus mercationibus datis uel acceptis caparis per sensales, mercatum sit firmum, et nullo modo dissolui possit. — «Также, если окажется, что, помимо какой-либо проданной вещи, во время торговой операции будут отмечены выдача или принятие торговым посредником задатка, сделка является скрепленной и даже никак расторгнута быть не может».

Подобный оборот присутствует и в ярлыке Узбека[77]. В данном случае мы перевели текст оборота более точно. Реконструируем его

содержание следующим образом: «Также, если какая-нибудь торговая операция сопровождается выдачей или получением торговым посредником задатка, такая сделка считается скрепленной и никоим образом не может быть расторгнута».

Шестой оборот статьи: Item, si contingeret, quod Deus auertat, aliquos nostros Venetos habere lites, iniurias, offensas uel questiones aliquas cum aliquibus hominibus contrate, tunc dominus consul una cum domino terre, simul sedentes, examinent, difiniant et terminent omnes supradictas questiones, uniurias uel offensas, ut pater pro filio, et filius pro patre damnum non consequantur. — «Также, если случится, да отвратит то бог, что какой-либо наш венецианец затеет ссору, нанесет обиду, оскорбление, или, напротив, [с венецианской стороны] поступят какие-либо жалобы на каких-либо людей, тогда господин консул с правителем города, заседая совместно, пусть тщательно разберутся, установят и решат все вышеозначенные жалобы, обиды или оскорбления с тем, чтобы отец за сына, или сын за отца, не понес убытка».

И этот оборот о совместном суде ордынского даруги-князя и венецианского консула был зафиксирован в ярлыке Узбека[78]. В ярлыке Джанибека оборот имеет любопытную особенность. У внимательного читателя создается впечатление, что переводчик имел перед глазами не восточный текст акта, который он скрупулезно, слово за слово, переводил, а свободно читаемый им перевод ярлыка на итальянский язык, который он вольно перелагал на официальную латынь. Действительно, в документе, исходившем от лица ордынского хана, нелепо выглядит текст, где «венецианские франки» вдруг именуются «нашими», а венецианский консул Азова выступает в роли главного по отношению к ордынскому правителю Азова, ибо вынесен на первое место. Вспомним, что в переводе ярлыка Узбека этот оборот полностью соответствовал контексту акта в целом. Оговорку «да отвратит то бог», или «не приведи господи» также относим к творчеству переводчика.

В связи с нашим предположением о том, что ярлык Джанибека переводился не с подлинника, а с его итальянского переложения, уместно припомнить и характерное для переводного текста этого ярлыка слово «земля» = «город», которого не было в переводе ярлыка Узбека.

Содержание оборота воссоздаем в таком виде: «Также, если случится, что кто-либо из наших подданных затеет ссору с венецианцем, нанесет ему обиду или оскорбление, или же, напротив, поступят какие-либо жалобы на венецианцев от наших людей, пусть тогда правитель Азова и венецианский консул на совместном заседании установят, внимательно взвесят и разрешат все вышеозначенные жалобы, обиды и оскорбления с тем, чтобы не был нанесен ущерб ни отцу за сына, ни сыну за отца».

Седьмой оборот статьи: Item, de nauigijs a duabus gabijs et una gabia, debeant soluere secundum priorem consuetudinem. — «Также, что касается кораблей с двумя габиями и одной габией, следует платить согласно прежнему обычаю».

Оборот присутствовал в ярлыке Узбека в более развернутом виде. Там подчеркивалось, что речь идет о прибывающих и отбывающих венецианских судах[79]. Следует еще уточнить, что и там, и в ярлыке Джанибека размеры кораблей, облагаемых пошлиной, определялись количеством габий (gabia). Так назывались специальные клети, или кабины, закреплявшиеся на марсах корабельных мачт. Они использовались в качестве наблюдательных вышек. Габии находились не на всех мачтах итальянских кораблей — даже на 3-мачтовых судах их было не более двух. Уточнение о габиях в переводном тексте оборота, существенное для венецианцев, вряд ли имело значение для ордынской стороны. Для последней важно было повысить сумму пошлины на определенную обычаем величину только за вторую мачту. Этот момент и отражаем в реконструкции содержания оборота: «Также, с прибывающих и отбывающих кораблей с одной и двумя мачтами надлежит взимать пошлину согласно прежнему обычаю».

Восьмой оборот статьи: Item, si aduenirет, aliquos Venetos facere uel emere aliqua coria cruda, soluere teneantur nostro comerclo maiori quinquaginta pro centenario et quadraginta minori comerclo, ut faciunt Ianuenses. — «Также, если окажется, что какой-либо венецианец присвоит или купит невыделанную шкуру, ему надлежит уплатить нам коммеркий: больший — пятьдесят за сотню и меньший коммеркий — сорок, как делают генуэзцы».

М. М. Ковалевский понимал этот оборот не совсем верно. Он полагал, что различные ставки ордынской тамги зависели от величи-

ны шкур, т. е. большие шкуры облагались большим торговым налогом, малые — меньшим[80]. Латинский текст оборота не дает основания для такого толкования. В нем фиксируются лишь верхняя и нижняя рамки тамги — от 50 до 40% с продажной цены шкуры. Так что величина ставки торгового налога зависела, скорее всего, не от размеров, а от ценности меха. Другое дело, что объявленные в обороте ставки тамги были в 13–17 раз выше общепринятой, равной 3%. Чем это объяснялось? Возможно, стремлением ордынских властей не допустить массовой скупки иностранными купцами именно невыделанных, т. е. дешевых шкур. М. М. Ковалевский считал, что речь шла о каракулевых шкурках[81]. Примечательна в этом обороте оговорка «как делают генуэзцы». Она указывает на то, что генуэзцы вновь опередили венецианцев в получении от нового хана ярлыка в пользу своего купечества.

Реконструированное содержание оборота можно выразить так: «Также, если окажется, что какой-либо венецианец присвоит или купит невыделанную шкуру, то ему надлежит, как это делают генуэзцы, уплатить нам торговый налог, максимальный размер которого 50%, а минимальный — 40%».

Девятый оборот статьи: Item, liceat ipsis Venetis circa eorum custodiam ad eorum omnimodam uoluntatem prouidere, dum tamen Ianuenses de eorum custodia nullatenus se intromittant. — «Также, разрешается самим венецианцам о собственной охране всеми возможными средствами позаботиться и предусмотреть, чтобы генуэзцы через их охранение никоим образом не могли проникнуть».

Оборот не записан в ярлыке Узбека. Он служит логическим продолжением помещенного нами в реконструкции статьи *объявление о пожаловании* ярлыка Джанибека разрешения на всякого рода строительство в отведенном для венецианцев квартале Азова. Ведь само разрешение было ответом на прошение венецианских купцов дать им возможность оградить себя от посягательств со стороны генуэзцев. Девятый оборот статьи *условия пожалования* представлял венецианцам право, равносильное заповедному иммунитету для места их поселения. Однако это право они могли применять лишь по отношению к генуэзцам.

Наша реконструкция содержания оборота: «Также, чтобы оградить себя от посягательств со стороны генуэзцев, венецианцам раз-

решается самим организовать любую, на их полное усмотрение, охрану места своего проживания».

Десятый, последний, оборот статьи *условия пожалования*: Item, si accideret, quod Deus auertat, aliquod nauigium infringi, liceat ipsis Venetis eorum mercationes, ubicunque inuenerint, que in ipsis nauigijs fuissent, a quocunque uendicare et recuperare sine contradicione aliquorum. — «Также, если случится, да отвратит то бог, что какой-либо их корабль будет разбит, разрешается самим венецианцам их товары, из тех, которые на их кораблях находились, где бы они их не нашли и от кого бы их не потребовали, получить их обратно без какого-либо возражения».

Оборот также не был отражен в ярлыке Узбека. Фиксация его в ярлыке Джанибека являлась очередным достижением венецианской дипломатии, ибо оборот передавал в руки венецианских купцов Азова феодальное «береговое право». Суть его заключалась в том, что владелец части берега, возле которого происходило кораблекрушение, имел право присвоить себе любые вещи, выброшенные волнами на берег. Теперь ханским распоряжением он этого права лишался в пользу венецианцев. Ко времени получения ярлыка Джанибека венецианские купцы уже обладали береговым правом, полученным от королей Киликийской Армении[82].

Реконструкция содержания оборота: «Также, если случится, что какой-нибудь венецианский корабль потерпит в наших владениях крушение, то все товары, которые на нем находились, где и у кого бы они ни были обнаружены, венецианцам разрешается самим требовать и без всякого возражения со стороны их новых владельцев получать обратно».

За статьей *условия пожалования* следует четвертая, последняя, статья, которую мы именуем *удостоверение*. Она состоит из трех оборотов: *удостоверительные знаки, время и место написания, представление*.

Оборот *удостоверительные знаки* в золотоордынских жалованных грамотах, написанных по-тюркски, был грамматически связан со статьей *условия пожалования*, составляя с нею единое предложение. В латинском переводе ярлыка Джанибека оборот выделен в самостоятельное предложение: Eisdem ambaxatoribus pro eorum comuni et forcia recipientibus gratiam fecimus adimpletam, eisdem dando

baissinum de auro et nostrum preceptum, cum bullis tribus rubeis bullatum. — «Этим послам, в пользу их общины и в подтверждение получения ими оказанной нами милости, выданы им байса из золота и наш указ, украшенный тремя красными печатями».

Если в ярлыке Узбека латинский перевод аналогичного оборота был выполнен предельно сжато и почти точно[83], то здесь наблюдается другое явление: латинский перевод оборота в ярлыке Джанибека осуществлен в форме распространенного толкования. Мало того, его первая половина принадлежит вообще не ему, а заимствована из статьи *объявление о пожаловании*, которая, как мы помним, в основном тексте перевода специально не была выделена. Создается впечатление, что перевод выполнял человек, настолько хорошо знакомый с содержанием акта в целом, что он имел возможность для достижения большей ясности перевода свободно менять местами составные части формуляра. Иными словами, подтверждается сделанное выше допущение, что перевод на латинский язык этого ярлыка осуществлялся не с текста оригинала, а с его итальянского переложения, выполненного слово за слово еще в ханской ставке.

Первую половину латинского перевода оборота «Этим послам, в пользу их общины и в подтверждение получения ими оказанной нами милости...» перемещаем на положенное ей место в реконструкции содержания статьи *объявление о пожаловании*. Собственно, оно там, с нашей помощью, уже присутствует. Однако перемещению подлежит не весь этот текст. Слово forcia (от fortis «твердый, прочный, укрепляющий») мы по контексту передаем в названном фрагменте русским словом «подтверждение». Оно вызывает ассоциацию со словом «утвержение» («утверждение»), которое содержится в обороте *удостоверительные знаки* старинного русского перевода ярлыка Бердибека митрополиту Алексию, выданного в 1357 г.: «баису да ярлык с алою тамгою дали на утвержение вам»[84]. Дело в том, что и в русском переводе слово «утвержение» являлось не точной передачей текста оригинала, а лишь его толкованием. Тюркское соответствие формулы «на утвержение вам» было определено еще в 1917 г. Н. И. Веселовским[85].Формула читалась tuta tururγa и переводилась А. П. Григорьевым «для постоянного хранения»[86]. Скорее всего, именно она послужила и для переводчика ярлыка Джанибека на латинский язык той зацепкой, с помощью которой он свел во-

единo два фрагмента из статей, далеко отстоявших друг от друга в оригинале.

Вторая половина латинского перевода оборота: «... выданы им байса из золота и наш указ, украшенный тремя красными печатями» — по смыслу является копией оборота *удостоверительные знаки* в латинском переводе ярлыка Узбека. Только здесь термины, обозначающие эти знаки, снабжены определениями.

Байса, т. е. пайцза, определена как золотая. Между тем только в жалованной грамоте хулагуида Абу Саида от 1320 г., написанной уйгурицей по-монгольски, мы встречаем определение к пайцзе — «золотая»[87]. Ни в одном чингисидском ярлыке, написанном по-тюркски, пайцза не имела определения. Это мы уже видели на примере русского перевода ярлыка Бердибека митрополиту Алексию. Значит, определение «из золота» внес в латинский перевод ярлыка Джанибека сам переводчик, видевший пайцзу собственными глазами. Уникальное описание очевидцем ордынской пайцзы приближает нас к раскрытию загадки, занимавшей многие поколения отечественных ученых. Из какого металла изготавливались пайцзы, выдававшиеся золотоордынскими ханами в качестве металлического удостоверения к их жалованным грамотам? Латинский переводчик назвал пайцзу золотой, но ведь все известные, сохранившиеся до наших дней ханские пайцзы были, как известно, серебряными.

Теперь позволим себе небольшой экскурс в историю визуального знакомства с пайцзами русских ученых. А. М. Позднеев рассказывал, что в 90-х годах XIX в. любитель истории Тянков приобрел в Саратове у серебряника Жукова пайцзу Токты. Она была найдена где-то в Астраханском крае, т. е. в районе расположения старой ордынской столицы Сарая, и продана Жукову «как вещь, продаваемая в лом». «Литая из серебра пайцза эта была густо позолочена и в этом виде висела в мастерской Жукова несколько лет. Впоследствии, при крайности и неимении работы, г. Жуков сначала соскоблил с дощечки позолоту, потом содрал ободок, на котором обыкновенно писался номер пайцзы, и, наконец, по нужде, начал резать и самую дощечку. Таким образом оказалась утраченной уже целая треть дощечки в ту пору, когда приобрел ее г. Тянков»[88]. Иными словами, когда пайцза висела в мастерской Жукова, она выглядела золотой. Только тогда, когда серебряник «при крайности» соско-

блил с нее позолоту, она стала для всех серебряной. Можно предположить, что такая судьба выпала на долю и остальных известных науке трех ордынских пайцз, которые в разное время были найдены случайными людьми, понятия не имевшими о научной ценности своих находок. Пайцза Узбека была приобретена П. И. Щукиным в первые годы XX в. на Нижегородской ярмарке. К тому времени она смотрелась как серебряная. Позолота сохранилась лишь на орнаментальном рисунке и выпуклых буквах надписи. Длина пайцзы составляла 29,4 см, ширина — 9,8 см, вес — 1 фунт 14 золотников, т. е. 469,236 г[89]. Выходит, ордынские «золотые» пайцзы изготовлялись из позолоченного серебра.

Что касается выражения «указ, украшенный тремя красными печатями», то в нем мы усматриваем пространное толкование формулы, которая для ярлыка Узбека реконструирована нами в двух словах: «алотамговый ярлык». Действительно, соответствие слова «указ» термину «ярлык» не вызывает сомнений. Для всех, не только джучидских, но и вообще чингисидских актов было правилом не называть число печатей — «алых тамг» в статье *удостоверение*. Мы имеем возможность убедиться в том, что на единственной из сохранившихся в оригинале жалованной грамоте будущего монгольского великого хана Хайсана сына Дармабалы, написанной буквами квадратного алфавита по-монгольски в 1305 г. (т. е. там, где в тексте об удостоверительных знаках ни слова не сказано), красуются три оттиска квадратной печати[90]. На дошедшем до нас в оригинале золотоордынском ярлыке Токтамыша, написанном арабицей по-тюркски, оттиснуты две алые тамги: первый оттиск находится справа в середине документа, второй — слева в конце[91]. В копии написанного так же ярлыка Улуг-Мухаммеда обозначена одна тамга — в середине справа[92]. В оригинале такого же ярлыка крымского хана Саадет-Гирея от 1524 г. присутствуют три оттиска алой тамги (принадлежавшей Хаджи-Гирею), располагаясь вверху справа, в середине слева и в конце справа[93].

Наличный актовый материал, в котором нет ни одной жалованной грамоты, составленной по-тюркски уйгурицей(в копии ярлыка Тимур-Кутлука тамги не обозначены), т. е. подобной ярлыкам Узбека и Джанибека, не позволяет уверенно судить о том, сколько раз полагалось оттискивать алую тамгу на золотоордыском ярлыке ана-

.изируемого нами вида. На основании того, что ярлыки Токтамыша и Улуг-Мухаммеда были обращены только к сановникам Крымского тюмена, можно предположить, что таких оттисков на ханских ярлыках «общеимперского звучания» было всегда три. Несомненно, что располагались они на листе документа сверху вниз и справа налево.

Наша реконструкция содержания оборота *удостоверительные знаки*: «Выданы для постоянного хранения пайцза и алотамговый ярлык».

Оборот *время и место написания*: Exibitum autem et traditum ac registratum fuit predictum preceptum in anno equi, tempore lune noue, transactis octo mensibus, in casali Babasara. — «Изложен же и приведен к регистрации был данный указ в год лошади, период новой луны, по истечении восьми месяцев, в селении Бабасара».

Уже на первый взгляд специалисту заметны отклонения от общепринятого изложения содержания оборота, какое, например, мы видели в ярлыке Узбека[94]. Рассмотрим составляющие оборот элементы в порядке, представленном в нашем переводе.

Элемент «изложен же и приведен к регистрации был данный указ» является пространным толкованием глагольной формы bitildi «написано было», общепринятой для золотоордынских актов. В слово «изложен» переводчик, видимо, вкладывал значение «составлен по-тюркски и переведен на итальянский язык». «Данный указ» — слова, заимствованные из оборота *удостоверительные знаки*.

Интересно выражение «приведен к регистрации» (т. е. «внесен в книгу») которое, насколько нам известно, никогда и нигде в подлинных текстах и переводах чингисидских документов больше не встречается. Нам представляется, что венецианский переводчик ярлыка Джанибека на латинский язык просто домыслил последующую регистрацию ярлыка в специальной книге и сделал эту приписку, исходя из европейской делопроизводственной практики. Но не было ли подобной практики и у чингисидов?

В «Сборнике летописей» персидского историка и государственного деятеля XIV в. Рашидаддина есть специальная глава «О соблюдении строгого порядка в деле выдачи людям ярлыков и пайцз»[95]. Из нее следует, что схема прохождения ярлыка от его

замысла до выдачи была такой. Проситель обращался с прошением о выдаче ярлыка к высшим сановникам государства. Те составляли черновик ярлыка совместно с секретарями-писцами. Затем содержание ярлыка прочитывалось государю, после чего давалось разрешение на переписку указа набело. Наконец, на лицевой стороне документа оттискивалась тамга, а на его обороте фиксировались имена сановников-ходатаев. Последними звеньями в этой цепи являлись регистрация ярлыка в особой книге и вручение его грамотчику.

«[Государь] назначил битикчия (писца. — *А. Г., В. Г.*), чтобы он слово в слово списывал в книгу каждый ярлык, на который налагают печать, и упоминал, в какой день проставили тамгу, кто его написал и кто докладывал. По [прошествии] полного года начинал бы снова другую книгу с нового года, так чтобы на каждый год была отдельная книга. Цель заключалась в том, чтобы не произошла какая-нибудь путаница и никто не смог бы отрицать, что он докладывал, писал и ставил тамгу, а также в том, что если ярлык дали одному лицу, а придет другое и захочет получить фирман (ярлык. — *А. Г., В. Г.*), противоречащий смыслу [того ярлыка], то при обращении к ней [книге] обстоятельство становилось бы известным и прошения вразрез с ней не происходило»[96]. Делопроизводство в соседних улусах Монгольской империи в основных чертах было единообразным. Особенно много общего, как отмечали арабоязычные авторы XIV–XV вв. ал-Мухибби и ал-Калкашанди, наблюдалось при оформлении документов в канцеляриях улусов Джучи и Хулагу[97]. Можно предположить, что и регистрация ярлыков в золотоордынской канцелярии происходила наподобие вышеописанной.

Элемент «в год лошади», обозначающий год выдачи ярлыка, легко переводится на наше летосчисление — 1342 г.[98] Сочетание «период новой луны по истечении восьми месяцев» является не совсем обычной передачей месяца и дня выдачи ярлыка по лунно-солнечному календарю. Мы и здесь усматриваем вольность перевода. Правильнее было бы сказать «девятого месяца в первый [день] прибывающей [Луны]», ибо именно с новолуния должно начинаться первое число любого месяца лунно-солнечного календаря[99]. В пересчете на наше летосчисление ярлык был написан 30 сентября 1342 г.[100]

Сочетание «в селении Бабасара» является обозначением места написания и выдачи ярлыка. Итальянское слово casale «селение» вызывает недоумение, ибо известно, что в золотоордынских ярлыках специальным словом отмечались только топографические термины типа «река» или «степь», а названия населенных пунктов не сопровождались дополнительными указаниями «деревня» или «город». Мы склонны думать, что слово «селение» приведено в качестве пояснения переводчиком ярлыка. Зачем понадобилось ему делать такое пояснение?

Если «золотую» пайцзу Джанибека видел сам переводчик или, во всяком случае, слышал о ней как о большом куске золота еще со времени доставки в Венецию ярлыка и пайцзы Узбека, то значение слова, стоявшего перед названием Бабасара, он вряд ли знал. Из итальянского перевода соответствующего фрагмента ярлыка Бердибека от 1358 г. мы узнаем, что непосредственно перед обозначением места выдачи ярлыка стояло слово «орда» — ханская ставка. Там же то же слово мы видим и в русских переводах ярлыков Бердибека от 1357 г. и Бюлека от 1379 г.[101] Конечно, европейцы, проживавшие в Золотой Орде, знали, что означал термин «орда». «Кодекс куманикус» давал и его латинский перевод — curia[102]. Венецианский переводчик с итальянского на латынь, возможно, не ведал об этом и по своему разумению перевел незнакомое слово как «селение».

В ярлыке Узбека местом его выдачи был назван пункт, расположенный у корабельной стоянки не очень далеко от Азова[103]. Ближе к Азову находилась другая корабельная стоянка, которая на средневековых итальянских картах именовалась Паластра, Палестра (греч. «гимнастическая площадка») и Балестра (итал. «арбалет»). Ф. К. Брун уже в XIX в. привел убедительные аргументы в пользу привязки местоположения Паластры к Белосарайской песчаной косе, которая находится на северном побережье Азовского моря (к югу от Мариуполя)[104]. В XV в. Паластра упоминалась в записях Иосафата Барбаро[105]. По-тюркски название Баластра ~ Балестра произносилось как Балысыра. В середине XVII в. Балысыра служила корабельной пристанью Азова, ибо суда с низкой осадкой из-за мелководья не могли проходить до самой крепости. В Балысыра торговые корабли разгружались, и товары с них везли до Азова на телегах[106]. Скорее всего, и в XIV в. Балысыра использовалась

в тех же целях. Позднее русская народная этимология перекроила стоянку Балысыра в Белый Сарай, а песчаную косу, где она находилась, — в Белосарайскую. Итальянские и греческие моряки до конца XIX в. называли эту стоянку Болестра[107].

В названии селения Babasara, приведенном в латинском переводе ярлыка Джанибека, мы усматриваем ошибку переписчика, где латинская буква b поставлена вместо l. Именно «Баласара» записал переводчик по-латыни, т. е. тюркское наименование корабельной пристани Азова, где, по-видимому, и произошла встреча венецианских послов с ордынским ханом. Там был оформлен и переведен на итальянский язык ярлык Джанибека.

Наша реконструкция содержания оборота *время и место написания*: «Написано было в год лошади девятого месяца в первый день прибывающей Луны [30 сентября 1342 г.], когда ставка находилась в Балысыра».

Статью *удостоверение* в ярлыке Джанибека в целом венчает оборот *представление*, которого мы не видели в латинском переводе ярлыка Узбека. Эта фраза традиционно фиксировалась на оборотной стороне документа, и переводчик ярлыка Узбека, наверное, не счел нужным перелагать ее на латынь. Переводчик ярлыка Джанибека, имея дело с полным итальянским текстом документа, передал оборот *представление* по-латыни целиком: Nomina autem illorum baronum, qui pro nobis gratiam impetrauerunt, sunt hec: Nagadain. Aly. Mogolboa. Acomat. Bechelamis. Corcobasi. Cotolemur. Aytamur. Serix capud dominarum (Magister Nicolaus). — «Имена же тех баронов, которые для нас милость испрашивали, суть следующие: Нагадаин, Али, Моголбоа, Акомат, Бекелямис, Коркобасы, Котолемур, Айтамур. Серикс главных господ. (Магистр Никола)».

Оборот состоял из двух элементов — собственно представление и помета писца. В первом элементе назывались ходатаи за грамотчика, в данном случае — за Венецию. Это были влиятельные сановники Золотой Орды, которые представляли Джанибеку прошение венецианской стороны о пожаловании. Все, что мы знаем о личности каждого из ходатаев, скажем ниже, а пока воссоздадим форму элемента в целом.

В первом предложении элемента называются «бароны», кото-

рые ходатайствовали за венецианских купцов. Известно, что европейскому термину «барон» в то время точно соответствовал ордынский термин «бек» («князь»)[108]. Во втором предложении: «Серикс главных господ» — первое слово не читается ни по-латыни, ни по-итальянски, ни по-тюркски, ни по-монгольски.

Вспомним, что латинский перевод ярлыка Джанибека, как и все остальные латинские и итальянские переводы ордынских жалованных грамот венецианцам, сохранился в Венеции в двух списках. Один из них находился в библиотеке св. Марка (Liber Pactorum), другой — в архиве Фрари (Liber Albus)[109]. Отдельные слова в названных документах в разных списках воспринимались поразному. Все ярлыки по списку библиотеки св. Марка были изданы Л. де Мас Латри[110]. Г. Томас и Р. Пределли при публикации критического текста тех же ярлыков в «Венециано-Левантийском дипломатарии» привлекли в качестве основного список из архива Фрари. Это обстоятельство дает возможность интерпретатору текста сравнивать различные написания непонятных слов, выбирая из них наиболее приемлемый вариант.

В списке библиотеки св. Марка слово serix имело форму seris[111]. Последний вариант, а также контекст фразы приводят нас к выводу, что непонятное переписчикам ярлыка слово было искажено в обоих списках. Правильнее было передать его в форме secis, ибо здесь речь идет о тюркском числительном sekiz «восемь». Ведь как раз столько имен князей-ходатаев и было перечислено выше. Интересно, что в соответствующем элементе русского перевода жалованной грамоты Тайдулы митрополиту Феогносту от 1351 г. названы имена троих ходатаев, а затем приведено точное написание этого числительного русскими буквами по-тюркски: «учюгуи» (üčügü) «трое»[112]. Значит, подтверждается наше допущение, что оригиналы того и другого актов были написаны по-тюркски. Сочетание «главные господа» в таком же элементе ярлыка Бердибека митрополиту Алексию передается по-русски как «головные князи»[113]. Прежде уже отмечалось, что этому сочетанию в тюркском оригинале соответствовала формула bašlïγ beglär «князья во главе с . . . »[114]. По-русски мы теперь передали бы первую часть тюркской формулы словами «а именно».

В целом форма элемента *представление* в его латинской пе-

редаче отражала взгляд переводчика на восьмерых ордынских сановников-ходатаев с точки зрения венецианцев. В подлинном тексте ярлыка, несомненно, говорилось, что эти сановники «прошение [хану] представили» (ütül tigürdiläг)[115], а не «для нас милость испрашивали». Что касается личности каждого из названных в элементе князей, то ниже мы попытаемся сказать о них все, что смогли узнать. Только прежде следует расшифровать латинскую транслитерацию их имен.

В буквосочетании Nagadain узнается монгольское по происхождению имя Нангудай. В источниках, созданных на основе арабской графики, оно часто искажалось и принимало формы: Нангудай, Мангудай, Намгудай, Бангудай и Янгудай. Впервые имя Нангудая в форме Нагатай встречается в воспоминаниях Ибн Баттуты. Арабский путешественник лично встречался с этим князем — зятем Узбека. Дочь Нангудая Кабак-хатун имела ранг второй из четырех жен хана[116]. Первое место в списке ордынских сановников-ходатаев указывает на высокое положение Нангудая и при дворе Джанибека в первый год его правления. Затем имя Нангудая исчезает из ярлыков, пожалованных ордынскими ханами итальянским купцам. Возможно, это обстоятельство указывает на попытки Нангудая проводить независимую политику и, как следствие, ханскую опалу. Из трудов персоязычных историков Муинеддина Натанзи и Низамаддина Шами выясняется, что Нангудай был главой рода кунграт, правителем Хорезма. Еще при Узбеке он женил своего старшего сына Ак-Суфи на ханской дочери, сестре Джанибека, Шакарбек. Нангудай славился громадным ростом. Он пережил правление пятерых ханов и погиб одновременно с Могулбугой в начале смуты 60-х годов. В 70-е годы XIV в. в Хорезме с центром в г. Ургенч последовательно правили сыновья Нангудая Хусейн и Юсуф, основавшие независимую кунгрантскую династию Суфи[117].

Транслитерация Aly однозначно воспроизводит арабское по происхождению имя Али, широко распространенное среди мусульман. В русской адаптации имя Алий ~ Алей дало фамилию Алеев, известную с конца XVI в.[118] Что касается ордынского сановника с таким именем, то, возможно, речь здесь идет о том князе Али, сыне Арзака, которого под 1334 г. упоминал Ибн Баттута. Он был женат на сестре Ордучи, бывшей четвертой женой Узбека[119]. В позднейшем

ших ордынских документах по сношениям с Венецией имя Али не встречается.

Буквосочетание Mogolboa дает имя князя Могулбуги, о котором мы писали выше.

В транслитерации Acomat узнаем арабское по происхождению имя Ахмат (Ахмад, Ахмед). От имени Ахмат в конце XVI в. была образована русская фамилия Ахматов[120]. В 1349 г. венецианский дож отправил Ахмату отдельное послание. Погиб этот князь одновременно с Могулбугой и Нангудаем[121].

В буквосочетании Bechelamis просматривается тюркское имя Беклемиш. С середины XV в. появляется русская фамилия Беклемишев[122]. Об ордынском князе с таким именем известные нам источники умалчивают.

Имя, которое скрывается в транслитерации Corcobasi, расшифровывается только благодаря тому, что оно встречается еще в послании венецианского дожа, отправленном этому сановнику в 1349 г. Там оно зафиксировано в форме Churtchabatsi, т. е. Куртка-бахши[123]. Мужское имя Куртка (от древнетюркск. qurtγa «старуха») довольно часто встречается в источниках по истории Золотой Орды[124]. Вторая часть в сложном имени Куртка-бахши также употреблялась как самостоятельное имя Бахши[125]. В качестве приложения к личному имени это китайское по происхождению слово значило «учитель, наставник». Секретари-битикчии в золотоордынских канцеляриях всегда писали свои имена с приставкой «бахши»[126]. Собственно термин «битикчи», этимологически точно переводимый как «писец», обозначал в ордынской канцелярии должностное лицо, которое в западноевропейских документах называлось «доктор, магистр»[127], а в русских — «дьяк»[128].

Буквосочетание Cotolemur удовлетворительно читается лишь после привлечения итальянских переводов трех ордынских документов, датируемых 1358 г., т. е. временем правления Бердибека. В них приводится то же имя в формах: Cotelletomur, Cotelletemur, Chotelletemur[129], т. е. Кутлуг-Тимур[130]. Он фигурирует в качестве правителя (даруги-князя) города Крым (Старый Крым). Не исключено, что Кутлуг-Тимур из ярлыка Джанибека — то же лицо. В 1334 г. Ибн Буттута встречался с правителем Крыма Тюлек-Тимуром, у которого был сын Кутлуг-Тимур[131].

Транслитерация Aytamur дает вполне возможное тюркское сложное имя Ай-Тимур. Неизвестно, кто скрывался под этим именем. Можно лишь констатировать, что оно завершало список имен ордынских сановников-ходатаев за венецианских купцов перед Джанибеком.

В самом конце оборота *представление* мы поместили в круглых скобках слова: Magister Nicolaus. Эти два слова вписаны над последней строкой латинского перевода ярлыка Джанибека в его список, хранящийся в библиотеке св. Марка. Они были помещены над словом Serix и, похоже, воспринимались издателем перевода Г. Томасом как расшифровка этого никому непонятного слова[132]. Теперь мы знаем, что то была транслитерация тюркского числительного «восемь». Так что слова «Магистр Никола» обозначали, скорее всего, венецианского переводчика ярлыка Джанибека на латинский язык. Помета писца как элемент оборота *представление* обычно имела форму: «Я, [личное имя]-бахши, написал».

Реконструкция содержания оборота *представление*: «Прошение представили восемь князей, а именно: Нангудай, Али, Могулбуга, Ахмат, Беклемиш, Куртка-бахши, Кутлуг-Тимур, Ай-Тимур. Написал я, [?]-бахши».

В итоге полная реконструкция содержания ярлыка Джанибека от 1342 г. венецианским купцом Азова представляется нам в следующем виде:

«Предвечного бога силою, великого гения-хранителя покровительством, мой, Джанибека, указ Монгольского государства правого и левого крыла огланам, тем, под началом с Могулбугой, тысяч, сотен и десятков князьям, даругам-князьям Азова под началом с Черкес-ходжой, таможникам и весовщикам, заставщикам и караульщикам, многим людям, идущим по какому-нибудь делу, всем.

Этим ярлыком обладающие венецианские послы, говоря от имени своего дожа, что государство и народ Венеции во главе с их дожем в свое время получили от хана, отца нашего, в качестве пожалования землю в Азове, чтобы жить на ней и строить жилища для сбережения себя и своих товаров, и, показывая на то ярлык и пайцзу, они обратились к нам с прошением о пожаловании от нас их купцам разрешения безопасно жить в названном городе Азове, находясь там вместе со своими товарами отдельно от генуэзцев,

получая от нас помощь и покровительство и при совершении законной купли-продажи выплачивая нам 3%-й торговый налог. Выслушав их прошение и признав его исполнимым, мы в соответствии с условиями пожалования покойного хана, отца нашего, объявляем нашим пожалованием им участок земли в Азове, лежащий вдоль берега Дона от бани Бедреддина до начала еврейского квартала, оттуда вниз по рву до горы, включая саму гору, чтобы они благоустраивали его, производя там любое необходимое им строительство.

Отныне и впредь венецианские купцы, приезжающие торговать в Азов или любую другую подведомственную нам землю, в случае совершения ими купли-продажи обязаны платить нам 3%-й торговый налог, а в случае, если купля-продажа не производится, не должны платить ничего. Никто из облеченных нами властью не должен чинить им препятствий в пути следования, при въезде куда-либо или выезде откуда-либо; вообще пусть не досаждают им никоим образом. Они исстари не платили торгового налога с золота, серебра и золотой канители; и ныне нисколько не должны платить. Также, если продаваемые или покупаемые товары нуждаются во взвешивании, то за правильностью их взвешивания надлежит следить уполномоченным, назначаемым по одному как от нашего таможника, так и от их консула. Также, если какая-нибудь торговая операция сопровождается выдачей или получением торговым посредником задатка, такая сделка считается скрепленной и никоим образом не может быть расторгнута. Также, если случится, что кто-либо из наших подданных затеет ссору с венецианцем, нанесет ему обиду или оскорбление, или же, напротив, поступят какие-либо жалобы на венецианцев от наших людей, пусть тогда правитель Азова и венецианский консул на совместном заседании установят, внимательно взвесят и разрешат все вышеизложенные жалобы, обиды и оскорбления с тем, чтобы не был нанесен ущерб ни отцу за сына, ни сыну за отца. Также с прибывающих и отбывающих кораблей с одной и двумя мачтами надлежит взимать пошлину согласно прежнему обычаю. Также, если окажется, что какой-либо венецианец присвоит или купит невыделанную шкуру, то ему надлежит, как это делают генуэзцы, уплатить нам торговый налог, максимальный размер которого 50%, а минимальный — 40%.

Также, чтобы оградить себя от посягательств со стороны генуэзцев, венецианцам разрешается самим организовать любую, на их полное усмотрение, охрану места своего проживания. Также, если случится, что какой-нибудь венецианский корабль потерпит в наших владениях крушение, то все товары, которые на нем находились, где и у кого бы они не были обнаружены, венецианцам разрешается самим требовать и без всякого возражения со стороны их новых владельцев получать обратно.

Выданы для постоянного хранения пайцза и алотамговый ярлык. Написано было в год лошади девятого месяца в первый день прибывающей Луны [30 сентября 1342 г.], когда ставка находилась в Балысыра.

Прошение представили восемь князей, а именно: Нангудай, Али, Могулбуга, Ахмат, Беклемиш, Куртка-бахши, Кутлуг-Тимур, Ай-Тимур. Написал я, [?]-бахши».

Таким нам представляется первоначальное содержание ярлыка Джанибека. Что в итоге можно сказать о языке, на котором был написан его оригинальный текст? Во-первых, язык этот был, бесспорно, тюркским; во-вторых, начертан был акт буквами уйгурского алфавита. Последнее утверждение с несомненностью вытекает из того факта, что в формуляре ярлыка отсутствовала первая статья — *богословие*, характерная только для соответствующих документов, написанных арабицей[133]. Анализ текста латинского перевода показал, что перевод этот производился в Венеции не с подлинного текста ярлыка, а с его дословного итальянского переложения. Видимо, только оригинал ярлыка Узбека возился за тридевять земель в метрополию. Дальнейшая практика общения с Ордой показала венецианцам, что подлинник ханской жалованной грамоты всегда может понадобиться на месте, т. е. в Азове, при разрешении всякого рода спорных вопросов. Так что все последующие подлинные тексты документов, касающихся венецианско-ордынских взаимоотношений, постоянно хранились в канцелярии азовских консулов Венеции. После того, как в 1395 г. Тимур подверг венецианский квартал Азова полному разгрому[134], протоколы сената от 1396 г. отмечали, что тогда в огне пожаров погибли все письменные документы, в том числе ярлыки, выданные в пользу венецианцев ордынскими ханами[135].

Ярлык Джанибека венецианским купцам Азова был получен посланцами венецианского дожа Джованни Квирини и Пьетро Джустинианом в первых числах октября 1342 г. Надо полагать, что не позднее конца ноября того же года дословный итальянский перевод этого документа был доставлен в метрополию. Там его перевели трудами магистра Никола с итальянского языка на официальную латынь и ознакомили с содержанием акта специальную сенатскую комиссию. К началу 1343 г. новый ярлык оброс венецианскими официальными разъяснениями и инструкциями и превратился в практическое руководство по экономическим и политическим связям Венеции с Золотой Ордой. По сравнению с ярлыком Узбека ярлык Джанибека явился для венецианской стороны бесспорным завоеванием, шагом вперед по направлению овладения купеческим капиталом Венеции рынков сбыта и источников сырья в Северном Причерноморье и вытеснения из этого региона торгового соперника — Генуи. Так было в теории, а жизнь неожиданно преподнесла венецианской фактории в Азове очень неприятный сюрприз.

В то время как на бумаге все случаи возможной конфронтации между венецианцами и подданными золотоордынского хана были вроде бы учтены и на каждый из них предусмотрена контрмера, на практике венецианские купцы постоянно конфликтовали с местными торговцами и представителями ордынской администрации. Особенно много столкновений происходило по причине неисправного платежа венецианцами торгового налога — тамги. Тревожные известия по этому поводу доставили в метрополию от азовского консула летом 1343 г. Постановлением от 23 июля 1343 г. сенат распорядился принять срочные меры для пресечения случаев неуплаты венецианцами торгового налога. Консулу в Азове предписывалось потребовать от купцов присяги на то, что они будут полностью выплачивать местным властям причитающуюся с них тамгу. Нарушитель подлежал уплате двойной пошлины, из которой половина шла в ханскую казну, а остаток делился на три части: обвинителю (купцу), консулу и в венецианскую казну[136].

Однако эти меры уже запоздали. Взаимоотношения между противостоящими сторонами достигли взрывоопасного накала. По сообщениям ряда европейских авторов, в частности Джорджи Дольфина Лаурентио из Монако и Марино Сануто, искрой, вызвавшей

взрыв, послужила ссора между ордынцем Ходжой Омером и венецианцем Андреоло Чиврано. Происшествие имело место, видимо, в конце лета или начале осени 1343 г. В ответ на пощечину Ходжи Омера венецианец выхватил меч и насмерть поразил обидчика. Результатом кровавого акта была мгновенная реакция населения всей ордынской части Азова. Толпы людей с оружием в руках бросились на штурм поселений западных колонистов — венецианцев, генуэзцев и флорентийцев. Многие итальянцы были убиты, имущество их разграблено, лавки сожжены, около 60 человек захвачено в плен. Остатки пришельцев с боями отступили к своим кораблям и покинули город. Три галеры под командой капитана Марко Морозини отплыли в метрополию с сообщением о случившемся[137].

Для анализа катастрофы и наказания ее виновников венецианский сенат постановлением от 10 ноября 1343 г. назначил особую следственную комиссию, членам которой было предоставлено право добиваться истины при помощи пыток. Андреоло Чиврано и двое его друзей были арестованы[138].

Одновременно предпринимались экстренные меры для умиротворения ордынского хана и восстановления венецианской фактории в Азове. По поручению правительства 3 ноября 1343 г. был заключен письменный договор с гражданами Венеции Николетто Райнерио и Дзанакки Барбафеллой. Названные лица должны были как можно скорее, «с одним только слугою и на собственном иждивении», отправиться сухим путем, т. е. через Венгрию, Польшу и Великое княжество Литовское, в Азов. Там им надлежало лично представить ордынскому правителю города грамоты от венецианского дожа Андреа Дандоло (1343–1354) и выполнить ряд других поручений. Затем они должны были срочно ехать в ставку к Джанибеку, вручить ему верительные грамоты и «употребить все возможные старания для точнейшего исполнения возложенных на них от дожева правительства поручений». В число последних входило ходатайство у хана о выдаче охранной грамоты для послов, которых правительство намеревалось к нему отправить. В случае получения грамоты один из посланцев должен был немедленно вернуться с сообщением об этом в Венецию, а другой — отправиться в Азов и, сохраняя при себе ханскую грамоту, ожидать там или прибытия послов, или иного распоряжения правительства[139].

Результат этого предприятия известен. На экземпляре договора, заключенного венецианским правительством с Райнерио и Барбафеллой, стоит официальная помета от 30 апреля 1344 г., из которой явствует, что оба посланца «счастливо совершили путь свой»[140]. Однако затянувшиеся переговоры между Венецией и Ордой благополучно завершились только в декабре 1347 г.[141]

Глава III

ВТОРОЙ ЯРЛЫК ДЖАНИБЕКА ВЕНЕЦИАНСКИМ КУПЦАМ АЗОВА*

Предлагаемая глава продолжает исследования комплекса золотоордынских документов XIV в., сохранившихся только в синхронных переводах на латинский или итальянский язык[1]. Поскольку наряду с реконструкцией первоначального содержания этих документов мы неизбежно реконструируем исторические предпосылки, вызвавшие к жизни составление соответствующих ярлыков, приходится хотя бы в общих чертах воссоздавать и страницы политической истории Золотой Орды, о которой, по причине фактического отсутствия реконструируемых актов в научном обороте, не было и речи в трудах наших предшественников. Однако как предлагаемые последовательные реконструкции содержания этих уникальных письменных источников, так и наши исторические экскурсы еще далеки от совершенства. Поэтому оба названных объекта исследования, получившие определенное решение в предыдущих главах, по возможности пересматриваются и корректируются в каждой последующей главе.

За время правления ордынского хана Джанибека (1342–1357) венецианские купцы получили целых две его жалованные грамоты на городской квартал в Азове. Видимо, этого потребовали какие-то чрезвычайные обстоятельства. Если не знать их, то выдача венецианской стороне двух ярлыков одним ханом на одно и то же место представляется делом невозможным. Поэтому даже такой скрупулезный исследователь венецианско-ордынских отношений, как

* Григорьев А. П., Григорьев В. П. Ярлык Джанибека венецианским купцам Азова от 1347 г.: Реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Н. Н. Дьяков. СПб., 1995. Вып. 15. С. 36–83.

М. М. Ковалевский, полагал, что венецианцы получили от Джанибека только один иммунитетный акт, а именно ярлык от 1347 г., «изложенный как на латинском языке, так и на венецианском наречии»[2]. В этой главе мы попытаемся ответить на вопросы: когда и почему утратил свою силу первый ярлык Джанибека, когда и как удалось венецианской стороне добиться от хана выдачи второго ярлыка и каким было содержание этого второго документа.

Мы уже писали в общих чертах о событиях, за которыми последовали утрата венецианцами первого ярлыка Джанибека и их борьба за получение второго ярлыка[3]. В более детальном изложении история получения второго ярлыка Джанибека представляется нам в таком виде. Западные источники сообщают о том, что в августе или сентябре 1343 г. произошло столкновение между знатным венецианцем Андреоло Чиврано и азовским «татарином», т. е. ордынцем, по имени Ходжа Омер (Chozaamer). О непосредственной причине ссоры между венецианцем и ордынцем источники умалчивают. Не подлежит сомнению лишь то, что к тому моменту враждебное противостояние итальянской и ордынской сторон в Азове достигло небывалой остроты. Так что, когда стычка между Чиврано и Омером закончилась смертью последнего, произошел взрыв всеобщего недовольства иноземными пришельцами. Обе стороны понесли большие потери. Множество венецианцев, генуэзцев, флорентийцев и других европейцев было ограблено и убито, часть захвачена в плен. Остальные бежали из своих разграбленных факторий на галеры и уплыли морем на родину. Убытки венецианцев составили 300 тыс., а генуэзцев — свыше 350 тыс. золотых флоринов. Азов был покинут европейцами. Восточные товары в Италии сразу вздорожали на 50 и даже на 100%[4]. Генуэзцы сохранили свое присутствие в Кафе (Феодосии), которая превратилась в единственное морское пристанище для европейских купцов, торгующих с Золотой Ордой.

Трудно поверить, чтобы поводом, повлекшим за собой столь катастрофические для итальянского капитала последствия, послужило убийство в Азове простого купца. Скорее всего, Ходжа Омер был в Орде лицом влиятельным и достаточно близким к правительству Джанибека. В русских летописях, отображающих события 1315–1316 гг., т. е. эпоху правления отца Джанибека Узбека

(1313–1341), описывается эпизод борьбы за владимирское великое княжение между представителями московского и тверского княжеских домов. 10 февраля 1316 г. тверской князь Михаил Ярославич одержал победу под Торжком над князем Афанасием Даниловичем при помощи ордынского отряда, которым командовали «Таитемерь и Мархожа и Индыи»[5], т. е., видимо, Тагай-Тимур, Омер-ходжа и иные военачальники. Не исключено, что Омер-ходжа (и Мархожа) русских летописей и Ходжа Омер западных источников — обозначения одного и того же лица. В таком случае становятся понятными участие в азовских событиях 1343 г. ордынских войск и последующая непримиримая позиция Джанибека.

Особая следственная комиссия венецианского сената, назначенная в ноябре 1343 г. для анализа катастрофы и наказания ее виновников, арестовала Чиврано и двоих его друзей[6]. Одновременно правительство дожа Андреа Дандоло (1343–1354) предприняло энергичные меры для умиротворения Джанибека и восстановления венецианской фактории в Азове. Уже в начале ноября 1343 г. были избраны двое посланников (Николетто Райнерио и Дзанакки Барбафелла) в Орду. В начале февраля 1344 г. они отправились сухим путем, через Краков и Львов, в Азов, имея поручение представить ордынскому правителю города грамоты дожа. В них содержалось предложение освободить задержанных в Азове купцов, вернуть их имущество и восстановить торговые отношения. Затем посланники должны были срочно ехать в ставку к Джанибеку, где бы он ни находился, вручить и ему дожевы грамоты и ходатайствовать перед ханом о выдаче проезжей (охранной) грамоты для послов, полномочных обговорить с ханом все статьи предполагаемой новой жалованной грамоты-ярлыка. В случае получения проезжей грамоты один из посланцев должен был немедленно вернуться с сообщением об этом в Венецию, а другой — отправиться в Азов и, сохраняя при себе грамоту, ожидать там или прибытия полномочных послов, или иного распоряжения правительства[7].

28 апреля 1344 г. в Венеции было получено сообщение из Азова от посланников. Они писали, что встретились с Джанибеком, ханшей-матерью Тайдулой и ордынскими князьями и обсудили с ними все вопросы, порученные им правительством дожа. Теперь очередь за великим венецианским посольством, почва для которого

подготовлена. Сенат тут же выделил и направил в Азов специального гонца, которому вменялось в обязанность поджидать на месте полномочных послов, чтобы вручить им ханскую проезжую грамоту. Весь май 1344 г. ушел на подбор послов (ими стали Марко Рудзини и Джованни Стено), снабжение их подробными инструкциями, выделение для них необходимого сопровождения и двух особых галер[8].

А между тем традиционный торговый соперник Венеции Генуя, пытаясь опередить конкурента в деле восстановления торгового могущества на Черном море, спешно налаживала контакты с Ордой. Прекрасно осведомленный в делах Венеции генуэзский дож Симоне Бокканигро (1339–1344) опасался, что Андреа Дандоло обойдет его, первым урегулирует отношения с Ордой и получит от Джанибека вожделенную жалованную грамоту. В начале июня 1344 г. в Венецию прибыл посол Генуи Коррадо Цигала, предложивший венецианскому правительству «посовещаться о средствах к получению мира и спокойствия от названного хана (Джанибека), дабы и впредь в его владениях как венецианцы, так и генуэзцы могли торговать и вести дела по прежнему порядку»[9].

18 июня 1344 г. полномочный представитель Венеции Марко Лоредан и Коррадо Цигала для разрешения дела об убытках, нанесенных лицам и имуществам венецианской и генуэзской общин, а также для организации совместного посольства к Джанибеку с целью взыскания с него убытков, понесенных обеими общинами, подписали статьи о взаимном союзе. Суть этих статей заключалась в следующем. Назначенные послами от Венеции Марко Рудзини и Джованни Стено пойдут в Кафу и там соединятся с двумя послами от Генуи. Дождавшись ханских проезжих грамот, совместное посольство направится в ставку Джанибека. Главная их задача — требовать от хана освобождения и выкупа лиц, находящихся в ордынском плену, а также возвращения товаров, личных вещей и другой собственности, похищенной у купцов Венеции и Генуи. Если не удастся получить все требуемое, то оставшееся у ордынцев имущество надлежит выкупить в соответствии с торговыми обычаями. В Орде послы постараются утвердить между ними и ханом «мир, любовь и доброе согласие». Венецианско-генуэзский союз должен продолжаться год, от 1 июля 1344 г. до 1 июля 1345 г. По истече-

нии этого срока договаривающиеся стороны будут свободны «касательно взаимных их отношений». Если оба генуэзских посла, уже находящихся в Орде, получат доступ к хану и вступят с ним в переговоры, а пребывающие в Кафе генуэзские начальники узнают, что в результате этих переговоров надлежащих условий с ордынцами не заключено, то они должны немедленно сообщить послам в Орде о заключенном между Венецией и Генуей союзе, прекращении дальнейших переговоров с ханом и «удержании себя от всякого частного ходатайства, несогласованного с определением союзного акта». Если переговоры с ханом хоть и не достигли еще удовлетворительного завершения, но доведены уже генуэзскими послами до такой стадии, что прекратить их невозможно, то названным послам предоставляется право довершить свое дело, невзирая на заключенный ныне союз с Венецией. В последнем случае, когда прибывшие в Кафу венецианские послы узнают о генуэзско-ордынском соглашении, им предоставляется право вступить в сношения с Джанибеком «для исходатайствования от него тех условий, которые покажутся им самыми выгодными для общины венецианской». Генуэзцы же обязуются словом и делом помогать венециано-ордынским переговорам. Уполномоченные обеих сторон клянутся на протяжении времени заключенного союза воздерживаться от торговли во владениях хана и от вступления с Джанибеком в какие бы то ни было сепаратные сделки[10].

Заключенный союз вылился в очередную дипломатическую победу Генуи. Под видом совместных действий, направленных к «получению мира и спокойствия» от Джанибека, генуэзцы установили надежный контроль за венецианскими послами в Кафе и полностью сковали их инициативу. Сами же они продолжали добиваться отдельного соглашения с Ордой и скрытно от Венеции торговать в ханских владениях. Потеряв, как и венецианцы, свою часть Азова, они многократно усилили позиции в главной торговой фактории Генуи в Северном Причерноморье — Кафе.

Венецианская сторона очень скоро убедилась в своем просчете. Уже в ноябре 1344 г. об этом известил венецианский сенат посол Джованни Стено, прочно застрявший в Кафе[11]. С января 1345 г. венецианский посол в Генуе Николо да Фраганеско неоднократно информировал генуэзского дожа Джованни ди Мурта о том, что

некоторые из пребывающих в Кафе генуэзских купцов вопреки условиям союза торгуют с ордынцами как в Кафе, так и во владениях Джанибека, причиняя тем самым вред обеим сторонам и подавая венецианцам «пагубный пример». Посол был задержан в Генуе, а в Венецию генуэзским дожем отправлено письмо, датированное 19 февраля 1345 г. Относительно венецианского запроса в нем сообщалось, что нарушения союза были сделаны вопреки указу дожа. К генуэзским поверенным в Кафу высылается приказание разыскать нарушителей и поступить с ними сурово, чтобы и другим не было повадно. «Все прочее, относящееся до союза нашего, сохранится нерушимо»[12].

На деле же союз этот никогда не был прочным. Весной 1345 г. венецианская сторона тайно продолжала налаживать связи с Азовом. Для управления азовской факторией в мае были назначены трое венецианских граждан[13]. Годичный срок союза истекал 1 июля 1345 г., когда стороны формально освобождаются от взаимных обязательств. Однако, видимо, еще в июне 1345 г., когда венецианские послы не успели покинуть Кафу, город осадило большое ордынское войско под командованием Могулбуги, не скрывавшего своего намерения овладеть главным оплотом генуэзцев в Северном Причерноморье[14]. Это был тот самый Могулбуга, который выступал в качестве одного из восьмерых ордынских князей — ходатаев перед Джанибеком за выдачу венецианским купцам Азова ярлыка от 1342 г.[15] Тревожное сообщение послов из Кафы достигло Венеции не позднее 19 июля 1345 г. Перед лицом общей угрозы венецианцам вновь пришлось объединяться с генуэзцами.

Уже 22 июля 1345 г. полномочные представители Венеции и Генуи (с одной стороны — Марко Дандоло и Раффаэл де Каредзини, а с другой — Бенедетто Фенамори и Коррадо ди Креденция) подписали в Венеции новый временный союз, который должен был продолжаться от 21 июля 1345 г. до конца марта 1346 г. Сторонам предписывалось «отдельно не совершать и не позволять совершения какого-либо условия и договора с Джанибеком или его сановниками или чиновниками второстепенными или даже с его наследником, в случае его (хана. — *А. Г., В. Г.*) смерти». Ни одна из сторон не может ходить со своими товарами «на кораблях или без оных» в какие-либо города и области, подвластные Джанибеку. Считать

доступными для обеих сторон только Кафу. Ни под каким предлогом нельзя плавать или ходить, как прямо, так и окружными путями, на Восток — в Азов или другие места, подвластные Джанибеку; нельзя торговать там или позволять другим делать это. «В знак величайшей любви и расположения к венецианцам» генуэзские уполномоченные согласились на то, чтобы в продолжение союза с товаров и вещей, привозимых в Кафу, венецианцы не платили никаких налогов и сборов.

В качестве инструментов, которые способствовали бы проведению в жизнь условий союза, уполномоченные, в частности, приняли следующие положения. Венеция избирает и посылает в Кафу одного своего консула, который ведал бы там управлением венецианцев и разрешением денежных и гражданских споров между ними. Дабы венецианские купцы жили в Кафе на равных правах с генуэзцами, «не отягчаясь излишними и несправедливыми издержками» за дома и магазины, которые они будут снимать у жителей Кафы, генуэзскому и венецианскому консулам необходимо избрать двух честных купцов, по одному от сторон, чтобы они оценивали эти дома и магазины, а владельцы их взыскивали именно ту цену, «а никак не более»[16].

И в этом случае инициатором временного соглашения и стороной, больше выигравшей от его заключения, являлась Генуя. Как явствует из протокола венецианского сената от 14 ноября 1345 г., одним из факторов, ускоривших подписание венециано-генуэзского союза, была политическая ситуация, сложившаяся к тому времени в Орде. Венецианский посланец в Азове доносил на родину, что на заключение отдельного договора с Джанибеком нет ни малейшей надежды[17].

Каким образом разрешился конфликт с Могулбугой, имевший место в Кафе летом 1345 г., нам неизвестно. Скорее всего, скрепленные новым союзом, Венеция и Генуя не пошли на военное противостояние с Ордой, а просто откупились от опасного соседа.

До конца марта 1346 г. Венеция и Генуя официально придерживались общего политического курса в отношении Орды, положения которого были обозначены выше. А затем наступило время, не получившее никакого отражения в итальянских официальных источниках. Тогда, говоря словами русских летописей, «бысть казнь от

бога на люди под восточною страною в Орде и в Орначи, и в Сараи, и в Бездеже, и в прочих градех и странах бысть мор велик на люди, на бесермены и на татары, и на армены, и на обезы, и на жиды, и на фрязы, и на черкасы, и на прочая человеки, тамо живущая в них. Толь силен бысть мор в них, яко не бе мощно живым мертвых погребати»[18]. То была страшная эпидемия «черной смерти» — чумы 1346–1353 гг., поразившей и обезлюдившей затем многие страны и народы. «Великим мором» прошла она по Византии, арабским странам и Северной Африке[19]. Итальянские торговые корабли завезли ее от побережья Крыма в Италию, Францию, Германию и Англию. В 1349 г. чума появилась в Скандинавских странах, оттуда перешла в Новгород и Псков, в 1352 г. оставила в живых едва лишь треть населения Северной России, а весной 1353 г. унесла жизни великого князя владимирского Семена Ивановича (1340–1353), двух его сыновей и общерусского митрополита Феогноста (1328–1353)[20]. Чем объяснить полное умолчание об этих трагических событиях в итальянских документах? Видимо, тем, что тогдашние политические деятели Венеции и Генуи сознательно наложили вето на всякую официальную информацию о «черной смерти». Ведь экипажи именно их торговых кораблей явились невольными переносчиками и распространителями пандемии.

Достоверно известно лишь то, что и в 1346–1347 гг. генуэзцы и венецианцы не оставляли попыток договориться с правительством Джанибека и получить от него хоть какое-то возмещение за потери, понесенные в 1343 г., и новые торговые привилегии, оформленные в виде соответствующего ярлыка. В протоколе венецианского сената от 19 июня 1347 г. сообщается о заключении соглашения между Джанибеком и генуэзцами как о свершившемся факте. Выражается надежда на то, что поездка венецианских представителей в Азов и их переговоры с ханом могут пройти столь же плодотворно. Для этого предписывается избрать полномочных послов (в примечании к документу сказано, что были избраны Марко Рудзини и Джованни Стено), которые могли бы начать непосредственные переговоры с Джанибеком. Предварительно следовало известить о предстоящем посольстве венецианского байло в Константинополе, который отобрал бы специального гонца. Последнему вменялось в обязанность поспешить в ставку Джанибека с сообщением о посоль-

стве и просьбой о выдаче на него проезжей грамоты: С этой грамотой гонцу следовало прибыть в Азов и ждать там прибытия послов.

Получив проезжую грамоту, венецианским послам предстояло отправиться в ставку Джанибека. На приеме у хана им нужно было высказать сожаление по поводу того, что некогда произошло в Азове, и надежду на восстановление добрых отношений между странами. Главные моменты, на которых послы должны будут непременно настаивать, восстановление торговых привилегий и возвращение задержанных в свое время венецианских купцов и их товаров. В случае благоприятного решения всех проблем послам предлагалось ходатайствовать перед ханом о предоставлении венецианской стороне еще и других, кроме Азова, мест для размещения их торговых представительств, например Воспоро (Керчь) или иных. В качестве дара Джанибеку нужно было поднести 2 тыс. золотых дукатов[21]. Специальным постановлением от 23 июня 1347 г. сенат определил послам в Орду денежное содержание[22].

Как на практике складывались взаимоотношения между обеими сторонами вплоть до выдачи венецианским купцам Азова ярлыка Джанибека в декабре 1347 г., мы не знаем. Из протокола венецианского сената от 1 сентября 1347 г. известно, что между Венецией и Генуей велись переговоры о торговом транзите через Кафу в Азов[23]. Надо полагать, что венецианское посольство в Орду, которая еще не оправилась от страшного мора, было сопряжено со многими трудностями и смертельной опасностью. Не случайно, конечно, и ханская ставка, где был выдан ярлык, в то время располагалась не вблизи Азова, а в Среднем Поволжье — Гюлистане.

Начинаем анализ текста итальянского перевода ярлыка Джанибека от 1347 г.[24] Методика приступа к реконструкции содержания его восточного прототипа остается неизменной. Для этого критический текст итальянского перевода ярлыка попытаемся расчленить, насколько это возможно при первом его рассмотрении, на части, соответствующие статьям предварительно разработанного формуляра золотоордынских жалованных грамот[25]. Затем приступим к последовательной реконструкции содержания каждой части, отдельного его оборота или части оборота — элемента.

Перед первой же фразой перевода останавливаемся в недоуме-

нии: In nomine Domini et Maomethi, profete Tartarorum. — «Во имя бога и Магомета, пророка татар».

Ярлык Джанибека был переведен на венецианский диалект итальянского языка, и только эта начальная фраза написана на латинском языке. Ее содержание невольно вызывает мысль о том, что итальянский переводчик кратко изложил здесь по-латыни две, знакомые ему понаслышке, арабские коранические формулы (Бисми-ллāхи-р-раḥмани-р-раḥӣм. Лā илāха иллаллāху, Муḥаммадун расӯлу-ллāхи. — «Во имя аллаха милостивого, милосердного. Нет божества, кроме аллаха, Мухаммед — посланник аллаха»), слив их при этом воедино. Поскольку прославление бога и Мухаммеда традиционно осуществлялось только на арабском языке, а в письменном виде — лишь буквами арабского алфавита, переводчик специально выделил начальную фразу ярлыка, написав ее по-латыни. Иными словами, перед нами — статья *богословие* формуляра золотоордынских ярлыков.

Такой вывод, вроде бы логически безупречный, не выдерживает критики при внимательном рассмотрении традиционного содержания статьи *богословие* не только в золотоордынских, но и вообще в чингисидских жалованных грамотах. Дело в том, что статья *богословие* действительно могла присутствовать и даже, как правило, имела место в чингисидских жалованных грамотах арабского письма. Однако анализ содержания названной статьи, сохранившейся в ярлыках джучидов и хулагуидов, а также в соответствующих документах представителей родственных или претендующих на преемственность династий — джалаиридов, тимуридов, правителей Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу, неопровержимо свидетельствует в пользу мнения о том, что вышеприведенные арабские коранические формулы в названную статью никогда не включались[26]. Добавим к сказанному, что первая из вышеприведенных коранических формул, называемая басмалой, в начале XIV в. широко употреблялась в арабоязычных посланиях мамлюкских правителей Египта и тунисских беев к венецианскому дожу. Формула эта во всех случаях единообразно переводилась на латынь словами: «In nomine Dei pii et misericordis»[27]. Следовательно, нужно искать другое объяснение латинской строке в итальянском переводе ярлыка Джанибека.

Такое объяснение попытаемся найти в арабской модификации

мотивировки, которая находилась при указе в формулярах ярлыков Узбека и Джанибека[28]. Первым оборотом статьи *обращение* в названных ярлыках был *мотивированный указ*. Элемент *мотивировка* этого оборота в переводе на русский язык как с монгольского, так и с тюркского языков гласил: «Предвечного бога силою, великого гения-хранителя покровительством».

Для арабов-мусульман по отношению к богу предпочтительнее был эпитет «всевышний». Что касается покровительства обожествленного Чингис-хана, «великого гения-хранителя» рода чингисидов, то это выражение для мусульман-единобожцев было в принципе неприемлемым. В результате вышеприведенная монгольская формула в документах, написанных по-арабски, трансформировалась следующим образом: Би-ḳуввати ллāхи таʿāлā ва-майāминил-миллати-л-муḥаммадиййа. — «Всевышнего бога силою и мухаммеданской веры благоденствием». Об этом сообщает арабский автор XIV в. Таки ад-дин ал-Мухибби[29]. Современный ему персидский историк Абулфадл Рашидаддин приводит ту же арабскую формулу при публикации персидских текстов хулагуидских жалованных грамот[30]. Отсюда можно заключить, что и в золотоордынских ярлыках, написанных буквами арабского алфавита по-тюркски, вышеприведенная формула на арабском языке могла иметь место.

В таком случае следующая за ней в ярлыке Джанибека итальянская фраза la parola de Zanibech («Джанибека слово») является окончанием оборота *мотивированный указ* статьи *обращение* формуляра этого ярлыка. Русская передача содержания такого рода фразы, написанной по-тюркски, обычно выражалась словами «мой, Джанибека, указ». В итальянском переводе ярлыка притяжательное местоимение «мой» не нашло отражения. Почему? Все вопросы снимаются, если допустить, что данный оборот был изначально написан не по-тюркски арабским алфавитом, а по-монгольски уйгурицей. Только переводился он на итальянский язык не прямо, а через посредство арабского языка. Ведь именно при Джанибеке, как сообщал арабоязычный автор XIV в. ал-Омари, мамлюкские правители Египта вели переписку с ордынскими ханами главным образом по-монгольски, для чего при дворе имелись специальные чиновники[31]. Венецианцы, к тому времени уже десятки лет поддерживавшие связи с мамлюками, могли воспользоваться не только

тюркоязычными, но и арабоязычными переводчиками с монгольского. Монгольский элемент *мотивировка* был искажен в итальянской передаче текста нашего ярлыка по типу известных арабских искажений, а в элементе *указ* отсутствовало монгольское притяжательное местоимение «наш» потому, что так принято было писать элементы оборота *мотивированный указ* по-арабски[32].

Изначально оборот был начертан уйгурицей по-монгольски. Его содержание можно выразить следующим образом: «Предвечного бога силою, великого гения-хранителя покровительством, наш, Джанибека, указ».

Теперь вспомним, что в латинских переводах ярлыков Узбека и Джанибека оба элемента рассмотренного оборота еще ближе отражали их монгольский прототип. При слове «указ» в обоих случаях там было представлено притяжательное местоимение «наш»[33]. Остается допустить, что и те ярлыки вначале были написаны уйгурицей по-монгольски, а на латынь они переводились через посредство тюркского языка. Иными словами, мы возвращаемся к своему прежнему утверждению о том, что официальным языком канцелярий ордынских ханов и в XIV в. оставался монгольский язык[34].

Итальянский текст *адресата*, второго оборота статьи *обращение*, гласит: Allo puouolo di Mogoli, alli baroni di Thomani de li miera, de li centeneri e de le dexiene manda comandando et a tutti quelli che se sotto la obedientia de Mogalbei, a tutti li baroni et rectori de citade et a tutti etiamdio li comercleri et a tutti li messadegi, che ua et che uien in tutti li seruisij e luoghi, che li ua ouer la che li andasse, et a sa zente et a tutti uniuersalmentre. — «К народу монголов, к баронам тюменов, тысяч, сотен и десятков возвещающее повеление, и ко всем тем, которые повинуются Могалбею, ко всем баронам и правителям крепостей, и ко всем также сборщикам коммеркия, и ко всем послам, которые идут и которые направляются во все службы и места, в которые их отправляют, или туда, где им положено быть, и к их людям, и ко всем вообще».

Реконструируем содержание адресата по составляющим его элементам.

Элемент «к народу монголов» равнозначен элементу «татарским улусным» в адресате жалованной грамоты Тайдулы от 1351 г.[35] В нем мы усматриваем официальное название Золотой Орды, кото-

рое в сохранившихся оригинальных текстах позднейших ордынских и крымскоханских ярлыков стояло в родительном падеже — «Монгольского государства»[36]. В латинских переводах ярлыков Узбека и Джанибека этот элемент отсутствовал. Полагая, что переводчики просто не считали нужным передавать по-латыни этот элемент, мы в обоих случаях включали его в свою реконструкцию содержания названных ярлыков[37]. Только теперь можно воочию убедиться в нашей правоте. Оказывается, итальянцы, в отличие от современных им русских переводчиков, неверно воспринимали интересующий нас элемент как обращение к «монгольскому народу» и «сокращали» его, чтобы лишний раз не повторяться при передаче на латынь однозначного элемента в конце оборота.

Элемент «к баронам тюменов, тысяч, сотен и десятков возвещающее повеление, и ко всем тем, которые повинуются Могалбею», дает полный перечень чинов ордынской армии и называет имя улугбека (или беглербека), командовавшего феодально-родовым ополчением и возглавлявшего ордынское правительство. При передаче на латинский язык текстов ярлыков Узбека и Джанибека переводчики называли в адресате только имя улугбека, а перечисления ордынских чинов опускали за ненадобностью. В обоих случаях мы включали это перечисление в реконструкцию содержания ярлыков[38]. Итальянский перевод ярлыка Джанибека подтверждает правильность нашей реконструкции. В имени Могалбей усматривается уже знакомое нам имя улугбека Могулбуги, осаждавшего Кафу летом 1345 г. Конечно, Могулбуга, будучи улугбеком, командовал всеми подразделениями ордынского войска. Однако из сохранившихся подлинных текстов ордынских и крымскоханских ярлыков XIV–XVI вв. мы знаем, что формально улугбек приходился непосредственным начальником только князьям тюменов[39]. Это обстоятельство следует подчеркнуть и в нашей реконструкции содержания элемента.

Монгольский термин, зафиксированный в итальянском переводе ярлыка Джанибека в форме Thomani, произносится по-тюркски «тюмен» и означает число 10 000. Тот же термин звучал по-русски «тьма». Отсюда производится слово «темник», т. е. начальник над десятью тысячами воинов. Так в нашей реконструкции содержания латинских переводов ярлыков Узбека и Джанибека появились

«князья тем». При такой интерпретации термина как-то смазывалось его второе значение. В Золотой Орде тюмен означал еще самую крупную военно-административную единицу, с территории которой предписывалось выставлять 10 тыс. воинов. Во главе тюмена стоял все тот же родовой князь-темник. Уцелел подлинный ярлык Токтамыша от 1381 г., согласно тексту которого повеление хана распространялось не на все государство, а лишь на земли Крымского тюмена[40]. В интересах сохранения многозначности термина следует оставить его в нашей реконструкции содержания элемента в форме «князья тюменов» и соответственно исправить прежнюю реконструкцию содержания латинских переводов ярлыков Узбека и Джанибека.

Чрезвычайно интересны в итальянском переводе элемента слова manda comandando «возвещающее повеление». Дело в том, что они представляют собой точный перевод формулы, которая встречалась в концовке адресата монгольских жалованных грамот великих ханов XIII–XIV вв., написанных по-монгольски. В свое время мы передавали содержание этой формулы словами «к совершенному постижению ярлык»[41]. В XIX в. А. А. Бобровников переводил ее как «ярлык, провозглашаемый», в 1941 г. Н. Н. Поппе — «указ, обращаемый»[42]. Теперь мы считаем, что применительно к русской форме передачи содержания формулы в золотоордынском ярлыке более подходит именно «возвещающее повеление», где второе слово еще точнее было бы передавать как официальное название всего документа — «ярлык». Тогда слова «возвещающее ярлык», которые в монгольских жалованных грамотах венчали оборот *адресат*, обретают свое подлинное значение элемента, связующего в статье *обращение* обороты *мотивированный указ* и *адресат*. В таком случае термин «слово» в мотивированном указе ярлыка Джанибека уже не нуждается в переосмыслении на «указ», ибо в сочетании «слово, возвещающее ярлык», он сохраняет свой исходный смысл. Естественно, что тогда трактовка подобного сочетания в монгольских жалованных грамотах великих ханов изменится на «повеление, возвещающее ярлык».

Итак, содержание слов «возвещающее повеление» в составе оборота *адресат* итальянского перевода ярлыка Джанибека реконструируется нами как «возвещающее ярлык». Эти слова составляли

смысловую связку между оборотами *мотивированный указ* и *адресат*, хотя традиционно они и располагались в самом конце статьи *обращение* монгольских ярлыков. В русском переводе логичнее будет поставить этот элемент перед оборотом *адресат*.

Присутствовал ли названный элемент в латинских переводах ярлыков Узбека и Джанибека с их тюркских переводов? В них он так же четко, как и в итальянском переводе, не просматривается. Причину этому явлению мы видим в том, что к середине XIV в. уже существовал устоявшийся тюркский формуляр чингисидских актов, который данного элемента не включал. Именно нетюркский перевод с подлинного монгольского текста открыл перед нами возможность пересмотра прежних представлений о языке оригиналов ярлыков Узбека и Джанибека.

Попытаемся уточнить свое же выражение «нетюркский перевод» с подлинника второго ярлыка Джанибека. Мы уже пришли к однозначному выводу о том, что монгольская мотивировка при указе в этом ярлыке была переведена на арабский язык. Собственно *указ* был, конечно, написан буквами арабского алфавита, но не обязательно по-арабски, ибо персидские переводы элемента *указ* с монгольского языка так же, как и арабские, не содержали притяжательного местоимения «наш». Вспомним, что итальянский переводчик переложил на латынь только мотивировку, а собственно *указ* и весь остальной текст ярлыка он перевел на венецианский диалект итальянского языка. В этом обстоятельстве мы усматриваем прямое указание на то, что этот остальной текст был переложен с оригинала не на арабский, а на персидский язык-посредник.

Начальные элементы оборота *адресат* о войсковых начальниках в монгольских жалованных грамотах великих ханов писались предельно лаконично: «войска князьям, войсковым людям»[43]. В русском переводе ярлыка Менгу-Тимура от 1267 г. оставлены вообще только «полъчные князи»[44]. Это обстоятельство не исключает возможности развития элемента в сторону детализации ордынских войсковых подразделений в позднейших ордынских ярлыках. Пример тому мы находим в русском переводе проезжей грамоты Тайдулы от 1354 г.[45] Наблюдается такая детализация и в чингисидских документах других регионов. Дошедшая до нас в виде нескольких фрагментов жалованная грамота ильхана Абусаида от 1320 г. на-

писана уйгурицей на монгольском языке. В обрывке ее *адресата* читается обращение к князьям сотен[46].

Прежде чем перейти к анализу оставшихся элементов *адресата* статьи *обращение*, вспомним о том, что в реконструкцию содержания этой статьи в латинских переводах ярлыков Узбека и Джанибека мы безаппеляционно включили в качестве второго элемента оборота *адресат* слова «правого и левого крыла огланам»[47]. Действительно, этот элемент присутствовал в адресате ярлыка Тимур-Кутлука от 1398 г., созданного по-тюркски буквами уйгурского алфавита[48]. Однако мы не находим и следа от него ни в итальянском переводе ярлыка Джанибека, ни в русских переводах ордынских жалованных грамот русскому духовенству, которые имели в своей первооснове монгольские тексты. Так что нет основания переносить этот элемент в реконструкцию содержания анализируемого перевода ярлыка Джанибека. Следует также исключить его из реконструкции содержания латинских переводов ярлыков Узбека и Джанибека.

Элемент «ко всем баронам и правителям крепостей» точнее отражает официальный текст ярлыка, чем латинские переводы ярлыков Узбека и Джанибека. В еще более точном русском переводе ярлыка Менгу-Тимура тот же элемент выражен словами «баскаком и князем», где термин «баскак» является тюркским эквивалентом монгольского термина «даруга»[49]. Союз «и» итальянского и русского переводов, соединяющий обозначение правителя города — даруги со словом «князь», отражал лежавший в первооснове именно монгольский текст ярлыка, ибо в парном термине монгольских жалованных грамот «даругам-князьям» оба составлявших его слова имели оформленные падежные окончания[50], которые и вводили в заблуждение переводчиков, принимавших каждое слово за самостоятельный термин. В оригинальных тюркских текстах ярлыков слово «даруга» в том же парном термине не имело падежного окончания[51]. Следовательно, в реконструкции содержания элемента мы оставляем найденный парный термин в дательном падеже — «даругам-князьям». Имел ли он какое-либо дополнение? Во всех подлинных монгольских текстах ярлыков, на которые мы выше ссылались, термин имел дополнение «городов». Значит, реконструированное содержание элемента в ярлыке Джанибека, как и в яр-

лыке Менгу-Тимура, можно выразить словами «даругам-князьям городов».

Видимо, человек, перелагавший монгольский текст ярлыка Узбека на тюркский язык, также принял «даруг-князей» за отдельных лиц, соединив их в своем переводе союзом «и». Это, в свою очередь, привело к тому, что венецианский переводчик растолковал интересующий нас элемент по-латыни в форме «особенно к Мухаммед-ходже и старшим Таны»[52]. Конечно, переводчик знал имя даруги Азова. Поэтому он и написал «особенно к Мухаммед-ходже». Общеизвестно и то, что именно князья являлись главными начальниками в Орде. Естественно, что в Азове они были «старшими Таны». Таким же образом поступил венецианский переводчик на латынь ярлыка Джанибека, который интерпретировал изначально монгольское обращение словами «особенно Зиху господину, а также всем вождям в городе Тана»[53]. Перелагая тюркские тексты названных ярлыков на латынь, переводчики дополняли их известными им реалиями, видимо, после консультаций с руководителями своих посольств. Эти дополнения, заключавшие в себе личные имена непосредственных исполнителей ханского повеления и точные обозначения места действия, конкретизировали устойчивые формулы изначальных монгольских текстов ярлыков. Сказанное позволяет заменить нашу прежнюю реконструкцию содержания элемента в латинских переводах ярлыков Узбека и Джанибека на единообразную формулу «даругам-князьям городов».

Тут же возникает вопрос: как поступать с совершенно уникальными данными конкретных уточнений, которые содержатся только в синхронных письменных источниках — последующих переводах с монгольских жалованных грамот? Ответ здесь может быть только один: мы ни в коем случае не можем пренебрегать этими уточнениями. Мы обязаны использовать их во всякого рода исторических построениях, не забывая при этом, что в изначальных текстах ярлыков этих уточнений не было.

Итальянскому переводу элемента «и ко всем также сборщикам коммеркия» соответствует в латинском переводе ярлыка Джанибека фраза «сборщикам коммеркия, а также тартанака»[54]. И в данном случае мы реконструируем содержание элемента словами «таможникам и весовщикам».

Элементы «и ко всем послам, которые идут и которые направляются во все службы и места, в которые их отправляют, или туда, где им положено быть, и к их людям» слиты переводчиком в нераздельный смысловой комплекс. Им соответствуют два элемента монгольских жалованных грамот, которые мы назвали «проезжие послы» и «многие люди». Соответственно, определению «проезжие» в монгольском тексте соответствовали два слова — «странствующие» и «ходящие»[55]. Так что элементу «проезжим послам» отвечают в итальянском переводе слова «и ко всем послам, которые идут и которые направляются». Тогда на элемент «многие люди» остаются слова «во все службы и места, в которые их отправляют, или туда, где им положено быть, и к их людям». Этот элемент в полной форме «многим людям, идущим по какому-нибудь делу» в свое время был реконструирован нами на основании тюркских текстов середины XV в.[56] Монгольские соответствия фрагменту «идущих по какому-нибудь делу» до сих пор не обнаружены. Полагаем, что их и не было. Реконструируем анализируемый элемент в итальянском переводе ярлыка Джанибека и латинских переводах ярлыков Узбека и Джанибека словами «многим людям».

Элемент «и ко всем вообще» в монгольских и тюркских текстах ярлыков выражался одним словом — «всем».

Итак, реконструкция содержания статьи *обращение* представляется нам в следующем виде: «Предвечного бога силою, великого гения-хранителя покровительством, наше, Джанибека, слово, возвещающее ярлык Монгольского государства князьям тюменов, под началом с Могулбугой, тысяч, сотен и десятков, даругам-князьям городов, таможникам и весовщикам, проезжим послам, многим людям, всем».

Вторая статья ярлыка Джанибека — *объявление о пожаловании* — состояла из оборота *прецедент пожалования* и собственно *объявления о пожаловании*. Поскольку этот ярлык является уже вторичным подтверждением ярлыка Узбека, то в нем, предположительно, должны присутствовать два оборота *прецедент пожалования*, как, например, мы наблюдали это в ярлыке Улуг-Мухаммеда от 1420 г.[57]

Первый оборот *прецедент пожалования* гласил: Li Venitiani Franchi manda requirando allo imperador grande Usbeccho — a chi Dio

faza passie all' anema — a li nostri Franchi Venitiani sia dado luogho diuiso da quello de Zenoessi, da poder far le suo merchadantie; e uendando e fazando la soa mercadantia debia paghar III pro C: fata fo gratia et dadoli comandamento e payssan. — «Венецианские франки обратились с запросом к великому императору Узбеку (душе которого да ниспошлет господь прощение!): "Нашим венецианским франкам пусть будет дано место, отдельное от такового же генуэзцев, для того чтобы они могли производить (там) свою торговлю и, производя свою куплю-продажу, они должны выплачивать три с сотни". Сделано было им пожалование и выданы повеление и пайцза».

Реконструируя содержание оборотов ярлыка, не будем увлекаться жесткой подгонкой их под принятую в ярлыках форму, чем мы иногда грешили при реконструкции содержания латинских переводов ярлыков Узбека и Джанибека. Поскольку оригинальные тексты ранних ордынских ярлыков не сохранились, как раз форма их нам менее всего известна. Руководствуясь также соображениями, изложенными при реконструкции содержания данного оборота в первом ярлыке Джанибека[58], предлагаем нашу интерпретацию итальянского перевода оборота в таком виде: «Некогда венецианцы обратились к покойному отцу нашему, великому хану Узбеку, с просьбой предоставить их купцам в качестве пожалования отдельное от генуэзцев место в Азове для производства торговли, за которую они должны будут выплачивать хану 3%-ный торговый налог. Они получили на это пожалование, ярлык и пайцзу».

Отметим титул «великий император», данный Узбеку итальянским переводчиком. В начальном монгольском тексте великий хан, конечно, назывался «каган». Относительно речения, помещенного после имени Узбека, — «душе которого да ниспошлет господь прощение!», — можно сказать следующее. В средневековых арабских мусульманских эпитафиях после личного имени покойного употреблялась формула «усопший и прощенный, да осветит господь могилу его!»[59]. Видимо, так же переводчик-мусульманин вполне правомерно отозвался о покойном хане-мусульманине Узбеке. В итальянских эпитафиях XIV в. были приняты латинские формулы типа «душа которого да упокоится в мире»[60]. Примерно то же выразил переводчик ярлыка с арабского на итальянский. А в оригинальном

монгольском тексте ярлыка определение «покойный» («саин») стояло перед именем Узбека. Передавая такой же термин на тюркский язык-посредник в ярлыке Мухаммеда Бюлека от 1379 г., переводчик более точно, чем в нашем случае, заменил его арабским словом «азиз»[61].

За первым в ярлыке Джанибека следовал второй оборот *прецедент пожалования*: Et ancora a Zanibech imperador per simele a domandado gratia segundo lo primo comandamento, dagando lo comandamento ello payssan. — «И еще, у императора Джанибека они испросили пожалование, подобное первому повелению, с выдачей повеления и пайцзы».

Этот второй *прецедент пожалования*, лаконично передающий содержание такового же в первоисточнике, не нуждается в дополнительном комментарии. Конечно, в итальянском переводе он был сокращен, а в оригинале не содержал имени Джанибека. Реконструируем его содержание так: «Затем они обратились к нам с прошением о пожаловании, повторяющем условия предыдущего, и получили за то наши ярлык и пайцзу».

Затем следует текст своеобразной исторической справки, объясняющей причину прекращения действия первого ярлыка Джанибека и повторного обращения к хану правительства Венеции с просьбой о выдаче новой жалованной грамоты: Da puo intro da nuy per un rio homo lo qual fe mal lo imperador se coroza, et perzo li mercadanti stete pluxor anni de uegnir; la signoria dagando a sauer a miser lo imperador hauer spauentado quel rio homo, e mo li Franchi Veniciani domanda gratia e proferta de hauer terradego in la Tana segundo li primi comandamenti, chi se uolsi sia, non debia ali Franchi Veniciani far ne forza, ne oltrazo. E quelli uendando debia pagar cinque pro centenario. E del pesso se debia pagar segundo el tempo passado. — «А потом одного из них, злого человека, который поступил дурно, император наказал. И оттого торговцам несколько лет было запрещено приезжать. Синьория известила господина императора, что она устрашила того злого человека. И сейчас венецианские франки просят дать им пожалование и разрешение на аренду земли в Тане, сообразно первому повелению, в котором предписывалось бы: не должно по отношению к венецианским франкам применять ни силу, ни оскорбления. И эти последние, торгуя, должны выплачивать

пять с сотни. И за весы должны выплачивать сообразно прошлому времени».

Организуем текст исторической справки, который, конечно, был составлен от лица Джанибека, следующим образом: «Впоследствии один из венецианцев совершил злодеяние, в наказание за которое мы на несколько лет запретили их торговцам приезжать в Азов. В настоящее время правительство Венеции известило нас о том, что оно устрашило того злодея, и просит нас о новом пожаловании в аренду земли в Азове, руководствуясь условиями, изложенными в первом нашем ярлыке, с тем, чтобы по отношению к венецианским торговцам не применялись бы ни насилие, ни оскорбления. Со своей стороны они должны выплачивать нам 5%-ный торговый налог, а весовой сбор — сообразно с прежним обычаем».

Весь этот текст имеет непосредственное отношение к прецеденту пожалования. Он в какой-то мере проясняет ситуацию, сложившуюся в Азове к началу осени 1343 г., когда оскорбления и насилие по отношению к знатному венецианцу со стороны представителя ордынских властей Омера-ходжи послужили искрой, вызвавшей взрыв долго зревшего взаимного недовольства. Исключение из практики ордынцев насилия и оскорблений по отношению к венецианским купцам выдвигалось венецианской стороной на первое место в их обращении к Джанибеку. Чтобы покончить наконец с затянувшимся конфликтом, Венеция вынуждена была пойти на уплату хану не 3, а 5%-ного торгового налога. Весовой сбор сохранялся прежним. Однако, поскольку он собирался в половинном объеме от торгового налога, абсолютная величина его соответственно возрастала.

Теперь, казалось бы, следует перейти к обороту собственно *объявление о пожаловании*, но итальянский перевод ярлыка Джанибека представляет нам нечто иное: Sullo uiso del mar la parola nostra ual et hauemo forza. In zascadun porto donde chelli pellegrini e mercadanti Sarayni intrasse, dalli uostri nauilij e gallie, non li sia fato forza ne danno, ne al puouolo di Mogoli, ne alli casali da marina non sia fato danno. Et se per li Venitiani Franchi fosse fato danno, quellui che fesse el danno cum la uostra forza cerchando e trouando el daremo. E se nuy non lo poremo trouar, faremolo a sauer a miser lo imperador, per che lo fio non die portar pena per lo pare nec a conuerso, nelo frar grande

per lo pizolo. — «На поверхности моря слово наше действительно и имеет силу: При транспортировке грузов, когда сарацинские паломники и торговцы перевозятся на ваших навах и галеях, пусть им не чинятся насилие и ущерб. И по отношению к народу монголов и приморским селениям пусть не чинится ущерб. И если венецианскими франками будет причинен (им) ущерб, то того, кто причинил ущерб, следует вашими силами разыскать, захватить и выдать. И если они не смогут его захватить, то пусть дадут знать господину императору для того, чтобы ни сын не понес наказание за отца, а также и наоборот, ни старший брат за младшего».

Приведенный текст нуждается в корректировке и пояснениях. Под «сарацинскими паломниками и торговцами» подразумевались мусульмане широкого региона Золотой Орды, совершавшие паломничество-хадж в священные для них города Мекку и Медину, и сопровождавшие их купцы. Слово «сарацины» («саррацины») комментировалось прежде[62]. О торговых судах навах и галеях нам также приходилось писать[63]. «Народ монголов» — неправильно понятое итальянским переводчиком официальное название Золотой Орды — Монгольское государство.

В целом содержание этой вставки представляется нам в таком виде: «Наше, Джанибека, слово, сохраняющее силу и на море: Когда на ваших, венецианских, навах и галеях перевозятся мусульманские паломники и торговцы, пусть не причиняются им насилие и ущерб. Вам не следует причинять ущерб и по отношению к приморским селениям Монгольского государства. Если же кто-нибудь из венецианцев причинит ущерб нашим подданным, вы сами должны разыскать, захватить и выдать преступника нам. В случае, если вы не в состоянии его схватить, вам надлежит известить об этом нас, чтобы сын не понес наказание за отца, отец — за сына, а старший брат — за младшего».

Перед нами очень любопытная вставка, разрывающая текст статьи *объявление о пожаловании*. Весь ярлык Джанибека обращен к власть имущим в Золотой Орде и призван регламентировать обязанности и защитить права венецианских купцов Азова. Эта же вставка является отдельным указом Джанибека, обращенным к венецианским капитанам морских судов, которыми пользовались в своих целях и ордынские паломники, и купцы. Хан заявляет здесь

о неприкосновенности личности и имущества своих соотечественников на море и предостерегает венецианскую сторону от грабежей и насилий по отношению к населению ордынских приморских населенных пунктов. Преступников предписывается самим венецианцам выдавать на расправу ордынской стороне. В противном случае хан будет вынужден наказать кровных родственников злодея.

Видимо, анализируемый указ явился результатом обращения к Джанибеку с соответствующими жалобами на венецианцев мусульманских паломников, купцов и жителей приморских населенных пунктов Золотой Орды. Очень остроумно он был включен в жалованную грамоту самим венецианцам, оригинал которой они были обязаны постоянно хранить вместе с золотой пайцзой у венецианского консула Азова. Место в тексте ярлыка было выбрано также единственно возможное — непосредственно перед объявлением о пожаловании.

Наконец, итальянский перевод ярлыка предоставляет возможность ознакомиться с оборотом *объявление о пожаловании*: In la Tana fazando gratia et proferta lo imperador: chelli debia habitar dal bagno de Saffadyn in uer leuante per longheza passa C, et per largheza passa LXX in fina su la riua del flume. — «Император дает им пожалование в Тане и заявляет, что им надлежит проживать в пределах берега реки на восток от бани Сафадина в длину 100 пассов и в ширину 70 пассов».

Этот небольшой по объему оборот в сочетании с соответствующими разделами латинских переводов ярлыков Узбека и Джанибека дает в руки исследователя обширную и весьма ценную информацию о местоположении и размерах тогдашней венецианской фактории в Азове. Из ярлыка Узбека известно, что размеры пожалованного венецианцам осенью 1332 г. участка земли практически не оговаривались[64]. Участок находился на левом берегу южного рукава дельты Дона. На нижнем его рубеже, на холме, располагалась церковь госпитальеров. Конечно, как и полагается христианским храмам, она называлась именем богородицы или какого-нибудь святого. Однако в ханском ярлыке отмечалось лишь, что это была церковь, некогда построенная представителями военно-монашеского ордена госпитальеров, или иоаннитов. Возможно, уточнение о принадлежности храма госпитальерам было сделано уже переводчиком

ярлыка на латынь. Например, по условиям договора венецианцев Крита с Айдынским эмиратом Западной Анатолии, заключенного весной 1337 г. в Теолого, учреждалось консульское представительство венецианцев, которым предоставлялись находившаяся там церковь (название ее не указывалось) и территория для постройки жилья[65]. От церкви госпитальеров к северу шел уклон, который у донского берега превращался в настоящее болото. Линейные размеры северной границы участка, проходившей вдоль заболоченного берега, в ярлыке Узбека не назывались. Естественно, застройку территории жилыми домами венецианские купцы начинали с холма, где была церковь, а торговые склады и магазины сооружались ближе к берегу. Вероятно, жилой поселок венецианцев на юге их участка стабильно сохранялся в течение всего времени существования венецианской Таны.

Прошло 10 лет, и осенью 1342 г. венецианцы получили ярлык Джанибека, подтверждающий их право владения факторией в Азове. Берег Дона был уже благоустроен и обжит ими на всем протяжении пожалованного участка. Требовалось уточнить и закрепить его западную и восточную границы, что и было засвидетельствовано в ханском ярлыке[66]. За точку отсчета западного предела участка была принята мусульманская баня Бадр ад-дина, каменное здание которой находилось на берегу Дона. Мы полагаем, что в ярлыке Джанибека, полученном венецианцами через 5 лет, зимой 1347 г., то же самое сооружение названо баней Сафадина, т. е. Сафа ад-дина, возможно, сменившего Бадр ад-дина по праву наследования. Восточной границей в первом ярлыке Джанибека назван ров, отделявший венецианский квартал от еврейского. Во втором его ярлыке, предположительно, тот же самый восточный предел обозначен иначе. Длина береговой линии Дона с запада на восток в границах венецианского надела определена расстоянием в 100 пассов. Известно, что пасс — это шаг. Надо думать, что в изначальном монгольском тексте ярлыка означенное расстояние и определялось шагами. Однако у монголов, тюрок и арабов шаг не являлся четко фиксированной величиной. Его длина зависела от роста и возраста шагающего, а итальянский пасс составлял тогда 234,2 см[67]. Иными словами, венецианский надел в Азове с запада на восток тянулся на 234,2 м. Ширина участка определялась в 70 пассов, т. е.

164,94 м. Отсюда его площадь была примерно 38 395 кв. м, или около 4 га.

Реконструируем содержание оборота *объявление о пожаловании* такими словами: «Выслушав их прошение и признав его исполнимым, мы в соответствии с прежними пожалованиями объявляем нашим пожалованием им для проживания в Азове участок земли, расположенный вдоль берега реки Дон, на восток от бани Сафа ад-дина 100 шагов в длину и 70 шагов в ширину».

Оказывается, что на этом оборот не заканчивается. К нему в итальянском переводе есть дополнение, в котором называются имена официальных лиц, ответственных за наделение венецианских купцов обозначенным выше участком: Et Acoza comercler e Sichibey signor della Tana debia consignar el predicto terren. — «А сборщик коммеркия Акоза и правитель Таны Зихибей должны предоставить вышеозначенный участок земли».

Естественно, что именно начальник азовской таможни и правитель города являлись в Азове главными исполнителями ханской воли. Наверняка, в изначальном монгольском тексте ярлыка этого дополнения не содержалось. Однако венецианскому консулу Азова знать имена реальных ответственных за осуществление всех пунктов пожалования было жизненно важным. Этими людьми были в то время начальник таможни Акоза, т. е. Ак-ходжа, и даруга-князь Зихибей. Первое имя нам не знакомо, а во втором мы сразу узнаем Черкес-ходжу, зафиксированного даругой Азова еще в латинском переводе ярлыка Джанибека от 1342 г.[68] Теперь можно утверждать, что именно к Черкес-ходже направлялись в Азов с грамотами дожа венецианские посланники Райнерио и Барбафелла весной 1344 г. Итальянский перевод ярлыка Джанибека был прежде всего рабочим документом венецианской стороны. В реконструкцию содержания изначального текста ярлыка мы это дополнение не включаем.

Третья, самая крупная, статья формуляра ярлыка Джанибека — *условия пожалования* — состоит из многих оборотов, первый из них в итальянском переводе гласит: Fazando dretamentre mercadantia debia pagar V pro C et anchor si debia pagar lo pesso dretamentre segundo usanza prima. E selli non uende, li comercleri non li debia tuor niente. — «По справедливости производящие торговлю должны выплачивать пять с сотни. И еще они должны по справедливости

выплачивать весовой сбор согласно прежнему обычаю. А если они не торгуют, то сборщики коммеркия не должны взыскивать с них ничего».

Оборот в целом знаком нам из предыдущих ярлыков[69]. Новыми моментами в нем являются увеличение размера торгового налога от 3 до 5% и указание на то, что весовой сбор должен выплачиваться «по прежнему обычаю». Реконструируем его содержание так: «Отныне и впредь венецианские купцы, производящие в Азове законную торговлю, должны выплачивать нам 5%-ный торговый налог. Выплата ими весового сбора производится согласно прежнему обычаю. В случае, если торговля ими не производится, наши таможники не должны взыскивать с них ничего».

Второй оборот, гласивший: Li cari intrando et enxiando algun per algun modo non li possa impazar. E delli cari debia pagar el tartanacho segundo usanza prima. — «Въезду и выезду их повозок никоим образом нельзя препятствовать. И с их повозок надлежит выплачивать тартанако согласно прежнему обычаю», — встречался только в латинском переводе ярлыка Джанибека[70]. Новым в этом обороте является не очень четко выраженное ограничение права сухопутного передвижения венецианских купцов по территории страны. Речь здесь идет о въезде и выезде их повозок с товарами, видимо, только в Азов и из него. Кроме того, здесь подчеркивается, что с повозок взыскивается весовой сбор («тартанак») «согласно прежнему обычаю». О возможности чинить препятствия купцам в пути следования и досаждать им каким-либо образом в данном случае ничего не говорится.

Наша реконструкция содержания оборота: «Никоим образом нельзя препятствовать въезду и выезду их повозок с товарами в город и из него. С каждой повозки при этом взимается весовой сбор согласно прежнему обычаю». Подчеркиваем, что тартанак взимался не со взвешенного товара, а именно с груженой повозки как своеобразного мерила.

Третий оборот присутствовал в двух предыдущих ярлыках[71]: Delo arzento et orro, ne de orro fillado per li tempi passadi non se pagaua comerclo, ne mo non se debia pagar. — «С серебра и золота, а также с золотой канители в прошлом они не платили коммеркия; также и сейчас они не должны его платить».

Как видим, данный оборот повторяет редакцию первого ярлыка Джанибека: «Они исстари не платили торгового налога с золота, серебра и золотой канители; и ныне нисколько не должны платить».

Четвертый оборот, который также имел место в предыдущих ярлыках[72]: Delle cosse che se pessa cum lo canther, per lo comercler et per lo consolo se debia meter zuste persone li qual debia pessar zustamentre et pessando zustamentre, li debia pagar V pro C ella raxion del canter. — «С товара, который взвешивается при посредстве кантара, сборщиком коммеркия и консулом должны быть назначены честные люди, которые должны взвешивать честно и за честно взвешенное должно выплачивать пять с сотни и кантарную пропорцию», — заслуживает здесь особого внимания. Дело в том, что его содержанию в итальянском переводе ярлыка Джанибека отведена центральная часть специальной работы Иштвана Вашари[73].

По мнению И. Вашари, весь анализируемый оборот посвящен весовому сбору. Получалось, что именно весовщики (назначаемые по одному от обеих сторон) взимали за взвешенный товар пошлину, которая состояла из «постоянной части» (5% от стоимости товара) и «обменной части» (в зависимости от сорта товара). Термины «тартанак» и «кантар» — синонимы. Тот и другой обозначали «вес» и «весы». Первый термин был в Орде официальным словом, второй — использовался в разговорной речи[74].

По нашему мнению, дело обстояло не совсем так. Первый оборот статьи *условия пожалования* был посвящен общим вопросам обложения или необложения венецианских товаров торговым налогом и весовым сбором. Во втором обороте говорилось об обязательности взимания весового сбора с венецианских груженых повозок при въезде в Азов или выезде из него. Третий оборот называл товары, не подлежащие обложению каким бы то ни было налогом или сбором. Четвертый оборот ознакамливал с техникой взимания налогов и сборов с товаров, требующих взвешивания на весах, и с условиями подбора команды весовщиков. Весовщики, по одному от обеих сторон, взвешивали продаваемые или покупаемые товары, а таможники взимали с этих товаров торговый налог и весовой сбор. Торговый налог составлял 5% от продажной цены товара, а весовой сбор определялся традиционной долей от суммы торгового налога. Названными в обороте ответственными лицами являлись начальник

таможни (в 1347 г. это был Ак-ходжа), в распоряжении которого находился штат таможников, и венецианский консул Азова.

Термины «тартанак» и «кантар» действительно являлись синонимами и означали они, в зависимости от контекста, «вес» или «весы». Только проведенное И. Вашари разграничение их по бытованию на территории Золотой Орды на «официальный» и «разговорный» вызывает недоумение. Допустим, что в первых двух латинских переводах ярлыков применялся только официальный термин «тартанак», а в итальянском переводе ярлыка Джанибека переводчик взял на вооружение его разговорный вариант «кантар». Почему же тогда во втором обороте статьи тот же переводчик использует официальный термин? Мало того. Примеров тому, что в Орде наряду с термином «тартанак» употреблялся термин «кантар», просто не существует. В русских письменных памятниках термин «кантар» в самом деле неоднократно зафиксирован. Однако эти памятники датируются временем после 1480 г., т. е. отношения к Золотой Орде они не имеют. Единственное реальное объяснение появлению в итальянском переводе ярлыка Джанибека арабского по происхождению слова «кантар» («кынтар») вместо «тартанак» мы видим в том, что два первых латинских перевода ярлыков осуществлялись через тюркский язык-посредник с изначального монгольского текста, а итальянский перевод выполнялся с персидского языка-посредника. В изначальном монгольском тексте вполне мог употребляться тюркский термин «тартанак».

Наша реконструкция содержания четвертого оборота: «С товара, который взвешивается на весах, после взвешивания должны взиматься 5%-ный торговый налог и весовой сбор согласно прежнему обычаю. Наш начальник таможни и венецианский консул Азова обязаны назначать честных людей, по одному от каждой из сторон, которым надлежит внимательно наблюдать за правильностью взвешивания».

Пятый оборот, зафиксированный и в предыдущих ярлыках[75]: E li sanseri dagando capara, quella dada, el mercado sia fermo, et non se possa desfar. — «И когда выдающий задаток торговый посредник выдает его, торговая сделка закрепляется и не может быть расторгнута». Этот оборот, окончательно понятый нами только при реконструкции его содержания в первом ярлыке Джанибека, теперь

уверенно интерпретируется: «После выдачи торговым посредником задатка торговая сделка считается скрепленной и никоим образом не подлежащей расторжению».

Шестой оборот также присутствовал в двух прошлых ярлыках, хотя там он был записан на один оборот ниже[76]: Le naue da do chebe da una cheba debia pagar per arborazo segundo usanza. — «Наву, которой приданы две габии, или одна габия, должно оплачивать согласно обычаю».

В наиболее полном виде этот оборот представлен в ярлыке Узбека. Им мы и руководствуемся при реконструкции содержания данного оборота: «Мы предписываем взимать плату с прибывающих и отбывающих венецианских кораблей, сообразуясь с прежним обычаем, когда в расчет принимается количество, две или одна, мачт на корабле».

Седьмой оборот впервые появился только в латинском переводе ярлыка Джанибека[77]: Et se per li nostri se fara cuore fresche, debia pagar a lo comerclo grando aspri L per C di cuori et a lo pizolo aspri XL per C di cuorij. — «И если нашими приобретается невыделанная шкура, должно платить (хану) коммеркий: большая, аспрами, — пятьдесят с сотни за шкуру и малая, аспрами, — сорок с сотни за шкуру».

Этот оборот, не вполне понятый нами в краткой латинской записи первого ярлыка Джанибека, в данный редакции передается несколько пространнее. И все же вникнуть в его суть нам удалось только после ознакомления с похожим оборотом в соглашении, заключенном венецианцами Крита в 1331 г. с эмиром Ментеше. Венецианские купцы в этом эмирате вообще не имели права закупать кожи в лавках мясников, т. е. приобретать невыделанные шкуры. Согласно трактовке К. А. Жукова, это объяснялось традиционно строгой регламентацией кожевенного производства. В Византии (и более поздних государственных образованиях региона) шкуры у мясников имели право закупать только дубильщики. У дубильщиков выделанную кожу в первую очередь закупали кожевники (сапожники, седельщики, шорники), и лишь после того, как был удовлетворен внутренний спрос, кожи у дубильщиков могли преобретать торговцы[78]. Аналогичная картина, видимо, наблюдалась и в Золотой Орде. Устанавливая чрезвычайно высокие ставки

торгового налога на покупку невыделанных шкур, правительство Орды оберегало собственное кожевенное производство.

Относительно денежной единицы, названной в итальянском переводе оборота «аспр», нам уже приходилось говорить[79]. Не сомневаемся, что в изначальном тексте ярлыка эта «идеальная монета» итальянских торговцев не называлась. Определения «большая» и «малая» относились к размерам невыделанных шкур. Надо полагать, что имелись в виду шкуры крупного и мелкого рогатого скота. Реконструированное содержание оборота представляется нам в таком виде: «Если венецианец приобретает невыделанную шкуру, он обязан выплатить нам торговый налог: за большую шкуру — 50%, а за малую — 40%». Так же следует понимать этот оборот и в первом ярлыке Джанибека.

Восьмой оборот присутствовал в предыдущих ярлыках, занимая там шестое место[80]: E sel auegnisse, chelli Veniciani auesse alguna briga cum algun de quelli de la terra, el signor de la terra el consolo nostro insembre debia deffinir e despartir la question predicta e far, che briga non sia, e che un non sia preso per un altro. — «И если случится у венецианца какая-нибудь ссора с кем-нибудь из городских, правитель города и наш консул совместно должны прекратить и разрешить вышеупомянутый спор и сделать, чтобы ссоры не было и чтобы один не был схвачен за другого».

Речь в нем идет о совместном ордынско-венецианском суде в случае, когда у одной стороны возникнут по отношению к другой претензии личного, а не имущественного порядка. Все прежние обороты этой статьи так или иначе касались торговых сделок и положенных в таких случаях денежных выплат. Так что перенесение на это место данного оборота, имеющего отношение к судебному иммунитету, представляется логически оправданным и закономерным.

Реконструируем содержание оборота: «Если случится, что кто-либо из наших людей в Азове поссорится с кем-нибудь или подаст жалобу на кого-нибудь из венецианцев, то на совместном заседании даруги Азова и венецианского консула надлежит тщательно разобраться с делом и по справедливости решить его так, чтобы не пострадал отец за сына, или сын за отца».

Девятый оборот, отмеченный в первом ярлыке Джанибека на

один оборот ниже[81]: E sello auegnisse, la qual cossa non sia, che algun nauilio de Venitiani rompesse a la marina, ne per lo puouolo, ne per li rectori de le citade, ne per algun non li sia fato robaxion alguna, ne danno, ne non olsi tochar le lor cosse. — «И если случится, пусть бы того не произошло, что какой-нибудь венецианский корабль потерпит крушение в море, то ни населением, ни правителем города, ни кем-либо не производилось бы никакого грабежа, ни ущерба, ни даже притрагивания к их вещам».

Аналогичный оборот в первом ярлыке Джанибека имел иную редакцию. В нем венецианцам давалось право требовать и беспрепятственно получать обратно товары со своих потерпевших крушение судов только в случае, если им удается самим обнаружить их у кого бы то ни было из ханских подданных. Иными словами, практически ордынцам не возбранялось присваивать выброшенные морем венецианские товары. Чтобы оставить их у себя, нужно было только хорошенько припрятать награбленное или же доказать при помощи подставных свидетелей, что это их собственные вещи. Упущение первой редакции оборота было исправлено во втором ярлыке Джанибека, содержание которого препятствовало расхищению товаров уже на самом начальном этапе: «Если случится, что какой-нибудь венецианский корабль потерпит в море крушение, то ни население Азова, ни даруга города, ни кто-либо еще не имеют права похищать выброшенные морем вещи, наносить им ущерб и даже притрагиваться к ним».

Десятый, последний, оборот статьи *условия пожалования*, имевший место и в первом ярлыке Джанибека[82]: Elli Venetiani Franchi fazando uarda intro da essi, la debia far, et Zenoesi non sende debia impazar. — «Венецианские франки, несущие охрану внутри своего местонахождения, должны ее осуществлять, и генуэзцы не должны этому препятствовать».

Этот утвержденный ханом своеобразный заповедный иммунитет на территорию венецианского квартала Азова, дававший право его поселенцам самим осуществлять охрану своих границ от посягательств со стороны генуэзцев, во втором ярлыке Джанибека логично перенесен на последнее место в ряду условий пожалования. Ведь данный оборот был обращен не столько к власть имущим ордынской стороны, сколько к генуэзцам.

Реконструируем содержание оборота, руководствуясь текстами обеих его редакций: «Пусть венецианцы сами организуют и осуществляют охрану своего участка в Азове, и генуэзцы не должны тому препятствовать».

Далее в итальянском переводе ярлыка следует текст, в прежних ярлыках не встречавшийся: E cussi comandemo et dighemo che nissun non debia contrafar a questo comandamento, e chi contrafara, hauera paura. Et intro lo puoulo di Mogoli et de le citade uuy non debie far cosse desconze. — «И так приказываем и повелеваем: пусть никто не смеет оказывать неповиновение этому повелению, а кто не повинуется — испытает страх. И внутри народа монголов и городов вы не должны совершать вещи недостойные».

В этом тексте мы легко узнаем два оборота, которые до того включали в состав статьи *условия пожалования*. Обороты назывались *предостережение представителям адресата* и *предостережение грамотчику*[83]. Теперь нам совершенно очевидно, что названные обороты не имеют прямого отношения к статье *условия пожалования*. Поэтому предлагаем несколько изменить прежнюю схему формуляра золотоордынских жалованных грамот. Вычленив названные обороты из статьи *условия пожалования* в самостоятельную статью, мы предлагаем назвать ее *предостережение*. Проанализируем ее содержание во втором ярлыке Джанибека по оборотам.

Оборот *предостережение представителям адресата* гласил: «И так приказываем и повелеваем: пусть никто не смеет оказывать неповиновение этому повелению, а кто не повинуется — испытает страх».

Более внимательно приглядимся к содержанию названного оборота в русских текстах сборника из шести ордынских ярлыков и грамот, выданных в XIII–XIV вв. русским митрополитам[84]. Оказывается, оборот наличествовал во всех шести актах. При всем разнообразии форм оборота в разных документах в нем свободно вычленяются три элемента, содержание которых сводится к следующему: 1) после ознакомления с данным распоряжением; 2) краткое его содержание; 3) ослушники из числа представителей адресата неотвратимо понесут наказание. С сожалением отметим, что в реконструированном ранее содержании ярлыка Менгу-Тимура от 1267 г.

и грамоты Тайдулы от 1347 г. оборот *предостережение представителям адресата* не нашел себе места[85].

Отметим еще одно любопытное наблюдение. Оборот *предостережение представителям адресата* полностью отсутствовал во всех известных нам монгольских ярлыках великих ханов династии Юань. Сохранилась жалованная грамота от 1321 г., выданная матерью великого хана этой династии Хайсана, правившего с 1307 по 1311 г. В грамоте ханши (имя ее осталось неизвестным), начертанной квадратным письмом по-монгольски, интересующий нас оборот присутствовал. Впервые его правильно прочитал Н. Н. Поппе: «Разве люди, которые будут в отношении таким образом сказанного поступать иначе, не убоятся?»[86] Полагаем, что анализируемый оборот для ярлыков, возвещаемых «повелением» великих ханов, представлялся их современникам излишним, а для ханш, которые формально даже не принадлежали к роду чингисидов и свои грамоты возвещали лишь «словом», такой оборот являлся вполне уместным подкреплением. Улусные ханы, каковыми были все джучиды Золотой Орды, даже после того, как Менгу-Тимур провозгласил себя великим ханом[87], свои теперь пусть даже ярлыки, а не грамоты, по-прежнему возвещали лишь «словом». Так что бытование данного оборота в ярлыках ордынских ханов являлось данью традиции.

Теперь вновь обратим внимание на рассматриваемый оборот в итальянском переводе ярлыка Джанибека и убедимся, что отмеченные выше элементы присутствовали тут в полном комплекте. Реконструируем содержание оборота: «После такого нашего распоряжения пусть никто из власть имущих не посмеет оказать неповиновение этому нашему ярлыку, а кто не повинуется — непременно будет устрашен!»

Второй оборот статьи — *предостережение грамотчику* — гласил: «И внутри народа монголов и городов вы не должны совершать вещи недостойные».

Этот оборот обязательно присутствовал как в ярлыках монгольских великих ханов, так и в грамотах их наследников престола. Типовую схему оборота в названных актах можно расчленить на три элемента: 1) обозначение грамотчика; 2) предостережение его от совершения противозаконных действий; 3) формула устрашения[88]. Тот же оборот из трех элементов имел место и в переводах ярлыков

русскому духовенству[89], исключая лишь проезжую грамоту Тайдулы от 1354 г. (в проезжих грамотах не имело смысла устрашать грамотчика).

Теперь, под новым углом зрения, рассмотрим этот оборот в итальянском переводе ярлыка Джанибека. Первый элемент в нем несколько смазан переводчиком одним местоимением «вы», помещенным в середину текста. Второй элемент присутствует в полном объеме. Третий элемент полностью отсутствует. Последнее обстоятельство можно объяснить на примере цитированной монгольской грамоты ханши-матери, где в статье *предостережение* оба оборота заканчивались одной и той же формулой устрашения — «разве не убоятся?»[90] Видимо, итальянский переводчик не счел нужным повторять дважды одну и ту же формулу. Тем более, что предостережение типа «не должны совершать» он в переводе сохранил. Название страны («Монгольское государство») тот же переводчик вновь передал неправильно — «народ монголов».

Реконструируем содержание оборота *предостережение грамотчику* таким образом: «Также и эти венецианцы под предлогом обладания ярлыком противозаконные действия в городах Монгольского государства пусть не совершают. Совершившие их — непременно будут устрашены!»

Мы завершили последовательную реконструкцию содержания статьи *предостережение* во втором ярлыке Джанибека. Почему же в двух предыдущих ярлыках, выданных венецианским купцам Азова, и следа не было от этой статьи? Видимо, потому, что, с одной стороны, ордынская администрация не особенно стремилась сразу выдавать чужестранцам документ, выполненный в форме, которая полнее обеспечивала бы претворение в жизнь всех перечисленных в условиях пожалования привилегий. Да и привилегии эти декларировались для венецианцев далеко не с первого раза, а последовательно наращивались в каждом новом ярлыке. При этом грамотчики и что-то теряли. Так, получив в первом ярлыке Джанибека «береговое право», они потеряли право беспошлинной торговли драгоценными камнями, декларированное в ярлыке Узбека. Приобретя наконец в последнем ярлыке оборот *предостережение представителям адресата*, они утратили возможность, объявленную в двух предыдущих ярлыках, торговать в Орде на условиях

выплаты хану 3%-ного торгового налога и стали платить 5%-ный налог. С другой стороны, и сами венецианцы, надо думать, не торопились получить оборот *предостережение грамотчику*, который нивелировал первый оборот статьи *предостережение*.

Наконец, подошла очередь пятой, последней, статьи ярлыка Джанибека, называемой нами *удостоверение*. Это, пожалуй, единственная статья, которую можно уверенно реконструировать не только по содержанию, но и по форме, ибо здесь мы располагаем достаточно большим документальным материалом для сравнения. Почему только для этой статьи? Дело в том, что эта статья имеет во всех чингисидских актах стабильную форму, вне зависимости от содержания документа.

Первый оборот статьи, называемой *удостоверительные знаки*, в нашем ярлыке гласит: Et cussi ue hauemo fatto gratia et dado comandamento cum tamoga rossa. — «И сим нами совершено пожалование и дано повеление с красной тамгой».

Вспомним, что в латинском переводе ярлыка Джанибека первое деяние относительно «пожалования» было выражено еще более пространно. Тогда оно было отнесено нами к содержанию статьи *объявление о пожаловании*[91]. Сейчас же мы поступим осторожнее и обратимся к содержанию данного оборота в монгольских ярлыках. Оказывается, оборота *удостоверительные знаки* в ярлыках монгольских великих ханов вообще не было[92]. Возможно, прежде такое наблюдение и обескуражило бы нас. Теперь мы знаем, что и оборот *предостережение представителям адресата* не был представлен в ярлыках монгольских великих ханов, а в грамотах-ярлыках монгольских улусных ханов он имел место. Обращаемся к оборотам статьи *удостоверение* в актах улусных ханов и видим, что в грамотах чагатаидов и хулагуидов, написанных по-монгольски буквами уйгурского алфавита, присутствовал законченный оборот удостоверительные знаки[93]. Особенно показателен в этом отношении ярлык ильхана Абусаида от 1320 г.: «С золотой пайцзой алотамговый ярлык милостиво выдан»[94].

Сравниваем содержание процитированного оборота с таковым же в итальянском переводе ярлыка Джанибека. Убеждаемся, что оборот в ярлыке Джанибека отличается по содержанию от эталона только отсутствием упоминания о золотой пайцзе. Ведь то, что в

латинском переводе ярлыка Джанибека мы, вслед за итальянским переводчиком, приняли за термин «союргал» («пожалование»), переданный символом «милость» (gratia), в подлинном монгольском тексте оказалось сочетанием soyurqaǰu ögbei «милостиво выдан», т. е. «пожалован».

Почему же в итальянском переводе ярлыка Джанибека отсутствует упоминание о золотой пайцзе? Нам думается, что этого упоминания не было и в монгольском оригинале второго ярлыка Джанибека. Ордынская «золотая» пайцза (по-монгольски она называлась «гериге», или «гереге») представляла собой литую из серебра, густо позолоченную дощечку длиной 30 см и весом до 0,5 кг[95]. Она служила своеобразным металлическим удостоверением к письменному документу — ярлыку. На ней было начертано имя правившего хана, но дата выдачи не проставлена. Когда первый ярлык Джанибека, выдачу которого сопровождало и пожалование золотой пайцзы, в результате описанных выше событий потерял свою силу, пайцза продолжала храниться у венецианского консула Азова. На все время правления Джанибека она свое значение сохраняла. Через пять лет венецианцы получили от Джанибека второй ярлык, который и составил новый комплект с уже имевшейся пайцзой.

Так что содержание оборота *удостоверительные знаки* во втором ярлыке Джанибека можно представить в таком виде: «Милостиво выдан алотамговый ярлык». Тогда в первом ярлыке Джанибека реконструкцию содержания аналогичного оборота следует уточнить так: «Милостиво выданы золотая пайцза и алотамговый ярлык».

Ярлык Узбека венецианским купцам Азова переводился на латынь с тюркского языка-посредника. Видимо, его перелагали с монгольского языка на тюркский более квалифицированно, т. е. ближе к уже достаточно разработанному тюркскому формуляру. Так, монгольский термин «гереге» был передан по-тюркски «байса» и лишен определения «золотая», как и полагалось писать в тюркских текстах ярлыков. Однако тюркское сочетание типа «тута тургутак» («для постоянного хранения») в интересующий нас оборот включено не было[96]. Что касается «милостивой» выдачи ярлыка, то слова «милостиво» в ярлыке Узбека могло и не быть, как, например, не проставлялось оно в подобных случаях в монгольских ярлыках ча-

гатаидов[97]. Уточняем содержание оборота в ярлыке Узбека: «Выданы золотая пайцза и алотамговый ярлык».

Второй оборот статьи *удостоверение — время и место написания*: Dado in Gullistan, VII.^{c} XLVIIJ.^{o}, in lo mese de Ramadan, die XXIJ.^{o}, in lo anno del porcho. — «Дано в Гюлистане, 748, в месяце рамадане, дня 22, в год свиньи».

Мы исходим из того, что приведенный итальянский текст дословно переводился с персидского переложения монгольского подлинника. Перед персидским переводчиком стояла задача возможно более точно передать монгольский способ обозначения времени и места написания через посредство арабо-мусульманского способа. В схеме монгольский способ выглядел так: год по животному циклу, время года, порядковый номер месяца в пределах сезона, день, характеристика Луны, название места, слова «когда находились», глагол «написан»[98]. Арабо-мусульманский способ выражался иначе: глагол «написан», день, название месяца лунного года, год по хиджре, название места[99]. В случае, когда в ярлыках дата приводилась и по хиджре, и по-монгольски, применялись другие схемы. Сначала обозначался год по хиджре, потом — год по животному циклу, а затем следовали или полное монгольское обозначение месяца, дня и места[100], или мусульманское обозначение в следующем порядке: название месяца лунного года, день, название места, глагол «написан»[101].

В нашем случае персидский переводчик не был настолько изощрен в формах передачи времени и места написания ярлыка. Он начал по-арабски с глагола «написан» (полагаем, что на глагол «дано» его поменял уже итальянский переводчик), затем назвал место написания. После этого переводчик начертал известные ему год, месяц и день по хиджре и заключил оборот названием года по животному циклу. Теперь нам предстоит реконструировать первоначальное содержание оборота,т. е. восстановить монгольский способ обозначения времени и места написания.

Начнем с определения даты выдачи ярлыка по европейскому летосчислению. Используем соответствующие таблицы и, произведя несложные вычисления, узнаем, что дата 22 рамадана 748 года хиджры соответствовала 26 декабря 1347 г.[102] По монгольской системе полученная дата соответствовала 9-му дню убывающей Лу-

ны среднего месяца зимы года свиньи[103]. Место выдачи ярлыка определяется также достаточно легко, ибо известно, что Гюлистан являлся ордынским городом, местоположение которого примерно соответствовало Булгару на Волге[104]. Видимо, ханская ставка переместилась тогда так далеко на север в связи с эпидемией чумы, опустошившей Северное Причерноморье, Северный Кавказ и низовья Волги.

Реконструируем содержание оборота *время и место написания* в таком виде: «Написан года свиньи среднего месяца зимы убывающей Луны в 9-й день (26 декабря 1347 г.), когда мы находились в Гюлистане».

Используя тот же метод, заново реконструируем содержание аналогичного оборота в первом ярлыке Джанибека[105]: «Написан года лошади последнего месяца осени прибывающей Луны в 1-й день (30 сентября 1342 г.), когда мы находились в Балысыра»[106]. Соответственно изменится и содержание того же оборота в ярлыке Узбека[107]: «Написан года обезьяны последнего месяца осени убывающей Луны в 4-й день (9 октября 1332 г.), когда мы находились на Красном берегу реки Кубань»[108]. Повторяем еще раз: ярлык Узбека был написан 9 октября 1332 г., а не 9 сентября, как мы неоднократно ошибочно отмечали в своей первой главе[109].

Последний оборот статьи *удостоверение — представление*. Последним словом мы передаем монгольский термин üǰig inu, которым начиналась своеобразная приписка в монгольских актах, всегда выполнявшаяся на оборотной стороне документа. Далее в приписке перечислялись имена сановников, выступавших в качестве ходатаев перед ханом о предоставлении какому-либо грамотчику определенного пожалования, фиксируемого письменно в ярлыке. В конце представления называлось имя писца и ставилось слово «писал»[110]. Ознакомившись с формой монгольского *представления*, обратимся к его тексту в итальянском переводе ярлыка Джанибека. Для последовательного осмысления итальянского перевода нужного нам оборота расчленяем его на три фрагмента.

Первый фрагмент: In presentia de Mogalbey, de Triouazi, de Iaghaltay, de Ierdhezine, de Cotloboga. Только начало фрагмента переводится однозначно: «В присутствии...». Далее следуют 5 имен ходатаев, каждое из которых нуждается в специальной расшифровке.

Первое имя Mogalbey нам уже знакомо. Полное имя этого сановника Могулбуга[111]. В 1337 г. он отмечался как один из старших родовых князей в правительстве Узбека, а в 1342 г. был представлен в качестве первого лица — улугбека, или беглербека, в правительстве Джанибека[112]. В 1345 г. Могулбуга осаждал итальянских колонистов в Кафе. В описываемом 1347 г. он выступает в роли улугбека и первого ходатая за венецианских купцов Азова.

Второе имя Triouazi, в другом списке — Thouazi, как собственное имя ходатая расшифровке не поддается. Может быть, переводчик ярлыка с монгольского языка на персидский решил обозначить официальную должность Могулбуги, как выше это было сделано в отношении главных исполнителей ханского пожалования, т. е. Черкес-ходжи, даруги Азова, и Ак-ходжи, начальника таможни? Такое предположение расширяет круг наших поисков. В. В. Бартольд (в исследовании об эпохе 70–80-х годов XIV в. применительно к Тимуру — основателю преемственной чингисидам династии тимуридов) говорил о должности «туваджи»: «Приказы собраться на курултай... или для похода передавались через туваджиев, должность которых считалась чрезвычайно важной, уступавшей только званию государя»[113]. Если вспомнить высказывания арабского историка первой половины XIV в. Шихаб ад-дина ал-Омари о должности беглербека, который «распоряжается единолично в деле войсковом»[114], то сразу возникает мысль о возможном соответствии двух названных должностей. Иными словами, должность главного войскового распорядителя у чингисидов называлась по-монгольски «товачи», или «туваджи», а по-тюркски — «беглербек», или «улугбек».

Персидский переводчик ярлыка привел монгольское название должности Могулбуги в обороте *представление* в арабографическом ее написании, а итальянский переводчик с персидского принял это слово за очередное имя ходатая и записал его в латинской транслитерации. Мы воздержимся от включения этого термина в реконструкцию содержания оборота, ибо в монгольских текстах ярлыков должности при именах не указывались.

Третье имя Iaghaltay, в другом списке — Iagaltay, т. е. Ягалтай. Если не считать предположения о том, что имя Ягалтай встречается у арабоязычных авторов под 1317 г. в ошибочной транслитерации

Бгртай (вместо Йглтай), которую В.Г. Тизенгаузен транскрибировал Бугуртай и Багартай[115], то больше мы пока ничего не можем сказать об этом вельможе.

Четвертое имя Ierdhezine, в другом списке — Ierdhezin, не поддается расшифровке как имя. Допускаем, что опять перед нами обозначение должности предыдущего ходатая. Термин явно состоит из двух слов ierd и hezin (если учитывать написание слова во втором списке ярлыка, как мы поступали и в случае с должностью Могулбуги). Слово ierd в данном контексте можно прочитать как тюркское jurt «дом, владение, место жительства, земля, страна»[116]. Слово hezin может быть понято как производное от арабского слова χazinä «казна»[117]. Тюркское производное звучало бы «хазинечи», а арабское просто «хазин». Значение обоих производных одно и то же — «казначей». Составной термин «юрт хазин», правильнее «юрт хазини», видимо, понимался как «государственный казначей». Упоминавшийся историк ал-Омари писал о содержании должности везира в правительстве хана-чингисида: «Визирь настоящий султан, единовластно распоряжается денежною частью, управлением и смещением, даже в самых важных делах»[118]. Выясняется, что Ягалтай в 1347 г. был везиром в правительстве Джанибека. В реконструкции содержания оборота мы это наблюдение приводить не будем. Важно только подчеркнуть, что термины «туваджи» и «хазин» в названных выше значениях неоднократно встречаются в персидских документах по истории Золотой Орды XIV в.[119] Это обстоятельство подтверждает правильность нашего допущения об итальянском переводе ярлыка именно с персидского языка-посредника.

Пятое имя Cotloboga легко читается как собственное имя Кутлугбуга, произносимое обычно — Кутлубуга. Скорее всего, именно этого сановника назвал арабский историк ал-Мухибби в качестве первого из четырех ордынских старших родовых князей. Летом 1351 г. Кутлугбуга установил переписку с мамлюкским султаном Салах ад-дином Салихом (1351–1354)[120]. Видимо, тогда же он захватил место Могулбуги в правительстве Джанибека, а в 1347 г. Кутлугбуга занимал лишь третье место в ордынской «табели о рангах».

Итак, первый фрагмент можно перевести: «В присутствии Могулбуги, туваджи, Ягалтая, юрт хазина, Кутлугбуги».

Второй фрагмент: Tutti questi cani ha domandado la gratia ella proferta a miser lo imperador. — «Все эти вельможи ходатайствовали о пожаловании и поддержке у господина императора». Содержание фрагмента, который сам по себе является пояснением, не нуждается в комментарии. Примерно таким было содержание аналогичного фрагмента в первом ярлыке Джанибека[121]. То же самое можно сказать о пояснительном тексте в обороте *представление* русского перевода ярлыка Бердибека от 1357 г.[122] Наверно, подобные пояснения содержались не только в окончательных вариантах переводов названных ярлыков, но и в переводах их на соответствующий язык-посредник. Однако в изначальном монгольском тексте ярлыков такого рода никаких пояснений не было. Поэтому мы и не будем включать их в реконструкцию первоначального содержания.

Третий фрагмент: Scriba Yman Iussuf catip. — «Писец Иман Юсуф-катиб». На первый взгляд с пониманием этого фрагмента все обстоит благополучно и остается только внести его русский перевод в нашу реконструкцию содержания оборота. На самом деле это не так. Вспомним, что в конце латинских переводов первых двух ярлыков называли свои имена не те люди, которые писали их монгольские тексты, а итальянские переводчики промежуточных — тюркских текстов[123]. В нашем случае итальянский переводчик добросовестно привел имя персидского писца-катиба, перелагавшего монгольский текст ярлыка на персидский язык, но не посчитавшего нужным донести до читателя имя уйгурского писца-бахши, который начертал буквами уйгурского алфавита по-монгольски изначальный текст ярлыка.

Даем нашу реконструкцию содержания оборота *представление* статьи *удостоверение*: «Прошение о пожаловании представляли Могулбуга, Ягалтай, Кутлугбуга. Писал(?)-бахши». Соответственно уточняем прежнюю реконструкцию содержания *представления* в первом ярлыке Джанибека[124]: «Прошение о пожаловании представляли Нангудай, Али, Могулбуга, Ахмат, Беклемиш, Куртка-бахши, Кутлуг-Тимур, Ай-Тимур. Писал (?)-бахши». Заметная разница в числе ходатаев за выдачу первого и второго ярлыков Джанибека объяснялась условиями выдачи второго ярлыка, когда в обстановке страшного «морового поветрия» членам венецианско-

го посольства было весьма трудно контактировать с ордынскими сановниками.

Итак, реконструкция содержания второго ярлыка Джанибека в полном объеме мыслится нам в следующем виде:

«Предвечного бога силою, великого гения-хранителя покровительством, наше, Джанибека, слово, возвещающее ярлык Монгольского государства князьям тюменов под началом с Могулбугой, тысяч, сотен и десятков, даругам-князьям городов, таможникам и весовщикам, проезжим послам, многим людям, всем.

Некогда венецианцы обратились к покойному отцу нашему, великому хану Узбеку, с просьбой предоставить их купцам в качестве пожалования отдельное от генуэзцев место в Азове для производства торговли, за которую они должны будут выплачивать хану 3%-ный торговый налог. Они получили на это пожалование, ярлык и пайцзу. Затем они обратились к нам с прошением о пожаловании, повторяющем условия предыдущего, и получили на то наш ярлык и пайцзу. Впоследствии один из венецианцев совершил злодеяние, в наказание за которое мы на несколько лет запретили их торговцам приезжать в Азов. В настоящее время правительство Венеции известило нас о том, что оно устрашило того злодея, и просит нас о новом пожаловании в аренду земли в Азове, руководствуясь условиями, изложенными в первом нашем ярлыке, с тем чтобы по отношению к венецианским торговцам не применялись бы ни насилие, ни оскорбления. Со своей стороны они должны выплачивать нам 5%-ный торговый налог, а весовой сбор — сообразно с прежним обычаем.

Наше, Джанибека, слово, сохраняющее силу и на море: Когда на ваших, венецианских, навах и галеях перевозятся мусульманские паломники и торговцы, пусть не причиняются им насилие и ущерб. Вам не следует причинять ущерб и по отношению к приморским селениям Монгольского государства. Если же кто-нибудь из венецианцев причинит ущерб нашим подданным, вы сами должны разыскать, захватить и выдать преступника нам. В случае, если вы не в состоянии его схватить, вам надлежит известить об этом нас, чтобы сын не понес наказание за отца, отец — за сына, а старший брат — за младшего.

Выслушав их прошение и признав его исполнимым, мы, в соот-

ветствии с прежними пожалованиями, объявляем нашим пожалованием им для проживания в Азове участок земли, расположенный вдоль берега реки Дон, на восток от бани Сафа ад-дина 100 шагов в длину и 70 шагов в ширину.

Отныне и впредь венецианские купцы, производящие в Азове законную торговлю, должны выплачивать нам 5%-ный торговый налог. Выплата ими весового сбора производится согласно прежнему обычаю. В случае, если торговля ими не производится, наши таможники не должны взыскивать с них ничего. Никоим образом нельзя препятствовать въезду и выезду их повозок с товарами в город и из него. С каждой повозки при этом взимается весовой сбор согласно прежнему обычаю. Они исстари не платили торгового налога с золота, серебра и золотой канители; и ныне нисколько не должны платить. С товара, который взвешивается на весах, после взвешивания должны взиматься 5%-ный торговый налог и весовой сбор согласно прежнему обычаю. Наш начальник таможни и венецианский консул Азова обязаны назначать честных людей по одному от каждой из сторон, которым надлежит внимательно наблюдать за правильностью взвешивания. После выдачи торговым посредником задатка торговая сделка считается скрепленной и никоим образом не подлежащей расторжению. Мы предписываем взимать плату с прибывающих и отбывающих венецианских кораблей, сообразуясь с прежним обычаем, когда в расчет принимается количество, две или одна, мачт на корабле. Если венецианец приобретает невыделанную шкуру, он обязан выплатить нам торговый налог: за большую шкуру — 50%, за малую — 40%. Если случится, что кто-либо из наших людей в Азове поссорится с кем-нибудь или подаст жалобу на кого-нибудь из венецианцев, то на совместном заседании даруги Азова и венецианского консула надлежит тщательно разобраться с делом и по справедливости разрешить его так, чтобы не пострадал отец за сына или сын за отца. Если случится, что какой-нибудь венецианский корабль потерпит в море крушение, то ни население Азова, ни даруга города, ни кто-либо еще не имеет права похищать выброшенные морем вещи, наносить им ущерб и даже притрагиваться к ним. Пусть венецианцы сами организуют и осуществляют охрану своего участка в Азове, и генуэзцы не должны тому препятствовать.

После такого нашего распоряжения пусть никто из власть имущих не посмеет оказать неповиновение этому ярлыку, а кто не повинуется — непременно будет устрашен! Также и эти венецианцы под предлогом обладания ярлыком противозаконные действия в городах Монгольского государства пусть не совершают. Совершившие их — непременно будут устрашены!

Милостиво выдан алотамговый ярлык. Написан года свиньи среднего месяца зимы убывающей Луны в 9-й день (26 декабря 1347 г.), когда мы находились в Гюлистане.

Прошение о пожаловании представляли Могулбуга, Ягалтай, Кутлугбуга. Писал (?)-бахши».

Напряженная, весьма продолжительная и связанная с большими материальными затратами работа правительства Венеции по организации и проведению переговоров с Ордой, имевших своей конечной целью закрепление представителей венецианского купеческого капитала в Северном Причерноморье с главной торговой базой в Азове, завершилась выдачей ярлыка Джанибека в последних числах декабря 1347 г. В экстремальных условиях продолжавшей свирепствовать «черной смерти» венецианская сторона все-таки довела свои усилия до логического завершения. Правда, удалось закрепить за венецианским купечеством отнюдь не все даже прошлые права и привилегии. Не снизился, а, наоборот, повысился процент торгового налога с продаж западных товаров. Не увенчались успехом попытки венецианских дипломатов увеличить число своих опорных пунктов — торговых факторий на территории Золотой Орды. Конечно, не удалось Венеции возместить все людские и материальные потери, связанные с азовскими событиями 1343 г. Однако жизнь продолжалась, венецианскому торговому представительству в Азове предстояло выполнить широкий объем работ по восстановлению и обустройству места своего расположения, возрождению дела своей жизни — прибыльной торговли. Уже в январе 1348 г. венецианский сенат вынес постановление о назначении, правах и обязанностях нового консула Азова, которым стал Филиппо Микьель[125].

Глава IV

ЯРЛЫК БЕРДИБЕКА ВЕНЕЦИАНСКИМ КУПЦАМ АЗОВА*

Продолжая исследование комплекса из 10 золотоордынских документов XIV в., сохранившихся только в синхронных переводах на латинский и итальянский языки[1], мы подошли к реконструкции содержания ярлыка Бердибека от 1358 г. венецианским купцам Азова. Известно, что три предшествующие жалованные грамоты ордынских ханов венецианским купцам на городской квартал в Азове являлись лишь традиционным со стороны Орды оформлением взаимовыгодных венециано-ордынских торговых соглашений. В этом отношении не был исключением и ярлык Бердибека от 1358 г.

Торговые связи между Ордой и Венецией развивались на фоне острого соперничества Венеции с Генуей. После 1347 г. обе враждующие стороны прошли через пандемию чумы 1348–1349 гг. и открытое военное столкновение 1350–1355 гг., в результате которого победила Генуя. В мирном договоре 1355 г. стороны зафиксировали взаимное обязательство — три года не плавать в Азов. Так была закрыта единственная венецианская торговая фактория в Северном Причерноморье. Генуя сохранила за собой торговую резиденцию в Кафе (Феодосии) на юго-востоке Крымского полуострова. Для венецианского купечества в этом регионе сложилось совершенно нетерпимое положение. Частичный выход из него правительство дожа Джованни Градениго (1354–1356) нашло, испросив и получив в 1356 г. в Гюлистане ярлык Джанибека на корабельное пристанище на Южном берегу Крыма. Предоставленный Ордой для этой цели порт Провато при небольшой бухте к юго-западу от Кафы не очень устраивал венецианцев в военном и торговом отношени-

*Григорьев А. П., Григорьев В. П. Ярлык Бердибека венецианским купцам Азова от 1358 г.: Реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Б. Н. Мельниченко, А. В. Попов. СПб., 1995. Вып. 16. С. 24–66.

ях. Правительству Джанибека пришлось пойти на материальные уступки — снизить торговый налог с 5 (каким он был установлен для венецианских купцов в Азове в 1347 г.) до 3%[2].

Не успел истечь положенный по мирному договору между Генуей и Венецией трехлетний срок обоюдного запрета плавания в Азов, как уже в марте 1358 г. правительство дожа Джованни Дольфина (1356–1361) предприняло энергичные меры к тому, чтобы снарядить и направить к новому ордынскому хану Бердибеку (1357–1359) венецианское посольство. В качестве послов были избраны Джованни Квирини и Франческо Бон, получившие наказ добиваться возобновления договора о территории венецианского квартала в Азове и прежних привилегиях для его купцов. В конце апреля 1358 г. послы отбыли в Азов, откуда обычно начинался путь в ханскую ставку. Видимо, посольство прибыло в Азов в конце мая 1358 г. Уточнив у азовского наместника перспективы предстоящих переговоров с ханом, венецианские послы, надо полагать, отправили подробный отчет об этом на родину, а затем выступили в дальний путь к берегам Волги. Венецианский сенат рассмотрел посольское донесение и уже 20 июля 1358 г. постановил направить в Азов первого после войны 1350–1355 гг. консула — Пьетро Каравелло, которому было поручено восстановить разрушенный венецианский квартал в Азове. Только на постройку консульского дома разрешалось истратить 80 сомов (14 кг 976 г серебра)[3].

Такой в общих чертах представляется история взаимоотношений между Венецией и Ордой, которая в сентябре 1358 г. привела к оформлению ярлыка Бердибека на венецианский квартал в Азове. В этих связях ордынская сторона преследовала собственные цели, решала свои проблемы. В подоплеке этих проблем лежало феодальное расслоение в верхах ордынского общества, которое, в частности, выражалось во все усиливавшейся взаимной борьбе родовых князей за влияние на ордынского хана, в подготовке дворцовых заговоров. На политическую арену рвались вожди племен, дотоле не стоявших у кормила правления.

В обстановке растущего напряжения внутри ордынского общества ханы-чингисиды видели единственную возможность погасить политические страсти в активизации внешней политики — организации успешных завоевательных походов. Джанибек обра-

тил взор на Хулагуидский Иран, процесс распада в котором начался раньше, чем в Золотой Орде. Между 1335 и 1353 гг. некогда единая держава монгольских ильханов в Иране распалась на ряд враждующих между собой территорий[4]. Уже со второй половины XIII в. между ордынскими джучидами и хулагуидами Ирана велась борьба за территорию Азербайджана. В середине XIV в. в Азербайджане со столицей в Тебризе утвердился сын чобанида Хасана Кючюка Мелик-Ашреф. Опираясь исключительно на монгольскую и тюркскую кочевую знать, Мелик-Ашреф в течение 13 лет проводил в своих владениях политику ничем не ограниченной эксплуатации местного населения. Он окончательно подорвал свою социальную базу тем, что притеснял и оседлую земледельческую знать, отнимая у нее земли. Дело кончилось тем, что представители местной оседлой знати обратились за помощью к Джанибеку[5]. Естественно, они встретили полное понимание со стороны ордынского хана.

Поход Джанибека в Азербайджан в 1356 г. получил отражение во многих арабо- и персоязычных источниках XIV–XV вв. О нем писали арабские авторы Ибн Халдун, ал-Макризи, ал-Асади, ал-Айни[6] и персидские — Зайнаддин, Махмуд Кутуби, создатель «Истории Шейх-Увейса», Муинеддин Натанзи[7]. Суммарно складывается такая картина подготовки и проведения похода. В Орду от притеснений Мелик-Ашрефа бежали богатеи Тебриза, Сераха, Ардебиля, Байлекана, Бердаа и Нахичевана. Они обратились к Джанибеку за помощью и выделили средства на организацию военного похода на Тебриз. Отдав приказ на подготовку к походу бекам левого крыла, Джанибек в марте 1356 г. получил дополнительную финансовую поддержку от итальянских торговых факторий, расположенных в Северном Причерноморье. Весной того же года хан лично возглавил армию и выступил на Тебриз вместе с сыном Бердибеком.

Основную массу ордынского войска в этом походе составляли отряды беков левого крыла, расселенные на восток и юго-восток от Волги. Местом общего сбора, по-видимому, стал Хаджитархан (Астрахань), лежавший в низовьях Волги, на правом ее берегу. Оттуда громада армии Джанибека через прикаспийские степи двинулась прямо на юг. По пути войска переправились через Терек, про-

шли Дербенд и далее на юг — до Ширванской степи. Здесь Джанибек дал отдых коннице. Одновременно он направил Мелик-Ашрефу ультиматум и дождался от него дерзкого ответа. После этого ордынское воинство переправилось через Куру, миновало Агдам, Берзенд, Бишкин (Мишкин) и, не встречая вооруженного сопротивления, двинулось по широкой дуге, обходя Тебриз с востока и юга, через Ардебиль и Серах (Сераб). Собравшись с силами, Мелик-Ашреф дал Джанибеку сражение под Уджаном, к югу от Тебриза. Результатом битвы явился полный разгром армии Мелик-Ашрефа. Сам предводитель пытался бежать, увозя несметные сокровища государственной казны, но был пойман, представлен Джанибеку и казнен по его приказу. Голову Мелик-Ашрефа отвезли в Тебриз и повесили на площади на воротах мечети.

О дальнейших событиях источники сообщают глухо и разноречиво. Определенно можно утверждать, что Джанибек не задержался в Тебризе. Захватив часть государственной казны Мелик-Ашрефа, его сына и дочь, хан вскоре вернулся в Орду тем же путем, каким пришел в Азербайджан. В Тебризе в качестве самодержавного государя, с частью ордынского войска и положенным управленческим аппаратом, был посажен Бердибек. Возможно, отец специально оставил там своего сына, устранив тем самым ближайшего родственника от придворных интриг и борьбы за ордынский престол. Бердибек, оставшись один в чужой, разоренной и бунтующей стране, быстро убедился в бесперспективности навязанной ему отцом миссии. Не прошло и полугода, как он оставил за себя в Тебризе местного правителя Ахиджука и вернулся в родные края.

Непосредственным поводом к отъезду Бердибека послужило известие о болезни отца. Но не сыновняя любовь была движущей силой его поспешного отбытия. В тайную связь с ханычем вступил Тоглубай, печально известный по русским источникам еще с 1339 г. Именно он 28 октября 1339 г. руководил казнью в Орде тверского князя Александра Михайловича и его сына Федора. Зимой того же года Узбек посылал Тоглубая во главе ордынско-русской рати войной на Смоленск[8]. Тоглубай был вождем монгольского племени бахрин, состоявшего в родстве с могущественными племенами правого крыла Золотой Орды кунграт, найман, джелаир и ушин[9]. При Джанибеке Тоглубай являлся «одним из столпов его державы»[10],

но стремился к большему. Потому он и сделал ставку на Бердибека.

Болезнь приключилась с Джанибеком еще на его пути из Тебриза домой, видимо, осенью 1356 г. Зайнаддин даже причину отъезда хана из Тебриза видит в его нездоровье[11]. «История Шейх-Увейса» сообщает, что Джанибек захворал только после того, как прошел на обратном пути Дербенд[12]. Самое детальное изложение обстоятельств и существа болезни хана дает «Рогожский летописец»: «...Чанибек...посади тоу на царьство сына своего Бердибека, а сам оуверноуся въсвояси и от некоего привидения на поути разболеся и възбесися»[13]. Итак, болезнь Джанибека была вызвана нервным срывом. Нездоровье и даже кончину государя в Орде, как и везде в улусах чингисидов, никогда не афишировали и, насколько возможно, пытались скрыть от окружающих. Болезнь Джанибека моментально превратилась в государственную тайну, разглашение которой каралось смертью.

В то же время группировки князей правого крыла, племена которых расселялись на запад и юго-запад от Волги, стали лихорадочно готовить смену ордынского хана. Вековая традиция прочно перекрывала все пути для проникновения на этот пост нечингисида. Главным кандидатом на ханский престол считался первый наследник — калга-султан. Как правило, это был не сын, а следующий по старшинству за правящим государем его брат. В свое время на пути к престолу Джанибек умертвил братьев Тенибека и Хызрбека[14]. За 15 лет его правления подросли другие братья хана, старшим из которых считался, надо полагать, Кулпа. Он-то и состоял при Джанибеке калга-султаном. Поскольку, отправляясь в 1356 г. в дальний военный поход, Джанибек оставил страну на Кулпу, вероятно, он доверял своему брату больше, чем родному сыну. Кулпа это доверие оправдал. После того как Джанибек в 1357 г. вернулся в Орду недееспособным, Кулпа фактически остался полновластным правителем, но не особенно спешил с формальным воцарением.

Недуг Джанибека тщательно скрывался. Из официальных реляций, отправленных от имени Джанибека соседним и дальним государям по случаю завоевания Азербайджана, можно было заключить, что дела в Орде обстоят в высшей степени благополучно. Так, в русские летописи попало сообщение о том, что «царь Чанибек взя

Тивирижьское царство»[15]. Арабские источники рассказывали, что летом 1357 г. через Дамаск в Каир прибыло из Орды посольство к мамлюкскому султану Насир ад-дину ал-Хасану (1354–1361). Ордынские послы представили султану богатые подарки и послание от имени Джанибека, в котором сообщалось о его победе и предлагались былая дружба и сотрудничество. Послы были отпущены с благожелательным ответом[16]. Примерно в то же время посольство от имени Джанибека прибыло и в Южный Иран к эмиру Мубариз-эддину (1314–1358) с сообщением о взятии Тебриза[17].

Мать Джанибека Тайдула на протяжении многих лет выполняла при ханском дворе роль «христианской заступницы»[18]. Не исключено, что по вероисповеданию она и сама являлась тайной христианкой. Когда попытки излечить сына не привели к успеху, Тайдула, в расчете на чудо, решила обратиться за помощью к главе русских христиан митрополиту Алексию (1354–1378), с которым она была лично знакома. Ханша направила к митрополиту посла от своего имени. Заранее раскрыть государственную тайну о недуге хана Тайдула не имела права. Поэтому посол передал Алексию ее просьбу срочно прибыть в Орду «да посетить еа нездравие»[19]. Митрополит собрался и выехал из Москвы в Орду 18 августа 1357 г. Его караван прибыл к месту назначения после смерти Джанибека, и потому Алексий «въборзе из Орды отпоущен бысть»[20]. Позднее возникла русская летописная легенда о том, как Алексий исцелил Тайдулу от слепоты.

Согласно рассказу Муинеддина Натанзи, трагедия в ханской ставке разворачивалась по такому сценарию. Бердибек ночью прибыл в ставку лишь с 10 спутниками и тайно расположился в доме Тоглубая. Один из доверенных людей Джанибека каким-то образом узнал о самом факте заговора Бердибека и лично доложил об этом больному хану, который к тому времени пришел в себя. Джанибек забеспокоился и вызвал к себе Тайдулу. Она как могла успокоила сына и постаралась представить слова доносчика ложными. Тогда хан потребовал для доклада Тоглубая, не догадываясь о его роли в заговоре. Тоглубай, пообещав все тщательно расследовать, вышел из ханского шатра и сразу вернулся со своими людьми, которые тут же на ковре и убили Джанибека. После этого Тоглубай привел в шатер Бердибека. Тотчас был совершен обряд поднятия нового

хана на ковре, где только что убили его отца. Люди Тоглубая убивали каждого, кто не поддерживал этого акта. Не теряя времени, Бердибек вызвал к себе на аудиенцию всех царевичей рода Бату и единовременно умертвил их. Тайдула на руках принесла к Бердибеку его 8-месячного брата, прося пощадить невинное дитя. Хан убил его, ударив об землю[21]. По свидетельству русской летописи, «окаанным предстательством Товлубьевом», Бердибек избавился тогда от 12 своих кровных родственников[22]. Если поверить данным персидского историка XVII в. Хайдера Рази, то убийство Джанибека произошло 3 шаабана 758 г. х.(22 июля 1357 г.)[23].

Как показали дальнейшие события, убиты были не все возможные соперники Бердибека. Избежал гибели и калга-султан Кулпа, приходившийся хану-узурпатору родным дядей. Поскольку только русские источники сообщают некоторые подробности о Кулпе, надо полагать, что и укрылся он в русских землях. Видимо, в качестве залога благожелательного отношения будущего ордынского хана к русским князьям Кулпа тайно крестил своих сыновей, которые получили христианские имена Михаил и Иван[24]. Последнее обстоятельство, скорее всего, помогло Кулпе пережить на Руси непродолжительное время правления Бердибека и в начале осени 1359 г., после его смерти, воссесть на ордынский престол. Это же обстоятельство дало в руки родственнику Кулпы мусульманину Наврузу юридическое основание уже через 5 месяцев убить Кулпу и его сыновей и самому сделаться ханом[25].

Летом 1357 г. Тоглубай и его сторонники передали трон в Орде Бердибеку. Вскоре, как мы увидим ниже, Тоглубай был отстранен от ханской ставки, переведен далеко на запад в устье Дона, где стал представлять интересы Бердибека при азовской таможне. Лишь через 4 года, в правление Кельдибека (1361–1362), честолюбивые замыслы Тоглубая и рода бахрин воплотил в жизнь его сын Яглыбай[26]. А в 1357 г. более мощный княжеский род, во главе которого находился Могулбуга, оттеснил род бахрин от кормила власти. Улугбеком в правительстве Бердибека стал Могулбуга, получивший возможность командовать всеми воинскими формированиями родовых князей[27]. Вторым сановником при Бердибеке, который распоряжался ордынской канцелярией и финансами и именовался везиром, остался Сарай-Тимур[28]. Последний был назначен

везиром Бердибека еще в Азербайджане, а теперь стал везиром всеордынским. И не нашлось силы, которая отрешила бы его от этой должности. Объяснялось это тем, что Сарай-Тимур принадлежал к могущественному роду кунграт. Из этого рода происходила жена самого Чингис-хана, жены Джучи и сына его Бату, а также многих других ордынских ханов[29].

Получив трон и укомплектовав правительство путем далеко не праведным, Бердибек обязан был оплатить оказанную ему помощь соответствующей группировке родовых князей. Средства для этого предстояло еще добыть. Любой завоевательный поход в той ситуации явился бы авантюрой, на которую ни хан, ни его окружение не могли решиться, не имея за спиной сколько-нибудь прочного тыла. Стабильный доход давали ежегодные натуральные и денежные поступления дани — «выхода» из русских княжеств. Однако эти доходы, поступавшие весной и осенью, служили для покрытия традиционных статей расходов, без которых Ордынское государство не могло функционировать. Возникла острая потребность произвести чрезвычайные сборы. Эта крайне болезненная для Руси мера Бердибека нашла отражение в русских источниках, которые отмечали: «Того же лета прииде посол из Орды от царя именемъ Итъкара по запрос ко всем князем роусьским»[30]. Другим традиционным источником денежных поступлений было переутверждение документов на право владения — ханских ярлыков, которое неизменно производилось каждым новым ханом. Фактически все русские князья вновь и вновь выкупали эти «жалованные грамоты» на свои княжества, для чего лично приезжали в ханскую ставку. Такой исход русских князей из своих владений в Орду последовал и зимой 1357 г.[31] Несмотря на то, что ордынская администрация освобождала русское духовенство от ежегодных налогов и повинностей, русские митрополиты должны были регулярно ездить в Орду к очередному хану и выкупать свои ярлыки за непомерные «подарки». Так, в ноябре 1357 г. получил у Бердибека ярлык и митрополит Алексий[32].

К названным источникам пополнения государственной казны относилась и практика выдачи новыми ханами подтвердительных ярлыков на все заключенные прежде соглашения по торговле с зарубежными странами, а также подписание новых такого рода до-

говоренностей. Мало того, что хан обязательно получал при этом крупную сумму в виде одноразового подарка, зарубежные дипломаты должны были начинать всю процедуру оформления ярлыков заново. Они обращались к высшим государственным сановникам с просьбой изложить перед ханом очередное ходатайство. При этом нужно было платить каждому сановнику. Последние излагали государю прошение иноземцев. В случае положительного решения вопроса назначалась монаршая аудиенция, во время которой подарки вручались зарубежными послами не только лично хану, но и его матери, а также его женам и детям. Допустим, в итоге оформлялся ярлык, в котором перечислялись права и обязанности приезжих купцов. Параллельно от имени хана выправлялись документы, адресованные местным начальникам, которым предписывалось осуществлять надзор за исполнением пунктов торгового соглашения, зафиксированного в ярлыке, в данном регионе. Тут же писалось адресованное тем же купцам распоряжение от лица местного начальника, в котором практически повторялись условия ханского ярлыка. И за это опять-таки нужно было платить.

Во время своего пребывания в ставке Бердибека, осенью 1358 г., венецианские послы Джованни Квирини и Франческо Бон получили, т. е. выкупили, не только подтверждение на право проживания и торговли в Азове, оформленное в виде ханского ярлыка[33]. Они также оплатили переоформление документации на право поселения и торговли на крымском побережье в Провато (бухта Двуякорная), полученное еще при Джанибеке в 1356 г. Это право было дополнено разрешением заходить и торговать, на условиях выплаты 3%-ного торгового налога, в крымских портах Калитре, или Калиере (Коктебель), и Солдайе (Судак). Если на Провато генуэзцы не претендовали, то Коктебель и Судак давно уже использовались ими как торговые фактории. Так что венецианцам такое разрешение принесло лишние осложнения со своими извечными торговыми конкурентами, а ордынская сторона получила за это дополнение тройную плату. Перечисление условий торговли в названных крымских портах сохранилось в соответствующем послании к венецианским купцам, составленном в сентябре 1358 г. от лица нового правителя Крыма Кутлуг-Тимура[34].

Приступаем к последовательной реконструкции содержания

статей ярлыка Бердибека от 1358 г., имея перед глазами текст его итальянского перевода и руководствуясь уже традиционной для нас методикой.

Статья *обращение*: La parola de Berdibech del pouolo deli Mogoli a signori de Chumani C X Baroni e tuti queli che se sotomesi a Molgabei e ali signori dele citade e a tuti li offitiali e tuti mesadegi ambaxadori che ua e che viem e ali comercleri e a queli del pedazo e a tuti queli che se offitiali delo imperio e a tuto lo pouolo e a tuti quanti[35]. — «Бердибека слово народа монголов к правителям тюменов, сотен, десятков баронам и всем тем, кто подчиняется Молгабею, и к правителям городов, и ко всем чиновникам, и всем послам-посланникам, которые странствуют и которые путешествуют, и к сборщикам коммеркия, и к тем, кто собирает дорожную пошлину, и ко всем тем, кто является чиновниками империи, и ко всему народу, и ко всем в целом».

Оборот *указ* — «Бердибека слово» — дает пищу для размышлений прежде всего своей краткостью. При указе полностью отсутствует элемент *мотивировка*. Причину этого мы усматриваем в том, что перевод ярлыка изначально осуществлялся не с монгольского языка. В противном случае любой язык-посредник в той или иной форме передал бы обязательную в монгольском оригинале мотивировку. Нашу уверенность в этом подкрепляют мотивировки при указах в ярлыках Узбека и Джанибека, переведенные на латынь через посредство тюркского языка[36], и мотивировка при указе в ярлыке Джанибека, переведенная на итальянский через посредство персидского языка[37].

На каком же языке был написан оригинал ярлыка Бердибека? Мы полагаем, что на тюркском, буквами уйгурского алфавита. Будь он начертан по-персидски или даже по-тюркски, но литерами арабского алфавита, тогда перед статьей *обращение* непременно находилась бы статья *богословие*. Известно, что Мухаммед Бердибек был правоверным мусульманином[38]. Формула прославления бога в начале официального документа была обязательной, но лишь в тех случаях, когда этот документ писался арабицей. Подтверждение тому мы видим в ярлыке Тимур-Кутлука от 1398 г., начертанном уйгурицей по-тюркски. Статьи *богословие* там нет, как нет и *мотивировки* при *указе* в статье *обращение*[39].

На первый взгляд несколько смущает отсутствие в итальянском переводе притяжательного местоимения при слове «слово». В переводах ярлыков Узбека и Джанибека с монгольского на латынь через посредство тюркского языка читалось «наше слово»[40]. Мы объясняем отсутствие притяжательного местоимения в переводе указа ярлыка Бердибека именно тем обстоятельством, что перевод осуществлялся напрямую с тюркского оригинала. В ордынских формулах XIV в., сразу писавшихся по-тюркски, монгольская формула «слово наше» передавалась как «слово мое» (sözüm), где притяжательное местоимение «мое» выражалось через аффикс принадлежности, писавшийся слитно со «словом»[41]. Переводчик, впервые столкнувшийся с необходимостью дословной передачи этой формулы, счел возможным ограничиться в своем переводе одним «словом».

Реконструированное содержание первого оборота статьи *обращение* — «Мое, Бердибека, слово».

Содержание обширного второго оборота статьи — *адресата* — реконструируем по составляющим его элементам.

Элемент «народа монголов» впервые встретился в итальянском переводе *адресата* ярлыка Джанибека от 1347 г. в форме «к народу монголов». При реконструкции содержания ярлыков Узбека и Джанибека от 1342 г. наличие этих элементов мы просто домыслили. Руководствуясь оригинальными текстами позднейших ордынских и крымскоханских ярлыков, мы реконструировали этот элемент как официальное наименование Золотой Орды, поставленное в родительном падеже, — «Монгольского государства»[42]. Сохраняем эту реконструкцию.

Элемент «к правителям тюменов, сотен, десятков баронам и всем тем, кто подчиняется Молгабею» практически повторяет таковой же в ярлыке Джанибека от 1347 г.[43] В подстраничных примечаниях к публикации текста итальянского перевода ярлыка Бердибека приводятся многие разночтения из другого списка перевода этого ярлыка. Мы узнаем, в частности, что непонятное слово Chumani следует читать Tumane («тюменов»), вместо C X лучше читать Centenera et dexene («сотен и десятков»), для имени Molgabei предпочтительнее вариант Molgabogabei («Могулбуга-бей»). Итальянский перевод такого же элемента в ярлыке Джанибека дает

право утверждать, что в ярлыке Бердибека перед словами «сотен и десятков» явно пропущена конструкция de li miera («тысяч»). Отсутствие в адресате ярлыка Бердибека слов «возвещающее повеление» объясняется тем, что в тюркском формуляре ордынских ярлыков это сочетание вообще не употреблялось. Имя могущественного военачальника Могулбуги, пережившего нескольких ханов и в первые два года правления Бердибека состоявшего при нем улугбеком, достаточно хорошо известно. Реконструированное содержание элемента — «князьям тюменов, под началом с Могулбугой, тысяч, сотен и десятков».

Элемент «и к правителям городов» в той или иной форме присутствовал во всех предыдущих ярлыках, выданных венецианским купцам Азова. Руководствуясь монгольским формуляром чингисидских актов, мы реконструировали содержание элемента словами «даругам-князьям городов»[44]. Наша задача по уточнению содержания этого элемента в цитированных тюркских текстах ярлыков Токтамыша и Тимур-Кутлука осложняется рядом обстоятельств. Ярлык Токтамыша сохранился в подлиннике, но обращение в нем ограничено территорией одного Крымского тюмена. Потому элемент там сводится только к обозначению правителей городов — «даругам-князьям» (daruγa begläriŋä). В тексте дошедшей до нас дефектной копии ярлыка Тимур-Кутлука присутствуют слова «внутренних городов» (ički kändläriniŋ). Слова, обозначавшие правителей («даругам-князьям») в копии опущены, как исключены в ней и слова «Монгольского государства» в начале оборота. Реконструируем содержание элемента в ярлыке Бердибека — «даругам-князьям внутренних городов».

Что же это за «внутренние города»? Мы полагаем, что речь идет об ордынских населенных пунктах, расположенных внутри страны, а не на ее границах. В ярлыке Джанибека от 1347 г. мы уже встречались со специальным оборотом, в котором венецианцам предписывалось не причинять никакого ущерба «приморским селениям» Монгольского государства, которые там выступали в роли пограничных, т. е. «внешних городов»[45]. Очевидно, статус внешних и внутренних городов был различным. Например, турецкий путешественник Эвлия Челеби, посетивший Старый Крым в середине XVII в., объяснял отсутствие в нем крепостного гарнизона тем, что

город располагался внутри Крымского полуострова, а не на его пограничной территории[46].

Элемент «и ко всем чиновникам» в прежних ярлыках, выданных венецианским купцам Азова, или совсем не встречался, или, скорее всего, просто не нашел отражения в их латинских и итальянских переводах. Итальянское слово offitiale (ufficiale), которое обычно переводится на русский как «чиновник», может обозначать служащего какой-либо канцелярии. В обращении ярлыка Токтамыша за правителями городов следуют представители мусульманского суда и духовенства, которые в ярлыке, предназначенном для христиан, неуместны. За ними идет обозначение служащих государственной канцелярии — «битикчиям дивана» (divan bitigčiläriŋä). В копии ярлыка Тимур-Кутлука мы наблюдаем ту же картину. Считаем, что последний элемент полностью соответствует нашим «всем чиновникам». Дело в том, что слово «диван» обозначало некую совокупность, например сборник стихов. Переводчик понял его буквально и передал по-итальянски словом tuti (tutto) «все». Однако словом «диван» обозначалась еще и государственная канцелярия, и отдельные ведомства, и суд (трибунал). Слово «битикчи» в монгольских и тюркских актах обозначало служащего государственной канцелярии, дословно — писца. Реконструкция содержания элемента — «служащим государственной канцелярии».

Элемент «и всем послам-посланникам, которые странствуют и которые путешествуют» отсутствует в ярлыке Токтамыша, а в копии ярлыка Тимур-Кутлука находится малопонятное словосочетание, в свое время реконструированное нами в форме «странствующим и путешествующим послам-посланникам» (jorur ešür elči jolavčïlarγa)[47]. Очевидно, что наша реконструкция дословно повторяет элемент, представленный в итальянском переводе ярлыка Бердибека. Форма парного синонима «послы-посланники» — еще одно свидетельство в пользу нашего утверждения о том, что ярлык Бердибека был изначально начертан по-тюркски. Синонимичная пара «странствующие и путешествующие» для краткости заменяется словом «проезжие», которое, на наш взгляд, представляет собой адекватную замену, подчеркивающую, что конечной целью «послов», т. е. государственных служащих, направленных центральным аппаратом для выполнения определенной миссии, не является

место проживания данных грамотчиков — держателей ярлыка. Переводчик с тюркского подлинника на русский язык ярлыка Бердибека от 1357 г. нашел еще одно, очень удачное, заменяющее слово — «мимохожие»[48]. Слова «всем» в начале итальянского перевода элемента, конечно, не было в подлиннике. Переводчик повторил его по инерции вслед за «всеми» чиновниками. Реконструкция содержания элемента — «проезжим послам».

Элемент «и сборщикам коммеркия» имеет место в ярлыках и Токтамыша и Тимур-Кутлука в стабильной форме «таможникам и весовщикам» (tamγačï tartanaqčïlarïŋa). Этот элемент присутствовал и во всех предыдущих ярлыках, выданных венецианским купцам Азова[49]. Сохраняем прежнюю форму реконструкции содержания элемента — «таможникам и весовщикам».

Элемент «и к тем, кто собирает дорожную пошлину», был четко зафиксирован только в латинском переводе ярлыка Узбека[50]. В тюркских текстах ярлыков Токтамыша и Тимур-Кутлука он нашел отражение в форме парного термина, который мы переводим в целом так же, как и в ярлыке Узбека, словами «караульщикам и заставщикам» (bökäül tutqaullarïŋa). Термин «туткаул» ранее уже анализировался[51], а рассмотрению слова «бёкэуль» мы рассчитываем посвятить специальное место при реконструкции содержания русского перевода ярлыка Бердибека от 1357 г. Вообще представляется, что слова, составляющие парный термин, более сложные по содержанию, чем их утилитарная итальянская передача — «сборщики дорожной пошлины». Предварительная реконструкция содержания элемента — «караульщикам и заставщикам».

Элемент «и ко всем тем, кто является чиновниками империи», надо полагать, соответствует по содержанию элементу в ярлыке Токтамыша «всякого рода служб начальникам» (nekim hirfät aγalarïŋa). Сочетание hirfät aγasï в смысле «ремесленный мастер»[52] в отдельных случаях возможно. Однако в нашем примере речь идет о должностных лицах именно разного рода служб. Например, в ярлыке Тимур-Кутлука называются «ямщики и заготовители продовольствия» (jamčï susunčïlar), «сокольники и звериные ловцы» (quščï barsčïlar), «лодочники и мостовщики» (kemäči köprükčülär). Пожалуй, только последняя пара чиновников имела отношение к ремеслу, да и то косвенное, ибо в основную задачу начальников ло-

дочников и мостовщиков входило обеспечение бесперебойной службы переправ через водные преграды и труднопроходимые места на суше. Для осуществления этой цели они занимались не столько созданием переправочных средств, сколько реквизицией уже готовых судов, плотов, мостов и гатей у окружающего местного населения. Оставляем в качестве реконструкции содержания элемента слова «всякого рода служб начальникам».

Элемент «и ко всему народу» является неудачным итальянским переводом известного по предыдущим монгольским ярлыкам Узбека и Джанибека элемента «многим людям». В ярлыке Токтамыша он не представлен. В ярлыке Тимур-Кутлука концовка обращения выпала из текста копии. В более поздних тюркоязычных золотоордынских и крымскоханских ярлыках этот элемент представлен в форме «многим людям» (köp kiši)[53]. Сохраняем эту форму в качестве реконструкции содержания элемента.

Элемент «и ко всем в целом» широко известен по монгольским и тюркским текстам чингисидских ярлыков. В ярлыке Токтамыша он представлен тюркским словом «всем» (barčaγa).

На этом заканчивается рассмотрение отдельных элементов, составляющих оборот *адресат* статьи *обращение*. Прежде, дойдя до этой фазы исследования, мы переписывали подряд все элементы *адресата*, объединяли их с оборотом *указ* и получали реконструированное содержание статьи *обращение* в целом. Теперь, когда свежа еще в памяти новая реконструкция содержания оборота *указ*, осуществленная применительно к предполагаемому монгольскому оригиналу ярлыка Джанибека от 1347 г.[54], изменилось и наше отношение к интерпретации содержания оборота *адресат* той же статьи. Оборот *указ* в монгольских текстах ярлыков как бы охватывал оборот *адресат* сверху и снизу. Структурно «наше слово» определенного хана предназначалось целому ряду представителей адресата, а в самом конце статьи оказывалось, что это «слово» является «возвещающим ярлык». При русской передаче содержания оборота мы соединили элемент «наше слово» с элементом «возвещающее ярлык». В оригинальных тюркских текстах ордынских ярлыков элемент «возвещающее ярлык», заключавший статью, отсутствовал. Элементы же, составлявшие оборот *адресат* в той же статье, по составу и месту их расположения были одинаковыми и в монгольских.

и в тюркских текстах ярлыков.

Теперь мы видим, что оборот *адресат* в монгольских и тюркских текстах ярлыков, как и первый оборот статьи *обращение*, имел необычную, «охватывающую» структуру. Перечисляемые в обороте представители адресата подразделялись на два разряда. Первый (главный) разряд включал в себя перечень стабильных, «номенклатурных» должностных лиц Ордынского государства сверху донизу. Этот перечень начинался после слов «Монгольского государства» и заканчивался перед словами «странствующим и путешествующим». При этом последнее, «всеохватное» слово первого разряда — «всем» — находилось в самом конце оборота в монгольских текстах ярлыков. Для тюркских текстов слово «всем» являлось к тому же и последним словом данной статьи.

Второй разряд представителей адресата включал в себя перечень предполагаемых чиновников, имевших право проезда через территорию, на которую распространялись льготы для данного держателя ярлыка. Этот перечень начинался словами «странствующим и путешествующим» и, как правило, заканчивался словами «многим людям». Следует иметь в виду, что должностные лица второго разряда в тюркских текстах ярлыков почти всегда группировались в пары, формально объединяемые в конце пары общим показателем множественного числа и дательного падежа.

Поскольку изменился наш взгляд на концепцию статьи *обращение* в целом, то при реконструкции ее содержания в данном случае это обстоятельство должно найти свое формальное воплощение. Наша реконструкция содержания статьи *обращение* принимает теперь следующий вид: «Мое, Бердибека, слово Монгольского государства всем князьям тюменов, под началом с Могулбугой, тысяч, сотен и десятков, даругам-князьям внутренних городов, служащим государственной канцелярии, а также многим странствующим и путешествующим людям, всякого рода служб начальникам, послам и посланникам, таможникам и весовщикам, караульщикам и заставщикам». Следует внести соответствующие коррективы и в нашу прежнюю реконструкцию содержания одноименной статьи в ярлыках Узбека и Джанибека, выданных венецианским купцам Азова.

Статья *объявление о пожаловании*: Li Veniciani franchi delo Doxe de Venexia a mandado domandando, sporse la peticion, e dise: lo Im-

perador Vsbech in lo so tempo sporzando la peticion ali nostri franchi in la Tana desparte dali Zenoesi, che nuy debiemo habitar e far la nostra marcadantia, digando alo imperador chen de debia dar luogo desparte dali Zenoesi, che nuy debiemo habitar e far la nostra marcadantia fazando cossi la nostra marcadantia deuemo pagar III per C., sporzando la nostra peticion, pagando III per C.: la gratia fo fata; e si a dado comandamento e paysam. E in lo tempo de Zanibech, cosi auemo sporta la nostra peticion, segondo l'oltro comandamento fo confermada la gratia. Dapuo dada questa gratia, un homo insido dentro da nuy, lo qual a fato mal, e per lo mal che aueua fato questo homo, lo imperador Zanibech si se coroza, e per lo corozar delo imperador plusor ani li marcadanti romase de uegnir; e quelo rio homo che a fato lo mal si lo auemo spauentado. Ancora lo imperador Zanibech a fato la gratia ali nostri franchi Veniciani in la Tana segondo li comandamenti primeri, dagandoli teritorio; algum no li faza ali nostri franchi Veniciani forzo ni violentia; se li fara marcado, che li debia pagar V. per C. e per lo canter delo pexo segondo li tempi pasadi. Su lo mar la che va la nostra parola ali Saraxini marcadanti e pelegrini deli nostri nauilij, naue e galie, se li fara dano, e in la riua de lo mar, e alo pouolo de li Mogolli e ali casali dali Ueniciani franchi, se li fara danno, colui che fara questo dano, segondo lo nostro poder lo debiemo atrouar, e darlo; e se nuy no lo troueremo, faremolo a sauer suso. Cosi a mio pare lo imperador Zanibech a plaxuda la peticion che lo pare per lo fio, ni lo fio per lo pare, ni lo frar menor debia auer pena per lo mazor, ni lo mazor per lo menor; e cosi fo fata la gratia ali Veniciani franchi, che debia habitar in la Tana, dalo bagno se Safadin inuer leuante per longeza passa cento, e per largeza defina ala riua delaqua passa LXX; che li signori dela Tana debia consegnar questo teren, e cossi auemo dado lo comandamento. E nuy, Berdibech, segondo lo comandamento primier fazemo gratia ali franchi Veniciani in la Tana, li confermemo lo dito terem, che li debia habitar e far la soa marcadantia[55]. — «Венецианские франки, направленные с запросом от дожа Венеции, изложили [нам] прошение, говоря: "Императору Узбеку в его время было изложено прошение наших франков в Тане, что мы должны жить и производить нашу торговлю отдельно от генуэзцев; говоря, что императору должно даровать место отдельно от генуэзцев, в котором нам надлежит жить и производить нашу торговлю; производя же нашу торговлю, мы должны

выплачивать 3 с 100. По изложении нашего прошения, с условием выплаты трех с сотни, пожалование было дано и выданы повеление и пайцза. И во время Джанибека также было изложено наше прошение и, сообразно прежнему повелению, было подтверждено пожалование. После того, как было дано пожалование, некий коварный человек из нашей среды содеял некое зло; и на зло, которое было содеяно этим человеком, император Джанибек разгневался; и вследствие гнева императора несколько лет торговцам было запрещено приезжать; и тот злодей, который содеял зло, был устрашен. Еще раз императором Джанибеком было дано пожалование нашим венецианским франкам в Тане, в соответствии с первым повелением, дан участок земли; никто не должен применять по отношению к нашим венецианским франкам ни силу, ни принуждение; если они будут торговать, то должны выплачивать пять с сотни, а за взвешивание кантаром — сообразно прошлому времени. Тем нашим, которые путешествуют по морю, слово: Если будет причинен ущерб сарацинским торговцам и паломникам на наших кораблях, навах и галеях, или будет причинен ущерб на морском побережье и народу монголов, и поселениям венецианских франков, то того, кто причинил этот ущерб, в соответствии с нашими возможностями, мы должны схватить и выдать [императору], а если мы не сможем его отыскать, то должны сообщить о нем [императору]". Также и моим отцом, императором Джанибеком, было найдено приемлемым прошение, по которому ни отец за сына, ни сын за отца, ни младший брат не должен нести наказание за старшего, ни старший — за младшего; и им было дано пожалование венецианским франкам, которым надлежало проживать в Тане от бани Сафадина на восток в длину сто шагов и в ширину, определяемую от берега [реки], 70 шагов; каковой участок земли должен был передать правитель Таны; и также было выдано повеление. И мы, Бердибек, согласно первому повелению, даем пожалование венецианским франкам в Тане, утверждаем за ними названный участок земли, где они должны жить и производить свою торговлю».

Вторая статья ярлыка Бердибека состоит из довольно громоздкого оборота *прецедент пожалования*, который нужно рассматривать по составляющим его элементам, и компактного оборота *объявление о пожаловании*.

Элемент — «Венецианские франки, направленные с запросом от дожа Венеции, изложили [нам] прошение, говоря» — открывает целый набор элементов, составляющих историческую справку о прежних пожалованиях и ярлыках, выданных венецианским купцам Азова. Деепричастие «говоря» (tep), очень характерное для тюркских текстов, заменяет здесь двоеточие, после которого следует прямая речь венецианских послов. Смысловой стержень подобного элемента в тюркском тексте ярлыка Тимур-Кутлука заключен в формуле «так как он обратился [к нам] с прошением» (ötündü ersä). Реконструированное содержание элемента: «Так как послы венецианского дожа обратились к нам с прошением».

Элемент — «Императору Узбеку в его время было изложено прошение наших франков в Тане, что мы должны жить и производить нашу торговлю отдельно от генуэзцев; говоря, что императору должно даровать место отдельно от генуэзцев, в котором нам надлежит жить и производить нашу торговлю; производя же нашу торговлю, мы должны выплачивать три с сотни. По изложении нашего прошения, с условием выплаты трех с сотни, пожалование было дано и выданы повеление и пайцза» — передает содержание ярлыка Узбека от 9 октября 1332 г.[56] Реконструированное содержание элемента: «В правление хана Узбека наши купцы просили у него разрешения на проживание и торговлю в Азове отдельно от генуэзцев и с условием выплаты 3%-ного торгового налога, хан пожаловал их и выдал ярлык с пайцзой».

Элемент — «И во время Джанибека также было изложено наше прошение и, сообразно прежнему повелению, было подтверждено пожалование» — передает содержание ярлыка Джанибека от 30 сентября 1342 г.[57] Реконструированное содержание элемента: «В правление хана Джанибека они повторили свое прошение, и пожалование им было подтверждено сообразно с условиями первого ярлыка».

Элемент — «После того как было дано пожалование, некий коварный человек из нашей среды содеял некое зло; и на зло, которое было содеяно этим человеком, император Джанибек разгневался; и вследствие гнева императора несколько лет торговцам было запрещено приезжать; и тот злодей, который содеял зло, был устрашен. Еще раз императором Джанибеком было дано пожалование нашим венецианским франкам в Тане, в соответствии с первым повелени-

ем, дан участок земли; никто не должен применять по отношению к нашим венецианским франкам ни силу, ни принуждение; если они будут торговать, то должны выплачивать пять с сотни, а за взвешиванием кантаром — сообразно прошлому времени» — передает содержание ярлыка Джанибека от 26 декабря 1347 г.[58] Реконструированное содержание элемента: «Впоследствии один из наших людей совершил злодеяние, вызвавшее гнев хана Джанибека, который запретил нашим торговцам несколько лет приезжать в Азов. Когда мы устрашили злодея, Джанибек еще раз пожаловал наших торговцев и в соответствии с первым ярлыком дал им участок земли в Азове и запретил применять по отношению к ним силу. В случае, если они будут торговать, им надлежало платить 5%-ный налог, размер весового сбора определялся тогда в соответствии с прежним обычаем».

В этом отрывке обращает на себя внимание появление термина «кантар» («весы»), бытование которого в ярлыке Джанибека от 1347 г. мы относили за счет того, что монгольский оригинал ярлыка перелагался тогда на итальянский через посредство персидского языка[59]. Если быть последовательными, то остается допустить, что и ярлык Бердибека переводился с оригинала на итальянский через посредство персидского языка. Но оригинал ярлыка Бердибека создавался сразу по-тюркски буквами уйгурского алфавита. Это мы определили путем анализа первой статьи ярлыка. Зачем же было венецианцам проделывать двойную работу (тюркский текст переводить на персидский язык, а уж с него — на итальянский), если первые два ярлыка венецианским купцам Азова они переводили с монгольского оригинала через посредство тюркского языка?

Вспомним имена переводчиков с тюркского на латынь первых двух ярлыков. Ярлык Узбека переводил монах доминиканского ордена брат Доминик[60], а переводчиком первого ярлыка Джанибека был венецианец магистр Никола[61]. Иными словами, перевод первых двух известных нам ордынских актов с монгольских оригиналов на тюркский язык осуществлялся для венецианцев в ханской канцелярии. Тюркские тексты тех ярлыков перелагались на официальную латынь уже европейцами за пределами ханской канцелярии. Получалось, что ордынская канцелярия не справлялась тогда полностью с задачей оформления актов, которые были бы одинаково понятны-

ми для обоих контрагентов. Ярлык Джанибека от 1347 г. с монгольского оригинала перевел на персидский язык Иман Юсуф-катиб[62]. Видимо, он же письменно переложил свой перевод и на разговорный итальянский язык, одинаково доступный ордынским толмачам и венецианским дипломатам. Следующие два письма, дошедшие до нас и адресованные венецианцам, были составлены в канцелярии Джанибека от имени правителя Крыма Рамадана 4 марта 1356 г. Они были переведены с изначального текста на персидский, а с него переложены на венецианский диалект итальянского языка. Пометы относительно писца или переводчика в этих документах отсутствовали[63]. Ярлык Бердибека от 1358 г. был изначально составлен по-тюркски, с которого переведен на разговорный итальянский через посредство персидского языка. Персидский и итальянские переводы выполнял Сабахаддин-катиб. Прежде мы полагали, что изначальным языком писем Рамадана от 1356 г. был монгольский[64]. Теперь же склоняемся к мысли, что эти послания переводились прямо с тюркского на итальянский через посредство персидского языка и опять-таки переводчиком-персом.

Сказанное дает основание для следующих двух допущений. Во-первых, в правление Джанибека в отделе ордынской канцелярии, ведавшем перепиской с Венецией и ее подданными на территории Орды, произошел переход с тюркского языка-посредника на персидский. Этот переход случился в промежутке времени между 1342 и 1347 гг. На практике он привел к качественному сдвигу в деле ордынско-итальянского взаимопонимания на уровне дипломатических связей. Во-вторых, в правление того же хана совершилось формальное слияние языка этнической общности, сложившейся на территории Золотой Орды, т. е. тюркского языка, с языком государственной канцелярии. Иными словами, прежний официальный язык документов ордынской канцелярии — монгольский — уступил место тюркскому. Это произошло между 1347 и 1356 гг.

Объяснение первому явлению мы видим прежде всего в коренных переменах в жизни Хулагуидского Ирана. Ильхан Абусаид (1317–1335) был последним монгольским государем, личность которого пользовалась авторитетом во всем государстве. После его смерти, между 1336 и 1353 гг., держава ильханов Ирана не жила, а только агонизировала накануне своего полного распада,

разорванная на отдельные территории, управлявшиеся чингисидами — марионетками в руках различных феодальных группировок[65]. Многочисленный и разветвленный аппарат управления Хулагуидской державы, укомплектованный преимущественно персами, оказался практически не у дел. Значительная часть чиновников-персов переселилась в Золотую Орду и предложила свои услуги ордынскому хану. Тогда же в Орду хлынули представители персидского торгового и ростовщического капитала. В надежде на обретение у себя на родине стабильной монаршей власти все вместе они подготовили к концу правления Джанибека захват ордынцами Западного Ирана. В самой же Орде канцелярские чиновники-персы оттеснили на второй план тюркоязычных чиновников-уйгуров, пришедших на территорию улуса Джучи вместе с войсками Бату. Персидские канцеляристы и купцы имели многолетний опыт прямого общения со странами Запада. Очень скоро они и стали лидерами в области ордынской дипломатии и торговли.

Что касается становления тюркского языка в качестве официального языка ордынской канцелярии, то этот процесс был значительно более сложным и длительным. Он прогрессировал прямо пропорционально процессу ослабления верховной власти хана в Орде, являясь одновременно конечным этапом процесса ассимиляции языка правящей элиты (монгольского) языком подавляющего большинства населения Золотой Орды (тюркским).

Смущавшее нас прежде в итальянском переводе первой статьи ярлыка Бердибека отсутствие при слове «слово» притяжательного местоимения теперь легко и просто объясняется тем, что перевод изначального тюркского текста ярлыка через персидский язык на итальянский выполнял переводчик-перс.

Элемент — «Тем нашим, которые путешествуют по морю, слово: Если будет причинен ущерб сарацинским торговцам и паломникам на наших кораблях, навах и галеях, или будет причинен ущерб на морском побережье и народу монголов, и поселениям венецианских франков, то того, кто причинил этот ущерб, в соответствии с нашими возможностями мы должны схватить и выдать [императору], а если мы не сможем его отыскать, то должны сообщить о нем [императору]» — представляет собой подробный пересказ выдержки из того же ярлыка Джанибека от 1347 г.[66], которая в ярлыке Берди-

бека завершает прямую речь венецианских послов — их просьбу о новом пожаловании. Элемент по существу является отдельным указом Джанибека, механически вставленным в текст его жалованной грамоты. Судя по его содержанию в ярлыке Джанибека от 1347 г., перевод указа на итальянский язык в ярлыке Бердибека выполнен в ряде мест неточно и неполно.

В дополнение к комментарию по этому поводу, высказанному прежде, данный перевод дает основание к новому толкованию-уточнению. Приведенное «слово» — указ Джанибека — ограждает от возможного ущерба на море и на суше со стороны венецианцев не просто «сарацинских» (мусульманских) купцов и паломников, а именно персидских торговцев и паломников, которые в первую очередь контактировали с венецианцами и на море — в венецианских торговых судах, и на его побережье — в венецианских поселениях на территории Золотой Орды. Видимо, специальный указ Джанибека был выдан в ответ на обращение к нему не коренных жителей Орды, а купцов и паломников — выходцев из Ирана. Добавим к тому же, что этот указ впервые появился в виде интерполяции в первом персидском переводе монгольского текста ярлыка Джанибека и был повторен в персидском же переводе тюркского текста ярлыка Бердибека. Оба перевода выполнялись персидскими писцами-катибами.

Реконструированное содержание элемента: «Ханский указ относительно тех из наших людей, кто занимается морскими перевозками, предписывал им не причинять ущерба персидским торговцам и паломникам как на море, на наших навах и галеях, так и в венецианских поселениях, располагавшихся на морском побережье в пределах Монгольского государства. Венецианца, причинившего им ущерб, нам самим следовало схватить и выдать хану. В случае, если бы нам не удалось его схватить, нам надлежало сообщить хану имя преступника, чтобы сын не понес наказание за отца, отец — за сына, младший брат — за старшего, старший брат — за младшего». Естественно, теперь следует уточнить нашу прежнюю реконструкцию содержания этого указа, помещенную в ярлыке Джанибека от 1347 г.

Элемент — «Также и моим отцом, императором Джанибеком, было найдено приемлемым прошение, по которому ни отец за сы-

на, ни сын за отца, ни младший брат не должен нести наказание за старшего, ни старший — за младшего, и им было дано пожалование венецианским франкам, которым надлежало проживать в Тане от бани Сафадина на восток в длину сто шагов и в ширину, определяемую от берега [реки], 70 шагов; каковой участок земли должен был передать правитель Таны; и также было выдано повеление» — завершает собой группу элементов, составляющих оборот *прецедент пожалования* второй статьи ярлыка Бердибека. Следует отметить, что слова в этом элементе — «ни отец за сына, ни сын за отца, ни младший брат не должен нести наказание за старшего, ни старший — за младшего» — целиком относятся к окончанию указа Джанибека, защищавшего персидских купцов и паломников от посягательств на море и на суше. Выше мы уже включили их в реконструированное содержание указа.

Элемент выполняет роль главного аргумента в пользу выдачи Бердибеком ярлыка венецианским купцам именно на тот участок земли в Азове, границы которого были четко обозначены во втором ярлыке Джанибека[67]. Реконструированное содержание элемента: «И так как в свое время отец наш, хан Джанибек, признав прошение венецианцев исполнимым, дал им пожалование, по которому им надлежало проживать в Азове на участке земли, расположенном на восток от бани Сафа ад-дина в длину 100 шагов и в ширину, считая от берега реки, 70 шагов; и вышеозначенный участок должен был предоставить им правитель Азова; и выдан на то ярлык».

Отметим здесь два существенных момента. Замечание о конкретных лицах, ответственных за передачу в пользование венецианцам квартала в Азове, которое прежде было принято нами за дополнение переводчика, оказывается было представлено и в изначальном монгольском тексте ярлыка Джанибека от 1347 г.[68] Следовательно, имена этих сановников — правителя Азовского тюмена даруги-князя Черкес-ходжи и начальника азовской таможни Ак-ходжи — должны быть внесены в реконструированное содержание ярлыка Джанибека. И наконец, документально подтверждается наше допущение о том, что вторичная выдача Джанибеком ярлыка в 1347 г. одному и тому же грамотчику не сопровождалась второй золотой пайцзой. Достаточно было иметь одну на весь период правления данного хана[69].

Элемент — «И мы, Бердибек, согласно первому повелению, даем пожалование венецианским франкам в Тане, утверждаем за ними названный участок земли, где они должны жить и производить свою торговлю» — заключает в себе оборот *объявление о пожаловании* и завершает вторую статью ярлыка Бердибека.

Реконструируем содержание второго оборота статьи *объявление о пожаловании*: «Также и мы, рассмотрев их прошение и признав его исполнимым, повелели: Пусть эти венецианцы, наше пожалование получившие, живут в Азове на указанном участке земли и производят свою торговлю в соответствии с правилами предыдущего ярлыка!» При реконструкции содержания этого элемента мы воспользовались лексикой соответствующего оборота в ярлыке Тимур-Кутлука, где присутствуют такие составляющие, как «мы повелели» (tedimiz), «прошение» (ütül), «признав исполнимым» (jöp körüp), «наше пожалование получивший» (biziŋ sujurγal bulup), «в соответствии с правилами» (josunïča).

В результате реконструкции содержания статья *объявление о пожаловании* в полном объеме будет выглядеть следующим образом: «Так как послы венецианского дожа обратились к нам с прошением: "В правление хана Узбека наши купцы просили у него разрешение на проживание и торговлю в Азове отдельно от генуэзцев и с условием выплаты 3%-ного торгового налога, хан пожаловал их и выдал ярлык с пайцзой. В правление хана Джанибека они повторили свое прошение, и пожалование им было подтверждено сообразно с условиями первого ярлыка. Впоследствии один из наших людей совершил злодеяние, вызвавшее гнев хана Джанибека, который запретил нашим торговцам несколько лет приезжать в Азов. Когда мы устрашили злодея, Джанибек еще раз пожаловал наших торговцев и в соответствии с первым ярлыком дал им участок земли в Азове и запретил применять по отношению к ним силу. В случае, если они будут торговать, им надлежало платить 5%-ный торговый налог, размер весового сбора определялся тогда в соответствии с прежним обычаем. Ханский указ относительно тех из наших людей, кто занимается морскими перевозками, предписывал им не причинять ущерба персидским торговцам и паломникам как на море, на наших навах и галеях, так и в венецианских поселениях, располагавшихся на морском побережье в пределах Монгольского государства. Ве-

нецианца, причинившего им ущерб, нам самим следовало схватить и выдать хану. В случае, если бы нам не удалось его схватить, нам надлежало сообщить хану имя преступника, чтобы сын не понес наказание за отца, отец — за сына, младший брат — за старшего, старший брат — за младшего". И так как в свое время отец наш, хан Джанибек, признав прошение венецианцев исполнимым, дал им пожалование, по которому им надлежало проживать в Азове на участке земли, расположенном на восток от бани Сафа ад-дина в длину 100 шагов и в ширину, считая от берега реки, 70 шагов; и вышеозначенный участок должен был предоставить им правитель Азова; и выдан на то ярлык. Также и мы, рассмотрев их прошение и признав его исполнимым, повелели: Пусть эти венецианцы, наше пожалование получившие, живут в Азове на указанном участке земли и производят свою торговлю в соответствии с правилами предыдущего ярлыка!»

Статья *условия пожалования*: Zustamente pagando V. per C. E del canter debia pagar segondo lo tempo pasado. E se li no uendera, lo comercler non li debia domandar comerclo; e intrando e insiando, algum no li debia cerchar, e de le so chare debia pagar lo tartana, segondo li tempi pasadi. Oro e oro filado e argento, no se pagaua comerclo, ni no se debia pager. Le cose che se pexa cum canter, lo comercler e lo consolo debia meter vn compagnon per zascum, che debia pexar zustamente, pagando V. per C., e de lo peso segondo li tempi usadi che debia pagar. Quando li sanseri fara marcado, se li da caparo, quelo marcado no se debia desfar. Lo nauilio de lo chebe, e naue de una cheba, debia dar lancorazo segondo lo tempo pasado. E per le arme Tolobey per zascum nauilio domanda gratia, che per zascum nauilio deuese tuor tre sumi, e foli dado comandamento, per lo fato de li nauilij, lo signor grando, zoe Taydelucaton de lo so comerclo stete a dar questi tre sumi per nauilio, digando lo imperador Berdibech, chel mio signor ala Tana li suo comercleri e li suo mesi, che tien lo auer deli nauilij, che vignera in la Tana, li mesi dela dona debia pagar ali mesi de Tolobey li tre sumi per nauilio. A questi franchi, uoia Tolobei uoia suo mesi, negum li debia tuor niente. E fazando chuori freschi in la Tana, che li debia pagar al comerclo grando aspri L. et a lo comerclo pizolo aspri XL. Cum li homeni de la Tana, se briga se fara cum li Veniciani, che lo signor de la tera e lo consolo imsembre debia spartir, azo chel no se pia vn per loltro. Se nauilij de

Veniciani se rompese in lo terem de li Mogoli, che li baroni ni offitiali no li debia robar, ni tochar; le uarde deli Ueniciani, che li la debia far a si medeximi, e li franchi Zenoesi noli debia impazar.[70] — «[Венецианцы должны торговать] честно, выплачивая пять с сотни. И за весы они должны платить сообразно прошлому времени. И если они не торгуют, то сборщики коммеркия не должны взыскивать коммеркий. И въезду, и выезду их никто не должен препятствовать; и со своих повозок они должны платить тартанак сообразно прошлому времени. Золото, золотая канитель и серебро [в прошлом] не облагались коммеркием, и [ныне] не должно его платить. При товаре, который взвешивается посредством кантара, сборщик коммеркия и консул должны поставить одного помощника для каждого, которые должны взвешивать честно, взимая плату пять с сотни; и за весы должно платить сообразно прошлому времени. Когда в торговой сделке принимает участие торговый посредник, то, если он выдал задаток, такая торговая сделка не должна расторгаться. С корабля с двумя мачтами и судна с одной мачты должно платить "якорное" сообразно с прошлым временем. И на оружие Толобей с каждого корабля просил пожалование, по которому с каждого корабля [ему] надлежит запрашивать три сома; и [нами] было дано повеление относительно их кораблей; великая государыня, т. е. Тайделюкатон, со своего коммеркия должна дать эти три сома с корабля, говоря: "Император Бердибек, который мой господин в Тане, его сборщики коммеркия и его ставленники, которые сохраняют добро с кораблей, которые приезжают в Тану; ставленники государыни должны выплачивать ставленникам Толобея три сома с корабля". У этих [венецианских] франков волею Толобея, волею его ставленников. никто не должен запрашивать ничего. И, заготавливая невыделанные шкуры в Тане, [венецианцам] надлежит выплачивать большой коммеркий 50 аспров [с сотни] и малый коммеркий 40 аспров [с сотни]. Если случится ссора людей Таны с венецианцами, то правитель города и консул должны разрешить ее вместе. Так, чтобы один не пострадал за другого. Если корабли венецианцев разобьются на земле монголов, ни баронам, ни чиновникам не должно их ни грабить, ни трогать. Охрану венецианцам надлежит наладить себе самим, и тому генуэзские франки не должны препятствовать».

При первом же взгляде на эту внушительную по объему статью

обращает на себя внимание отсутствие у нее оформленного начала. Если объединить второй оборот статьи *объявление о пожаловании* с анализируемой статьей, то все встает на свои места. Иными словами, в итальянском переводе ярлыка Бердибека оборот *объявление о пожаловании* нераздельно слит со статьей *условия пожалования*. Вспомним, что при реконструкции содержания ярлыка Узбека и обоих ярлыков Джанибека мы встречались с той же картиной[71].

Оригинальные тексты рассмотренных нами ярлыков Узбека и Джанибека были написаны по-монгольски. Однако убедились мы в этом только после завершения анализа итальянского перевода ярлыка Джанибека. Поскольку прежде мы думали, что в основе названных ярлыков лежали тюркские оригиналы, то и реконструкцию их содержания осуществляли, сообразуясь с тюркской формой статей, известной из позднейших тюркских текстов ярлыков Токтамыша и Тимур-Кутлука. Статья *условия пожалования* в них стабильно начиналась словами «отныне и впредь» (bu kündin ilgäri). Эти слова мы аккуратно воспроизводили при реконструкции содержания соответствующих статей в ярлыках Узбека и Джанибека[72].

На самом же деле в монгольских текстах чингисидских ярлыков статья *объявление о пожаловании* составляла с пунктами условий пожалования единый блок и формально не разделялась[73]. Когда в канцелярии Бердибека создавался ярлык на тюркском языке, его составители имели перед глазами только монгольские оригиналы ярлыков предшествовавших ханов и руководствовались их формулярами. В конце единого блока — пожалования они естественно поставили тюркскую глагольную форму «мы повелели» (tedimiz), которая напрямую относилась к началу оборота *объявление о пожаловании*. При реконструкции содержания названного оборота мы уже воспроизвели эту формулу по-русски, так что в заключении условно отделенной нами статьи *условия пожалования* концовка «мы повелели» уже не нужна. Конечно, теперь следует исключить из реконструированного содержания ярлыков Узбека и Джанибека слова «отныне и впредь».

Начинаем выделять обороты — пункты, составляющие статью *условия пожалования*, и реконструировать их содержание.

Первый оборот: «[Венецианцы должны торговать] честно, выплачивая пять с сотни. И за весы они должны платить сообразно

прошлому времени. И если они не торгуют, то сборщики коммеркия не должны взыскивать с них коммеркий». По содержанию он такой же, как и в ярлыке Джанибека от 1347 г.[74] Реконструкция его содержания: «Венецианские купцы должны торговать честно, платя при этом 5%-ный торговый налог. Уплата ими весового сбора производится согласно прежнему обычаю. Если торговля ими не совершается, то таможники ничего не должны с них взыскивать».

Второй оборот: «И въезду и выезду их никто не должен препятствовать; и со своих повозок они должны платить тартанак сообразно прошлому времени» — опять повторяет таковой же во втором ярлыке Джанибека[75]. Реконструкция его содержания: «Не должно препятствовать въезду и выезду их повозок с товарами в город и из него. При этом с каждой повозки они обязаны платить весовой сбор согласно прежнему обычаю». Этот оборот, появившийся в первом ярлыке Джанибека в качестве гарантии свободного, т. е. необлагаемого дорожными пошлинами, въезда венецианских купцов в свою факторию в Азове и выезда из нее в любом направлении[76], по существу превратился затем в дополнительное обязательство для венецианцев платить весовой сбор за каждую свою груженную товаром повозку.

Третий оборот: «Золото, золотая канитель и серебро [в прошлом] не облагались коммеркием, и [ныне] не должно его платить». Реконструкция его содержания: «Прежде они не платили торговый налог за золото, золотую канитель и серебро. И ныне они не должны его платить». Оборот был представлен во всех предыдущих ярлыках венецианским купцам[77]. Вспомним, что в ярлыке Узбека оборот начинался с освобождения от торгового налога — тамги — еще и торговли драгоценными камнями и жемчугом.

Четвертый оборот: «При товаре, который взвешивается посредством кантара, сборщик коммеркия и консул должны поставить одного помощника для каждого, которые должны взвешивать честно, взимая плату пять с сотни; и за весы должно платить сообразно прошлому времени». Оборот присутствовал во всех прошлых ярлыках[78]. Реконструкция его содержания: «С их товаров, которые взвешиваются на весах, должны взиматься 5%-ный торговый налог и весовой сбор сообразно прежнему обычаю. Для присмотра за правильностью взвешивания и взимания налога и сбора началь-

ник таможни и венецианский консул назначают каждый по одному доверенному человеку».

Пятый оборот: «Когда в торговой сделке принимает участие торговый посредник, то, если он выдал задаток, такая торговая сделка не должна расторгаться» — имел место во всех прошлых ярлыках[79]. Реконструкция его содержания: «Если в торговой сделке участвует торговый посредник, то после выдачи им задатка такая сделка уже не может быть расторгнута». Посредническая торговля осуществлялась при помощи маклеров, которых по-итальянски называли «сансерами», а по-тюркски — «миянчи». При этом взимался налог на торговые сделки, именуемый по-итальянски «мессетерия», или «сансерия», большая часть которого шла государству, меньшая — посреднику. Налог взимался с продавца и покупателя обычно в равных размерах. В первой половине XV в. в Трапезунде размер мессетерии составлял 1% от суммы сделки[80].

Шестой оборот: «С корабля с двумя мачтами и судна с одной мачтой должно платить "якорное" сообразно с прошлым временем» — был таким же распространенным условием пожалования, как и три предыдущих оборота[81]. Здесь следует особо отметить итальянское название пошлины — «якорное» (lancorazo), производимое от слова «якорь» (ancora). Дело в том, что во втором ярлыке Джанибека приводилось другое название той же пошлины (по нашей небрежности опущенное в русском переводе) — «мачтовое» (arborazo), производившееся от слова «мачта» (arbore). Получается, что одна и та же пошлина называлась двояко — «мачтовое» и «якорное». Из ярлыка Узбека мы знаем, что взималась эта пошлина как с прибывающих, так и с убывающих судов. Значения «мачтовое» и «якорное», одно из которых указывало на мощь воздушной тяги корабля, а другое — на возможность удержания его в статичном положении, можно объединить только при условии стоянки судна в данном пункте. Тогда в расчет бралась только величина судна, определявшаяся числом его мачт. Указание на необходимость взимания пошлины и с прибывающих и с убывающих кораблей свидетельствует о том, что данной платой облагались только суда, груженные товаром.

С. П. Карпов называет эту пошлину применительно к венецианцам, имевшим торговую факторию в Трапезунде, ввозной, или

транзитной. Она фиксировалась в денежных единицах и составляла 20 аспров с любого тюка товаров, привозимого морем, и 12 аспров — с каждого тюка из внутренних областей. От суммы этой пошлины шли определенные отчисления также в пользу итальянского консула[82].

Оказывается, текст шестого оборота — *условия пожалования* в ярлыке Бердибека — еще не закончился. Он завершается словами: «И на оружие Толобей с каждого корабля просил пожалование, по которому с каждого корабля [ему] надлежит запрашивать три сома; и [нами] было дано повеление относительно их кораблей; великая государыня, т. е. Тайделюкатон, со своего коммеркия должна дать эти три сома с корабля, говоря: "Император Бердибек, который мой господин в Тане, его сборщики коммеркия и его ставленники, которые сохраняют добро с кораблей, которые приезжают в Тану; ставленники государыни должны выплачивать ставленникам Толобея три сома с корабля". У этих [венецианских] франков волею Толобея, волею его ставленников никто не должен запрашивать ничего».

Фрагмент представляет интерес в ряде планов. Прежде всего в нем совмещаются два термина: «сборщики коммеркия» и «ставленники». Судя по контексту фрагмента, «ставленники» занимают подчиненное по отношению к «сборщикам коммеркия» положение. Термин «ставленник» [meso] образован от итальянского глагола mettere «класть, ставить». Он мог обозначать «уполномоченного» или «доверенное лицо» кого-либо из власть имущих в Золотой Орде. Именно в таких значениях в средневековых тюркских текстах широко употребляется арабский термин «эмин»[83].

В этом фрагменте говорится о Толобее и о подчиненных ему ставленниках, т. е. доверенных лицах. Толобей, уже знакомый нам Тоглубай, выступает здесь в роли начальника азовской таможни. Вспомним заключительную фразу оборота *объявление о пожаловании* в ярлыке Джанибека от 1347 г., где называются сановники, ответственные за наделение венецианских купцов земельным участком в Азове. Это были начальник таможни Ак-ходжа и даруга Азова Зихибей, т. е. Черкес-ходжа[84]. В исторической справке, где цитируется эта фраза ярлыка Джанибека, помещенной в ярлыке его сына, упоминается только азовский даруга. На наш взгляд, это изъятие в ярлыке Бердибека не было случайным. Видимо, после

насильственного захвата власти Бердибеком в 1357 г. начальник азовской таможни Ак-ходжа был смещен со своего поста. На его место хан назначил Тоглубая. Потому и упоминание о бывшем начальнике таможни было исключено из текста исторической справки в ярлыке нового хана. Упоминание о бывшем даруге Азова Черкес-ходже, являвшемся одновременно правителем всего Азовского тюмена, сохранилось. Почему? Потому, видимо, что Черкес-ходжа сохранил свой пост и после смерти Джанибека. Это подтверждает содержание ханского послания к новому правителю Крыма Кутлуг-Тимуру, которое было написано в ставке одновременно с составлением анализируемого нами текста ярлыка Бердибека[85].

Наибольший интерес представляют, на наш взгляд, заключенные в том же фрагменте сведения о Тайделюкатон, т. е. Тайдулехатун. Эта известная «христианская заступница» была старшей женой Узбека, а Бердибеку приходилась бабкой. Теперь выясняется, что патронирование над христианами, каким-то образом связавшими свою судьбу с Золотой Ордой, имело для Тайдулы солидную материальную подоплеку. В Азове, одном из крупнейших золотоордынских центров торговых связей с европейскими странами, ввозная пошлина с христианских кораблей была отписана на имя Тайдулы, которая для сбора пошлины имела собственный штат таможников. Ханша получила эту привилегию, скорее всего, еще до того, как в 1332 г. венецианцы получили ярлык Узбека на квартал в Азове. Позднее Джанибек и Бердибек последовательно подтвердили привилегию своей матери и бабки. После того как начальником азовской таможни стал Тоглубай, которому потребовались дополнительные средства «на оружие», они были предоставлены ему Бердибеком не за счет ханской казны, а выкроены из доли ввозной пошлины Тайдулы. Последняя была вынуждена личным указом продублировать ханское пожалование Тоглубаю, который стал получать от ввозной пошлины с каждого венецианского корабля 3 сома (561,6 г серебра). Ярлык Бердибека умалчивает о том, какая часть от этой пошлины осталась за Тайдулой.

Реконструкция содержания шестого оборота: «Корабль с двумя мачтами и судно с одной мачтой облагаются ввозной пошлиной в соответствии с давним обычаем. Запрошенное Тоглубаем ханское пожалование “на оружие” в размере 3 сомов с каждого корабля

венецианцев было получено. В личном указе Тайдулы-хатун подтверждается, что 3 сома с каждого венецианского корабля, прибывающего в Азов, выплачиваются Тоглубаю ее доверенными лицами не от имуществ ханской таможни, а из доли Тайдулы от всей суммы ввозной пошлины. У венецианских купцов ни Тоглубай, ни его доверенные лица на указанную цель ничего не должны запрашивать».

Седьмой оборот: «И, заготавливая невыделанные шкуры в Тане. [венецианцам] надлежит выплачивать большой коммеркий 50 аспров [с сотни] и малый коммеркий 40 аспров [с сотни]». Оборот уже встречался в обоих ярлыках Джанибека[86]. Сейчас мы склоняемся к мнению, что его русский перевод был нами выполнен точнее применительно к содержанию первого ярлыка Джанибека. Реконструкция содержания оборота: «Заготовка венецианцами в Азове невыделанных шкур облагается торговым налогом, величина которого в аспрах должна составлять не более 50 и не менее 40% за каждую купленную ими шкуру».

Восьмой оборот: «Если случится ссора людей Таны с венецианцами, то правитель города и консул должны разрешить ее вместе. Так, чтобы один не пострадал за другого» — имел место во всех прежних ярлыках[87]. Редакции этого условия пожалования в разных ярлыках несколько разнились, но общий их смысл был везде один — этнически смешанные ссоры полагалось разрешать на совместном ордыно-венецианском суде, а наказание обидчик-венецианец должен был нести лично, а не по принципу кровного родства. Реконструкция содержания оборота: «Ссоры между азовскими жителями и венецианцами надлежит разрешать вместе правителю города и его венецианскому консулу. За виновного не должен отвечать его родственник».

Девятый оборот: «Если корабли венецианцев разобьются на земле монголов, ни баронам, ни чиновникам не должно их ни грабить. ни трогать». Защита венецианских товаров от так называемого феодального «берегового права» была зафиксирована также в двух ярлыках Джанибека[88]. Прежде эта привилегия действовала лишь в акватории, ограниченной азовским морским портом. Бердибек распространил ее на все приморские территории Золотой Орды, имея в виду прежде всего Южный берег Крыма. Реконструкция содержа-

ния оборота: «В случае, если венецианские корабли потерпят крушение на территории Монгольского государства, то ни его князья, ни государственные служащие не должны не только похищать с них товары, но даже притрагиваться к ним».

Десятый оборот: «Охрану венецианцам надлежит наладить самим себе, и тому генуэзские франки не должны препятствовать». При Джанибеке венецианцы дважды добивались письменной поддержки хана в деле защиты границ своего квартала в Азове от посягательств со стороны генуэзцев[89]. Реконструкция содержания оборота: «Венецианцам надлежит собственными силами организовать у себя в квартале караульную службу. Генуэзцы не должны тому препятствовать».

Закончив рассмотрение комплекса из десяти условий пожалования, мы убедились в том, что все эти пункты в той же последовательности были зафиксированы и в ярлыке Джанибека от 1347 г. Полный текст реконструированного содержания этого искусственно выделенного нами из предыдущей статьи фрагмента будет компактно представлен в конце работы.

Подошла очередь четвертой статьи, которая примерно в таком же объеме имела место и во втором ярлыке Джанибека: E cosi dixemo; e se algum andera contra questo comandamento, debia auer paura, sia chi se uoia. E a li Ueniciani franchi auemo fato gratia. E in le letere de li Mogoli e in lo pouolo no debia far forzo, ni uiolentia, e se li fara forzo ni uiolentia, no auera paura[90]. — «И так повелеваем: и если кто-то поступит наперекор этому повелению — должен испытать страх! Себе кто [подобного] разве захочет? И венецианские франки, которым было сделано пожалование, и в городе монголов, и в их народе не должны применять силу или принуждение; и если ими применяется сила или принуждение, разве [они] не испытают страх?»

Мы назвали эту статью *предостережение*, реконструировали ее содержание и дали краткий очерк истории появления статьи в формуляре золотоордынских жалованных грамот[91]. Сегодня прежняя трактовка нас уже не устраивает. Расширим и уточним сведения об эволюции формы статьи *предостережение* в ярлыках как монгольских великих, так и ордынских ханов.

Статья *предостережение* несомненно присутствовала в формуляре ранних ярлыков монгольских великих ханов, написанных по-

монгольски уйгурицей в промежуток времени от 1227 до 1269 г., т. е. до момента введения в действие квадратной письменности. Тексты таких ярлыков, созданные по-монгольски уйгурицей, не сохранились. Предположительно наиболее древнюю форму статьи *предостережение* отражают старинные русские переводы ярлыков ордынских ханов, выданных русскому духовенству. Объясняется это пространственной удаленностью Золотой Орды от резиденции великих ханов и, как следствие этого, довольно ранним фактическим отпадением Орды и от общемонгольского центра. Отсюда проистекает консервация в формулярах официальных ордынских документов отдельных статей и формул, от которых в канцелярии великих ханов давно отказались.

В ярлыке Менгу-Тимура от 1267 г. читаем: «Сию грамоту видяще и слышаще от попов и от черньцов ни дани ни иного чего ни хотять ни възмуть баскаци княжи писци поплужники таможници а возмуть ине по велицеи язе извиняться и умруть»[92]. Реконструкция содержания ярлыка Менгу-Тимура уже произведена[93]. Однако с позиций сегодняшнего опыта прежняя реконструкция названного акта во многом уже не может нас удовлетворить. В частности, статья *предостережение* в то время вообще была принята за инородную вставку и исключена из текста реконструкции. Не вдаваясь здесь в детальную отработку реконструкции полного текста содержания интересующей нас статьи, отметим, что ее общий смысл заключался в формуле устрашения представителей адресата, которые, зная о содержании запретительных пунктов условий пожалования данного ярлыка, посмели бы поступить наперекор им. Тогда ослушники — «по велицеи язе извиняться и умруть», т. е. «да будут обвинены на основании положений Великой ясы и умрут!» «Великой ясой», или просто Ясой, назывался свод законов, созданный и обнародованный Чингис-ханом и дополненный его преемниками. В основе Ясы лежало обычное право монголов[94].

О том, что названная запретительная формула действительно имела место в обиходе первых монгольских великих ханов, свидетельствуют тексты надписей на более поздних по времени пайцзах — своеобразных металлических удостоверениях о наличии у грамотчика ханского ярлыка. На них квадратным письмом по-монгольски была начертана запретительная формула: «... да будут

обвинены и умрут!»[95]. В текстах пайцз квадратного письма упоминания о Великой ясе, на основании положений которой предписывалось обвинять и казнить ослушников, уже не было. На сохранившихся ордынских пайцзах Токты (1290–1312), Узбека (1313–1341) и Абдуллы (1361–1370) запретительная формула, начертанная по-монгольски уйгурицей, по содержанию была такой же, как у великих ханов[96].

Довольно рано, еще в середине XIII в., упомянутая формула в документах канцелярии великих ханов подверглась сокращению. Запретительная формула в написанной по-монгольски уйгурицей жалованной грамоте жены Угедея Торегене от 1240 г. сохранила ссылку на Великую ясу, но лишилась второго компонента устрашения и звучала теперь: «... да будут обвинены!»[97]. Такую же формулу мы находим и на безымянной пайцзе монгольского великого хана, которая была выполнена квадратным письмом[98].

В ордынских ярлыках XIV в. запретительная формула лишилась ссылки на Великую ясу, но сохранила оба компонента устрашения: «... да будут обвинены и умрут!» Так устрашались за возможное ослушание представители адресата в ярлыках русскому духовенству, выданных Бердибеком в 1357 г. и Мухаммедом Бюлеком (1370–1380) в 1379 г.[99] Кроме того, статья *предостережение* дополнилась в упомянутых ярлыках вторым оборотом, названным нами *предостережение грамотчику*. О нем речь еще впереди. Здесь важно подчеркнуть, что запретительная формула в первом обороте статьи *предостережение* формуляра ордынских ярлыков XIV в. сохранила два компонента устрашения, по крайней мере, до 1380 г. Этот вывод подтверждают уже цитированные тексты на ордынских пайцзах XIV в. В дополнение к сказанному вспомним, что в ярлыках из канцелярии ильханов Хулагуидского Ирана формула устрашения, начертанная по-монгольски уйгурицей, во всяком случае до 1320 г., была такой же, какой она была в ордынских ярлыках[100].

Итак, вплоть до 1380 г. прослеживается отставание в эволюции формы отдельных статей формуляра ярлыков ордынской канцелярии от того же процесса в прототипах этих актов — ярлыках канцелярии монгольских великих ханов. Это отставание особенно усилилось после 1269 г. — времени перехода канцелярии великих ханов к использованию квадратного письма. В сохранившемся китайском

переводе монгольского текста ярлыка Хубилая от 1280 г. формула устрашения в первом обороте статьи *предостережение* читалась: «... да будет обвинен!», а во втором ее обороте — «... разве они не убоятся что будут обвинены?»[101] Видимо, индивидуальный формуляр этого ярлыка отражал форму статьи *предостережение* более раннего времени, когда она в ярлыках великих ханов состояла еще из двух оборотов. В промежутке времени между 1276 и 1351 гг. наблюдается полное исчезновение в интересующей нас статье первого оборота. Формула устрашения во втором обороте свелась к словам: «... разве они не убоятся?»[102]

Что же мы видим в ордынских ярлыках Джанибека от 1347 г. и Бердибека от 1358 г.? В формулярах обоих ярлыков статья *предостережение* состоит из двух оборотов. Итальянский перевод первого оборота статьи в ярлыке Джанибека содержит убеждение хана в том, что ослушник из числа представителей адресата обязательно «испытает страх»[103]. Перевод аналогичного оборота в ярлыке Бердибека выражает как будто бы ту же мысль — «должен испытать страх!» Однако это убеждение дополняется словами: «Себе кто [подобного] разве захочет?» В целом же оказывается, что за счет названного дополнения переводчик более точно передает смысл, заложенный в соответствующих статьях ярлыков монгольских великих ханов: «... разве они не убоятся [что будут обвинены на основании положений Великой ясы и умрут]?»

Перевод второго оборота статьи в ярлыке Джанибека содержит обращение к грамотчикам — венецианским купцам Азова. Предлагаем более точный, чем прежде, русский перевод-толкование оборота: «В Монгольском государстве и городе [Азове] вы не должны совершать поступки недостойные». Формула устрашения отсутствует. В ярлыке Бердибека смысл второго оборота такой же, только здесь конкретизируется содержание «недостойных поступков». Выясняется, что речь идет о применении грамотчиками на ордынской территории «силы или принуждения». Оборот дополняется формулой устрашения для ослушников: «... разве [они] не испытают страх?» Иными словами, дословно повторяется формула устрашения, известная по ярлыкам монгольских великих ханов: «... разве они не убоятся?»

В завершение изысканий о статье *предостережение* в формуля-

ре ордынских ярлыков отметим, что в конце XIV — начале XV в., когда уже все акты писались только по-тюркски, интересующая нас статья присутствовала в составе двух оборотов. Формула устрашения в первом из них выражалась словами «...непременно убоятся!» (qorḫarlar ernä), а во втором — «... хорошо не будет!» (eδgüsi bolmaγaj), или «... что хорошего будет?» (ne jaχšïsï bolγaj). Так значилось в ярлыках Токтамыша от 1381 г. и Улуг-Мухаммеда от 1420 г.[104] Эти примеры являются свидетельством эволюции формулы устрашения на тюркском языковом материале, в основе которого лежат все-таки монгольские формулы.

Откуда в ярлыках Джанибека и Бердибека появились формулы, которые не были характерными для ордынских ярлыков XIV в. и в то же время являлись обычными для ярлыков монгольских великих ханов? Должно быть, нововведения были привнесены персидскими писцами и переводчиками, принятыми на ордынскую службу из канцелярии ильханов Хулагуидского Ирана во второй половине XIV в. Получается, что в ордынском делопроизводстве какое-то время сосуществовали две разновидности формуляров деловых бумаг. Один из них продолжал письменную традицию уйгурских писцов-тюрков, а другой — иранских писцов-персов.

В формуляре ярлыка ордынского хана Тимур-Кутлука от 1398 г. мы видим пример полного растворения статьи *предостережение* в предыдущей статье. Формулы устрашения в первом и втором оборотах исследуемой статьи этого акта полностью исчезли[105], что и привело к обратному процессу возвращения оборотов в их изначальную статью — *условия пожалования*.

Реконструкция содержания статьи *предостережение* в ярлыке Бердибека венецианским купцам Азова: «Так мы возвещаем ярлык. Всякий, кто поступит наперекор этому ярлыку, разве не убоится? Также и венецианские торговцы, получившие это пожалование, не должны применять силу или принуждение в Монгольском государстве и городе Азове. Применившие силу или принуждение разве не убоятся?» На примере итальянского перевода этой статьи во втором ярлыке Джанибека становится совершенно ясно, что переводчик на итальянский язык ярлыка Бердибека перепутал местами слова «государство» и «город», что мы исправили при реконструкции содержания статьи.

Теперь общий вопрос, который можно отнести к формулярам второго ярлыка Джанибека и ярлыка Бердибека: почему только в этих актах появилась статья *предостережение*, имевшая место в других ордынских ярлыках уже в XIII в.? Надо полагать, причина в том, что только в названных ярлыках из серии венецианских актов в конце статьи *условия пожалования* были помещены два подряд пункта, относившиеся по форме к разряду запретительных. Пункты условий пожалования, которыми завершалась статья *условия пожалования* в выданных венецианцам ярлыке Узбека и первом ярлыке Джанибека, к запретительным не относились[106]. Значит, формально после них не требовалось включения статьи *предостережение*.

Статья *удостоверение*: A queli che a questo comandamento li auemo dado comandamento cum le bolle rosse e paysam. Dato in Lordo in Accuba a li VIII di de la luna, in lo mese de Siual, corando lo ano del Can, ani, VII^{c} LVIIII. Asambey, Megalbey, Sarabey, Jagaltay, Tolobey, Cotulubuga, tuti canni signori a sporta la peticion, Sabadin Catip scriuan scripse[107]. — «Сим последним, которые этим повелением обладают, дано повеление с красной печатью и пайцзой. Дата: в ставке на Аккубе, в 8-й день луны, в месяц шавваль, текущего года собаки, год 759. Асамбей, Мегалбей, Сарабей, Ягалтай, Толобей. Котулубуга, все вельможные господа, подали прошение. Сабадин Катип, писец, написал».

Эта заключающая ярлык статья состоит из трех оборотов: *удостоверительные знаки*, *время и место написания*, *представление*.

Оборот *удостоверительные знаки*: «Сим последним, которые этим повелением обладают, дано повеление с красной печатью и пайцзой». Начало оборота является еще одним свидетельством в пользу нашего предложения о том, что ярлык изначально писался по-тюркски, ибо в сохранившихся тюркских текстах ордынских ярлыков конца XIV в. именно так начинался весь раздел *пожалование*[108]. Скорее всего, по-тюркски этот фрагмент звучал: Bu jarlïqnï tutup turγan bunlara... («Сим последним, этим ярлыком обладающим...»). Формула tutup turγan («обладающим», точнее «держащим») имела однозначный вариант tuta turγan.

Концовка оборота хорошо знакома[109]. По-тюркски она может быть представлена: ... pajzälik al tamγalïγ jarlïγ berildi («... выдан

алотамговый ярлык с пайцзой»). Именно «выдан», а не «выданы», ибо золотая, точнее серебряная с позолотой, пайцза не выдавалась отдельно, а служила лишь металлическим удостоверением, прилагавшимся к ордынскому ярлыку. Как известно, грамотчик мог получить в разное время от данного хана несколько ярлыков, но только одну пайцзу[110]. Вспомним, что в тюркских текстах ярлыков концовка оборота начиналась с формулы tuta turγuγaγ (или tuta tururγa), что однозначно понимается «для постоянного хранения». В итальянском переводе ярлыка Бердибека эта формула не приводится. Может быть, ее и не было в данном обороте при наличии вышеприведенной, похожей по написанию формулы tutup turγan (или tuta turγan) в начале оборота, и она появилась позднее, когда начало и конец оборота были разделены. Начало оборота перенесено совсем в другой оборот, открывавший весь раздел *пожалование*.

Можно предположить, что конечная формула в обороте нашего ярлыка присутствовала, но переводчик-перс просто не смог адекватно передать ее по-итальянски. В таком случае реконструированное содержание оборота *удостоверительные знаки* будет: «Сим последним, этим ярлыком обладающим, выдан для постоянного хранения алотамговый ярлык с пайцзой».

Оборот *время и место написания*: «Дата: в ставке на Аккубе, в 8-й день луны, в месяц шавваль, текущего года собаки, год 759». Содержание оборота уже интерпретировалось[111]. Сегодня прежняя реконструкция нас уже не устраивает.

При реконструкции содержания аналогичного оборота во втором ярлыке Джанибека мы выяснили, что переводчик на итальянский язык имел тогда дело с изначальным монгольским текстом. Последовательность при начертании времени и места написания ярлыка по-монгольски была такой: год по животному циклу, порядковый номер одного из трех месяцев сезона, день, который отсчитывался от 1-го до 15-го числа «прибывающей» или «убывающей» Луны, место написания, глагол «написан». Переводчик, а им являлся перс мусульманин Иман Юсуф-катиб, начинал свой перевод в обратной последовательности. Глагол «написан» он передал по-итальянски словом «дано», затем транскрибировал латинскими буквами обозначение места написания. День, месяц и год написания, в отличие от прежних писцов уйгуров, которые следовали

тюркской традиции, Иман Юсуф изобразил согласно мусульманской хиджре, а затем уже точно перевел на итальянский язык животный символ года[112].

В нашем случае персидский переводчик ярлыка Бердибека перелагал оборот *время и место написания* не с монгольского, а с тюркского оригинала. В соответствии с уйгурской письменной традицией время и место полагалось обозначать по жесткой схеме, проверяемой на материале как русских переводов тюркских текстов ордынских ярлыков XIV в., так и оригинальных текстов ярлыков конца XIV — начала XV в.: год по животному циклу, уйгурское название месяца, день «прибывающей» или «убывающей» Луны, слово «орда», обозначавшее ханскую ставку, название места, слово «кочевала», точнее «когда находилась», глагол «написано»[113].

Время и место написания в ярлыке Бердибека передано персидским переводчиком не так, как предписывала уйгурская схема. По форме изложение материала в этом обороте повторяло таковое же в итальянском переводе второго ярлыка Джанибека. Однако оборот в ярлыке Бердибека был иным по своему содержанию. Начинался он словом data (ошибочно написано dato), которое и значило «дата». Так совершенно точно передавался изначальный смысл арабского слова «тарих», которое, будучи поставлено перед обозначениями года, месяца и дня определенного события, свидетельствовало о том, что время в этом случае исчислялось по мусульманскому летосчислению — хиджре. И действительно, ниже в обороте мы находим число года по хиджре (759) и название лунного месяца «шавваль» (Siual). 8-й день шавваля 759 г. х. соответствовал 13 сентября 1358 г.[114] Обозначение года по хиджре сопровождалось его обозначением по животному циклу. Год собаки также соответствовал 1358 г. европейского летосчисления. 13 сентября 1358 г. приходилось на 10-й день 8-го месяца года собаки[115]. Возможно, что в тюркском оригинале ярлыка Бердибека порядковый номер дня традиционно сопровождался указанием на первую («новую») или вторую («старую») половины месяца, что мы видим, например, в русском переводе ярлыка Мухаммеда Бюлека от 1379 г.[116]

Обозначение места выдачи ярлыка Бердибека даже в итальянском переводе сохранило особенность, характерную для тюркских текстов только ордынских (и никаких других) актов. Название ме-

ста здесь сопровождается словом «орда» (Lordo), означающим ханскую ставку.

Реконструкция содержания оборота *время и место написания*: «Написано года собаки, хиджры 759-го, месяца шавваля в 8-й день [13 сентября 1358 г.], когда ставка находилась на берегу Ахтубы». Известно, что на левом берегу Ахтубы был расположен и город Сарай[117]. К реконструкции содержания оборота прилагаем реконструкцию его тюркской формы: It jïl tariχ jedi jüz elig toquzda šawal ajïnïŋ sekiz jaŋïda ordu Aqquba känarïda erürdä bitildi. Такая же форма наблюдается в соответствующем обороте не только ярлыка Бюлека от 1379 г., но и ярлыка Улуг-Мухаммеда от 1420 г.[118] Иными словами, именно такая форма оборота становится традиционной для ордынских ярлыков конца XIV — начала XV в.

Оборот *представление*: «Асамбей, Мегалбей, Сарабей, Ягалтай, Толобей, Котулубуга, все вельможные господа, подали прошение. Сабадин Катип, писец, написал».

Реконструкция формы оборота, в основу которой были положены тюркские тексты крымскоханских ярлыков конца XV — начала XVI в., уже предпринималась[119]. Ничего нового по этому поводу в настоящее время мы сказать не можем. Текст оборота в нашем ярлыке распадается на два элемента. В первом элементе названы имена самых влиятельных сановников из окружения Бердибека, которые выступали перед ним ходатаями за венецианских купцов в Азове. Первые четыре имени — Асамбей, Мегалбей, Сарабей, Ягалтай — достаточно хорошо известны. Так переданы имена сына Нангудая Хусейна-Суфи, улугбека в правительстве Джанибека и Бердибека Могулбуги, везира в правительстве Бердибека Сарай-Тимура и сановника, одно время бывшего везиром в правительстве Джанибека, Ягалтая[120]. Пятое и шестое имена, обозначенные как Толобей и Котулубуга, — это отец Яглыбая Тоглубай, выше определенный нами как начальник таможни Азова, и Кутлугбуга, называвшийся последним князем — ходатаем за венецианских купцов Азова во втором ярлыке Джанибека[121].

Окончание итальянского перевода первого элемента — «все вельможные господа подали прошение» — может быть реконструировано: «в совокупности князья прошение представили» (bašlïγ beglär ütül tigürdilär). Второй элемент оборота — «Сабадин Катип, писец,

написал» — реконструируется: «Я, писарь Сабахаддин-катиб, написал».

Реконструкция содержания оборота *представление*: «Представили совместное прошение князья Хусейн-Суфи, Могулбуга. Сарай-Тимур, Ягалтай, Тоглубай, Кутлугбуга. Написал я, писарь Сабахаддин-катиб».

Постатейная реконструкция содержания ярлыка Бердибека венецианским купцам Азова может быть представлена в следующем виде:

«Мое, Бердибека, слово Монгольского государства всем князьям тюменов, под началом с Могулбугой, тысяч, сотен и десятков. даругам-князьям внутренних городов, служащим государственной канцелярии, а также многим странствующим и путешествующим людям, всякого рода служб начальникам, послам и посланникам. таможникам и весовщикам, караульщикам и заставщикам.

Так как послы венецианского дожа обратились к нам с прошением: "В правление хана Узбека наши купцы просили у него разрешение на проживание и торговлю в Азове отдельно от генуэзцев и с условием выплаты 3%-ного торгового налога, хан пожаловал их и выдал ярлык с пайцзой. В правление хана Джанибека они повторили свое прошение, и пожалование им было подтверждено сообразно с условиями первого ярлыка. Впоследствии один из наших людей совершил злодеяние, вызвавшее гнев хана Джанибека, который запретил нашим торговцам несколько лет приезжать в Азов. Когда мы устрашили злодея, Джанибек еще раз пожаловал наших торговцев и в соответствии с первым ярлыком дал им участок земли в Азове и запретил применять по отношению к ним силу. В случае, если они будут торговать, им надлежало платить 5%-ный торговый налог, размер весового сбора определялся тогда в соответствии с прежним обычаем. Ханский указ относительно тех из наших людей, кто занимается морскими перевозками, предписывал им не причинять ущерба персидским торговцам и паломникам как на море, на наших навах и галеях, так и в венецианских поселениях, располагавшихся на морском побережье в пределах Монгольского государства. Венецианца, причинившего им ущерб, нам самим следовало схватить и выдать хану. В случае, если бы нам не удалось его схватить, нам надлежало сообщить хану имя пре-

ступника, чтобы сын не понес наказание за отца, отец — за сына, младший брат — за старшего, старший брат — за младшего".

И так как в свое время отец наш, хан Джанибек, признав прошение венецианцев исполнимым, дал им пожалование, по которому им надлежало проживать в Азове на участке земли, расположенном на восток от бани Сафа ад-дина в длину 100 шагов и в ширину, считая от берега реки, 70 шагов; и вышеозначенный участок должен был предоставить им правитель Азова; и выдан на то ярлык. Также и мы, рассмотрев их прошение и признав его исполнимым, повелели: Пусть эти венецианцы, наше пожалование получившие, живут в Азове на указанном участке земли и производят свою торговлю в соответствии с правилами предыдущего ярлыка!

Венецианские купцы должны торговать честно, платя при этом 5%-ный торговый налог. Уплата ими весового сбора производится согласно прежнему обычаю. Если торговля ими не совершается, то таможники ничего не должны с них взыскивать. Не должно препятствовать въезду и выезду их повозок с товарами в город и из него. При этом с каждой повозки они обязаны платить весовой сбор согласно прежнему обычаю. Прежде они не платили торговый налог на золото, золотую канитель и серебро. И ныне они не должны его платить. С их товаров, которые взвешиваются на весах, должны взиматься 5%-ный торговый налог и весовой сбор, сообразно прежнему обычаю. Для присмотра за правильностью взвешивания и взимания налога и сбора начальник таможни и венецианский консул назначают каждый по одному доверенному человеку. Если в торговой сделке участвует торговый посредник, то после выдачи им задатка такая сделка уже не может быть расторгнута. Корабль с двумя мачтами и судно с одной мачтой облагаются ввозной пошлиной в соответствии с давним обычаем. Запрошенное Тоглубаем ханское пожалование "на оружие" в размере 3 сомов с каждого корабля венецианцев было получено. В личном указе Тайдулы-хатун подтверждается, что 3 сома с каждого венецианского корабля, прибывающего в Азов, выплачиваются Тоглубаю ее доверенными лицами не от имуществ ханской таможни, а из доли Тайдулы от всей суммы ввозной пошлины. У венецианских купцов ни Тоглубай, ни его доверенные лица на указанную цель ничего не должны запрашивать. Заготовка венецианцами в Азове невыделанных шкур облагается

торговым налогом, величина которого в аспрах должна составлять не более 50 и не менее 40% за каждую купленную ими шкуру. Ссоры между азовскими жителями и венецианскими надлежит разрешать вместе правителю города и его венецианскому консулу. За виновного не должен отвечать его родственник. В случае если венецианские корабли потерпят крушение на территории Монгольского государства, то ни его князья, ни государственные служащие не должны не только похищать с них товары, но даже притрагиваться к ним. Венецианцам надлежит собственными силами организовывать у себя в квартале караульную службу. Генуэзцы не должны тому препятствовать.

Так мы возвещаем ярлык. Всякий, кто поступит наперекор этому ярлыку, разве не убоится? Также и венецианские торговцы, получившие это пожалование, не должны применять силу или принуждение в Монгольском государстве и городе Азове. Применившие силу или принуждение разве не убоятся?

Сим последним, этим ярлыком обладающим, выдан для постоянного хранения алотамговый ярлык с пайцзой. Написано года собаки, хиджры 759-го, мсяца шавваля в 8-й день [13 сентября 1358 г.], когда ставка находилась на берегу Ахтубы.

Представили совместное прошение князья Хусейн-Суфи, Могулбуга, Сарай-Тимур, Ягалтай, Кутлугбуга. Написал я, писарь Сабахаддин-катиб».

На этом мы завершаем работу по реконструкции содержания четырех золотоордынских ярлыков, выданных венецианским купцам на один из городских кварталов Азова в сравнительно небольшой промежуток времени от 1332 до 1358 г. В процессе работы была сделана попытка раскрыть историческую обстановку, сложившуюся в Золотой Орде и ордыно-венецианские отношения к моменту выдачи каждого из актов, рассказать о политических деятелях Орды, причастных к событиям той эпохи, высказать свое понимание стратегических замыслов каждой из сторон и их практическое воплощение после того, как каждый из четырех документов был подготовлен в Орде и принят в Венеции. Реконструкция содержания ярлыков привела нас к однозначному выводу о том, что их внешнее оформление под акты одностороннего дарения со стороны очередного хана не скрывало внутренней сути этих документов.

созданных в результате напряженной двухсторонней деятельности, направленной на максимальное удовлетворение собственных экономических и политических притязаний. Конечно, наша задача в этом плане ограничивалась возможно более плотной привязкой к каждому конкретному акту. Развернутые исторические построения на основе выявленного содержания наших ярлыков еще ждут своих исследователей.

Реконструируя содержание актов, мы не могли отвлечься от их формы, как языковой, так и формулярной. Разобраться и в том и в другом с первого же приступа было очень непросто. Неизменно возвращаясь к этим проблемам при многостороннем исследовании каждого последующего документа, мы смогли приблизиться к их решению только на четвертый раз. Теперь уже можно утверждать, что оригиналы первых трех ярлыков создавались на монгольском языке буквами уйгурского алфавита и по формулярной схеме актов монгольских великих ханов XIII–XIV вв. с некоторыми местными ордынскими особенностями. Первые два ярлыка уже в ханской канцелярии дублировались на тюркском языке по традиционной уйгурской схеме, через которую «проглядывал» монгольский формуляр. Оба ярлыка переводились с тюркского языка на официальную латынь переводчиками-европейцами. Третий ярлык в ханской канцелярии был переведен на персидский язык переводчиком-персом. Там же и тем же переводчиком он был переложен на разговорный итальянский язык. Оригинал четвертого ярлыка писался буквами уйгурского алфавита по-тюркски, а потом тот же писарь-перс перевел его на персидский язык и переложил персидский текст на разговорный итальянский язык. Вопрос об официальном языке золотоордынской канцелярии и ордынском формуляре ханских ярлыков XIII–XIV вв. нуждается в более детальном исследовании. Возможно, он будет специально рассмотрен в недалеком будущем в отдельной работе.

Глава V

ПИСЬМО РАМАДАНА ВЕНЕЦИАНСКОМУ ДОЖУ*

В коллекции из 10 переводов на латинский и итальянский языки ордынских актов XIV в.[1] содержится документ, пространное название которого переводится с латинского языка так: «Договор с Рамаданом, правителем в Солхате, заключенный благородным мужем Андреа Венерио, назначенным послом общины венецианцев в названных краях. Лета господня 1356, месяца марта». Затем следует сам документ в переводе на венецианский диалект итальянского языка[2].

Предварим итальянский текст и русский перевод документа краткой исторической справкой, вводящей в существо проблем, вызвавших к жизни названный источник.

Главный узел противоречий между извечными торговыми соперницами Венецией и Генуей в XIV в. завязался в Северном Причерноморье. Генуя, безраздельно владевшая крупнейшей гаванью на побережье Крыма — Кафой (Феодосией), пыталась не допустить утверждения на северных берегах Черного моря Венеции. Последняя в 1332 г. добилась от золотоордынского хана Узбека (1313–1341) жалованной грамоты — ярлыка венецианским купцам на обустройство городского квартала в Азове и свободную торговлю с обязательством выплаты в ханскую казну 3%-ного торгового налога[3]. В 1342 г. хан Джанибек (1342–1357) возобновил жалованную грамоту своего отца[4]. В 1343 г. обстоятельства вынудили хана изгнать из Азова всех итальянских купцов. В конце 1347 г. Джанибек вновь выдал венецианцам жалованную грамоту на квартал в Азове[5]. Распространившаяся с территории Золотой Орды на все страны Средиземноморья пандемия чумы в 1348–1349 гг. притушила пламя

* Григорьев А. П., Григорьев В. П. Письмо правителя Крыма Рамадана венецианскому дожу (1356 г.) // Востоковедение / Отв. ред. В. Г. Гузев. СПб., 1997. Вып. 19. С. 147–159.

вражды между Венецией и Генуей. Уже в следующем году их противостояние переросло в открытое военное столкновение.

В венециано-генуэзской войне 1350–1355 гг. выделяются три крупных морских сражения. Первое из них произошло 13 февраля 1352 г. на Босфоре, под стенами Константинополя. Объединенным флотом Венеции и королевства Арагон командовал венецианский адмирал Николо Пизани. К ним присоединились византийские корабли, которые вел адмирал Константин Тарханиот. Генуэзский флот возглавлял Паганино Дориа. Ожесточенный и кровопролитный бой начался днем и был прерван лишь ночным мраком. К утру уцелевшие корабли обеих сторон разошлись. Безусловных победителей не было, однако за генуэзцами сохранилось господство над Босфором. Второе сражение случилось 27 августа 1353 г. у западного берега Сардинии, близ Альгеро. Против Генуи опять действовали соединенные флоты Венеции и Арагона под командованием Николо Пизани. Сражение имело неожиданный, неслыханный для европейцев финал: считавшиеся непобедимыми на море генуэзцы были полностью разгромлены и бежали с места боевых действий. В следующем году Венеция ринулась в новый бой против обновленных сил Генуи и 4 ноября 1354 г. потерпела сокрушительное поражение у острова Сапиенцо близ южной оконечности Мореи, около местечка Портолонго. Мир между воюющими сторонами был заключен в Милане 1 июня 1355 г. В первой статье мирного договора стороны зафиксировали главное взаимное обязательство — три года никому не плавать в Азов. Так была закрыта венецианская торговая фактория в Северном Причерноморье. Возобладала генуэзская Кафа[6].

Правительство венецианского дожа Джованни Градениго (1354–1356), вынужденное искать новый опорный пункт теперь уже на побережье Крыма, осенью 1355 г. направило в Орду посольство во главе с Андреа Венерио. Ордынские власти, дипломатично решив, что лучше иметь дело сразу с двумя итальянскими торговыми конкурентами, играя на их взаимном соперничестве, без промедления оформили ярлык Джанибека на порт Провато, расположенный в непосредственной близости от генуэзской Кафы и подведомственный правителю Крымского тюмена Рамадану. Этот ярлык Джанибека до нас не дошел. Зато сохранилось сопроводительное письмо Рамадана, в котором передается содержание ханской жалованной

грамоты и затрагиваются другие проблемы ордыно-венецианских отношений. Приводим полный итальянский текст письма Рамадана и его русский перевод.

A la gram grandeza, imperador de li imperadori del gran sezo, signoriuel del mar e de la terra, imperador signor de queli che tiem la fe de Yesu Christo, maor e posente soura tuti, doxe de la gran signoria. et a li baroni che se apreso la soa signoria, et a tuti grandi e pizoli de le nostre citade, Nuy saludemo tuti.

Da puo a la uostra nobilitade siaue de plaser, chel uostro mesadego Andrea e vegnudo a nuy, e ande aduto letere bolade, nuy auemo lete quele al contentamento de la gran signoria uostra, cosi aue comandado. e al uostro uoler nuy ve auemo fato gratia, e contentado de quelo che nuy ne aue mandado digando. Da puo ancora miser lo Doxe a le uostre letere mandemo respondando el comandamento de miser lo imperador. che nuy debiemo patizar.

Et a nuy a parso lo meio, chel uostro porto sia lo Prouato, che a nome Citade Nova. El uostro consolo sera la, sel plasera a la signoria uostra. Et azo che quelo luogo ue sia benedeto e che uuy non de abie rio voler, nuy e li nostri faremo case et possession al so plaser.

Da vuy nu volemo, se li uostri mercadanti uendera le soe mercadantie, che elli debia pagar de tamoga III. per C. e non pluy; e se elli non vendera, non paga. Li vostri, che se spaza per Venetiani tauerneri, de isacho ni de aylocho niente debia pagar. Ancora, se algun venitian auera a far cum algun de queli del Roman, el signor de Sorgati el consolo debia far deffenir quela raxon; e se li uostri domandasse ad algun de queli delo imperio ouer del Roman, el signor debia far defenir quela raxon.

E uuy per nostro amor pregere li uostri mercadanti, che uenda le cosse suo qua lo plu cheli pora; azo che la mercadantia se faza plu qua cha altro azo chel nostro voler sia meior cum uuy.

A la uostra signoria si dixemo, che del Toman de Sorgati, Ydomelich, Animandi, Sabadin, Achnoc, Todoros, Juanes, Stephanos, Idudiment,Chalos, le nome — de questi coza in uno nauilio de Nicoloso Scoto, zenoese, fo presi a la bocha de Constantinopoli da galie XVI de miser Nicolo Pisani, e fo li tolto IIII.^{m} somi, e fo morto do de questi mercadanti, Ydumelich e Animandi, tene in preson in Candia anni II; De quey coza e vegnudi a nuy.

E altre fiade ve auemo scrito de zo; responsion non de auemo abudo, per zo lo hauer de do uostri mercanti tulsi, e quelo o meso in saluo. E ogna fiada che uuy fare restituir lo hauere de questi nostri, e nuy similmente renderemo quelo che nuy auemo tolto a li diti uostri mercadanti. La uostra signoria complira questo seruisio, per che lo o fato sagramento de non render a li uostri mercadanti, se vuy non fe render el so a questi.

Ancora recordo ala uostra signoria che, se algun mercadante inuolasse la tamoga, chel perda quela mercadantia; e per zo auemo fato gratia de III per centener, azo cheli non frolda la tamoga.

Questa letera se fata in lo mese de Rabimuol, in lo conminzamento de la luna, in VII.^{c}LVII. Amen.

«Высокому величеству, императору императоров великого престола, владыке моря и суши, владетельному императору тех, кто исповедует веру Иисуса Христа, главному и могучему превыше всех, Вашему величеству дожу, а также баронам, которые пребывают при Вашем величестве, а также всем великим и малым Вашего города, мы всем желаем здоровья!

Доводим до Вашего благородия, что Ваш посланник Андреа прибыл к нам и доставил от Вашего высокого величества письма с печатями, которые Вы направили, а мы прочли с удовлетворением и, сочтя Ваш запрос исполнимым, сделали по нему пожалование и послали его Вам. Да будет также известно господину дожу, что в ответ на Ваши письма мы отправили Вам повеление господина императора, которое нам надлежит исполнить.

И мы сочли наилучшим, чтобы Вашим портом стал Провато, название которого Новый город. И, если это устроит Ваше величество, Ваш консул будет там. И пусть то место будет для Вас благословенным. И чтобы Вы не допускали зла, мы и наши построим дома и имения к Вашему удовольствию.

От Вас же мы хотим, чтобы, если Ваши купцы продадут свои товары, то пусть они платят тамгу три за сотню и не более, а если они не продадут, то пусть не платят. Вашим венецианцам, которые содержат таверны, ясак и айлык совсем не нужно платить. Также, если какой-либо венецианец заведет тяжбу с кем-либо из тюмена, тот спор надлежит разрешать правителю Солхата и консулу; если

именно Ваши спрашивают с кого-либо из империи или из тюмена. тот спор должен разрешать правитель.

И Вы, ради нашего благорасположения, просите Ваших купцов. чтобы они продавали здесь свои товары больше, чем другие; сделайте, чтобы торговля производилась больше здесь, чем в иных местах, и чтобы наша благосклонность распространялась больше на Вас.

Вашему величеству мы уже сообщали о дошедшем до нас деле. когда в бухте Константинополя 16 галер господина Николо Пизани захватили с корабля генуэзца Николозо Ското купцов из Солхатского тюмена, имена которых Идомелик, Аниманди, Сабадин, Акнок, Тодорос, Джуанес, Стефанос, Идудимент и Калос. У них отняли 4 тыс. сомов. Двое из этих купцов были убиты. Идумелик и Аниманди 2 года содержатся в тюрьме в Кандии.

Мы писали Вам и о других захватах. Ответа получено не было. Поэтому и были схвачены двое Ваших купцов, которые находятся во здравии. И по каждому захвату Вы бы распорядились вернуть имущество этих наших, а мы подобным же образом вернули бы то, что мы захватили у упомянутых Ваших купцов. Ваше величество выполнит это условие, потому что мы поклялись не возвращать Вашим купцам, если Вы не вернете свое тем [нашим].

Также сообщаю Вашему величеству, что если какой-либо купец не заплатит тамгу, то он потеряет тот товар. Поэтому мы и сделали пожалование 3%-ного торгового налога для тех, кто не мошенничает с тамгой.

Это письмо составлено в месяц Рабимуоль, в начале луны, в 757. Аминь».

Наш комментарий начнем с уточнения сведений о Рамадане. Полное имя этого сановника, согласно данным арабоязычного автора XIV в. Таки ад-дина ал-Мухибби, было Зайн ад-дин Рамадан[7]. Тюркско-персидское произношение имени — Зайнуддин Рамазан[8]. Из письма Рамадана явствует, что он был правителем Солхатского тюмена (Toman de Sorgati). В том же письме слово «тюмен» дважды приводится в форме Roman. Это явная ошибка итальянского переписчика, слившего в одну две начальные согласные буквы. Например, в ярлыке Джанибека от 1347 г. слово «тюмен» транслитерировалось в форме Thoman[9]. Относительно названия Солхат

известно, что оно равнозначно обозначению Крыма. Бытует мнение об итальянском происхождении слова Соргат (= Солхат). На самом же деле и Солхат и Крым являются тюркскими названиями одной и той же территории. Солхат — обозначение более древнее, давно вышедшее из употребления. Итальянцы в своих документах предпочитали называть ордынские города и территории их старыми именами. Так, ордынский Азак (Азов) они называли только Таной.

Этимология слова «солхат» (sol + qat)[10] — «левая сторона». Так, солнцепоклонники обозначали северную сторону. В нашем случае имелось в виду Северное Причерноморье, в центральной части которого располагалась территория Крыма. Административным центром последнего был город Крым (Старый Крым). Этимология слова «крым» (qïrïm = qarïm)[11] — «яма, ров». Этим словом тюрки обозначали знаменитый ров — Перекоп, практически отделявший Таврический полуостров от материка. Название распространялось и на весь полуостров, и на его административный центр. Какую территорию занимал Солхатский (= Крымский) тюмен? Надо полагать, что он покрывал восточную половину Крымского полуострова и часть земель Северного Приазовья. К такому заключению подводит, например, содержание ярлыка Токтамыша от 1381 г.[12] Письмо Рамадана этому выводу не противоречит.

Рамадан являлся правителем Крымского тюмена и носил звание темника. Номинально от тюмена поставлялись в ордынскую армию 10 тыс. воинов-ополченцев, которыми командовал темник. Так, с точки зрения феодального держания и воинского командования, исчерпывалось содержание термина «темник». Одновременно Рамадан был одним из руководителей ордынской местной администрации. Должность его называлась по-монгольски «даруга» (тюркск. «баскак», персидск. «шихне»). Известно, что даруги на подчиненных орде территориях, где имелись местные владетели, находившиеся в вассальной зависимости от хана, контролировали действия этих владетелей, ведали сбором податей, поступавших в ханскую казну, и т. п.[13] Крымский тюмен в XIV в. был территорией ордынской, и даруга в нем являлся полновластным правителем, под рукой которого находились даруги городов и селений тюмена и другие чиновники, ведавшие армией, судом, торговлей и финансами.

Между Крымским тюменом Золотой Орды и мамлюкским Египтом традиционно существовали самостоятельные торговые и культурные связи. Поскольку с египетской стороны переписка с Рамаданом была открыта в самом начале 1350 г.[14], то, надо полагать, новый даруга Крыма Рамадан написал мамлюкскому султану Насир ад-дину ал-Хасану (1347–1351) о своем назначении не позднее осени 1349 г., когда был утвержден на этом посту. В сентябре 1358 г. сын Джанибека Бердибек (1357–1359) направил письмо даруге Крыма Кутлуг-Тимуру. Из содержания письма следует, что предшественником Кутлуг-Тимура являлся Рамадан[15]. Следовательно, Рамадан мог быть правителем Крыма от 1349 до 1358 г. Вероятнее все же, что Кутлуг-Тимур сменил Рамадана еще осенью 1357 г., когда после убийства отца в Орде пришел к власти Бердибек.

Благодаря сведениям арабских авторов об ордыно-египетских связях, мы знаем, что осенью 1384 г. правитель Крыма Кутлугбуга направил к мамлюкскому султану Сайф ад-дину Баркуку (1382–1389) посольство, которое возглавлял сын Рамадана Хасан[16]. Тот же Хасан посылался ханом Токтамышем (1379–1395) к Ягайлу с сообщением об утверждении на золотоордынском престоле, видимо, в 1380 г. Старшим послом тогда был Кутлугбуга. Вторым посольством Токтамыша к Ягайлу, в мае 1393 г., руководил уже Хасан[17]. Мы не случайно заострили внимание на этом потомке Рамадана. Персоязычный автор Шерефеддин Йезди, описывая знаменитое сражение между Тимуром и Токтамышем, имевшее место в июне 1391 г. при Кундурче, среди других племенных вождей, выступавших на стороне Токтамыша, назвал Хасанбека из рода сарай[18]. Если это был тот же самый Хасан, то соответственно и его отец Рамадан являлся вождем племени сарай. Источники, как правило, умалчивают о родовой принадлежности исторических деятелей Золотой Орды середины XIV в. Она с трудом устанавливается лишь по косвенным данным.

Самым животрепещущим вопросом ордыно-венецианских отношений к началу 1356 г. являлся вопрос о новом месте венецианской фактории на ордынской земле. Рамадан, назначенный непосредственным исполнителем пожалования Джанибека, предложил венецианскому дожу, предварительно обговорив это с венецианским послом, оборудовать торговое представительство Венеции в пункте,

местное название которого переводилось как «Новый город». Среди итальянцев он был известен под именем Провато («испытанный», «проверенный»). На средневековых итальянских картах Провато изображали на морском берегу при небольшой бухте между Кафой и Солдайей (Судаком)[19].

Известно, что еще в 1347 г. венецианцы ставили перед ордынским правительством вопрос о предоставлении им дополнительного, кроме Азова, торгового представительства на крымском берегу. Тогда речь шла в основном о размещении в Воспоро (Керчи)[20]. Такая позиция венецианской стороны была вполне оправданной, ибо крепость Воспоро контролировала вход в Азовское море, ее гавань была хорошо оборудована и расположена достаточно далеко от генуэзской Кафы. Поэтому, видимо, в 1347 г. Венеции и не удалось добиться от Орды осуществления своих планов. Предложенная теперь ордынской стороной замена ставила венецианцев в крайне невыгодное положение. Опасная близость Кафы не устраивала Венецию ни в военном, ни в торговом отношении. Чтобы хоть как-то «подсластить пилюлю», правительство Джанибека предложило для венецианских купцов в Провато снижение ставки торгового налога с 5 (как это было в Азове) до 3%. Более подробный анализ параграфов ханского «пожалования» для венецианских купцов в Провато мы рассчитываем провести при рассмотрении этого пожалования в специальном послании Рамадана к венецианским купцам, которое было подготовлено одновременно с его письмом к венецианскому дожу[21].

Вторая проблема, получившая отражение в письме Рамадана, заключалась в практике ордыно-венецианских взаимоотношений не на государственном, а на бытовом уровне. Представители разных культур, языков и конфессий встречались буквально лицом к лицу в арендуемых у местного населения домах, на рынках, во время торговых поездок по стране, на палубах транспортных кораблей и т. д. Взаимное непонимание, усугублявшееся языковым барьером, вызывало недоверие, легко перераставшее во вражду.

Конфликты с обеих сторон возникали постоянно. Изредка они решались на местах официальным путем, когда истец одной стороны должен был обращаться с жалобой к представителю местной администрации (ордынскому даруге или венецианскому консулу)

другой стороны. Значительно чаще эксцессы разрешались в соответствии с реальным соотношением сил на данный момент. При этом частное выяснение отношений иногда разрасталось в массовое кровопролитие, которое влекло за собой межгосударственные конфликты. Такая коллизия имела место, например, в конце лета — начале осени 1343 г.[22] Обычно же столкновения кончались захватом имущества и даже людей численно или в военном отношении преобладающей стороной. Эти конфликты были, как правило, затяжными. Они растягивались на много лет и составляли значительную долю в межгосударственной переписке.

В нашем случае такого рода многолетняя тяжба была осложнена еще и венециано-генуэзским соперничеством. Видимо, Андреа Венерио, ходатайствуя перед ханом о предоставлении Венеции новой торговой фактории, уполномочен был просить и о возвращении двух венецианских купцов и их товаров, захваченных ордынцами Рамадана. В ответном письме крымский даруга напомнил о том, что еще в разгар венециано-генуэзской войны, сразу после поражения Генуи в битве под Альгеро 27 августа 1353 г., галеры адмирала-победителя Николо Пизани захватили 9 торговцев — ордынских подданных Крымского тюмена, находившихся на генуэзском корабле в бухте Золотой Рог под Константинополем. Двое из тех купцов были убиты, двое захвачены в плен и уже 2 года томятся в тюрьме на острове Крит. У ордынцев были конфискованы деньги и товары на сумму в 4 тыс. сомов. Рамадан потребовал немедленного размена людьми и захваченным имуществом.

Приводимые в письме имена пострадавших ордынских купцов искажены в итальянском переводе и нуждаются в специальной реконструкции. Пока можно сказать, что имена эти были арабско-мусульманскими и греческими. Они отражали этнический состав ордынского купечества. Названная в письме денежная единица — сом — представляла собой ладьевидный слиток серебра, вес которого при Джанибеке равнялся 187,2 г. Из такого количества серебра в ордынских монетных дворах чеканились от 120 до 190 (только в Азове) монет-дирхемов[23]. 4 тыс. сомов составляли 748,8 кг серебра, или от 480 до 760 тыс. дирхемов.

Контроль за регулярным и правильным поступлением в ханскую казну отчислений от торгового налога-тамги с иностранных

купцов всегда составлял одну из главных забот чиновников ордынского правительственного аппарата. Обычной для Орды ставкой тамги были 3% с продажной цены товара. В 1347 г. в качестве репрессивной меры по отношению к итальянским купцам Азова ставка торгового налога была повышена до 5%. В письме Рамадана налог в 3% представлен уже в качестве особой милости. Недобросовестным плательщикам тамги грозила конфискация их товаров.

По вопросу о том, с какого языка осуществлялся итальянский перевод письма Рамадана, можно высказать следующие суждения. Монголо-тюркские и просто тюркские налоговые термины «тамга», «ясак», «айлык», включенные в письмо без перевода, свидетельствуют лишь о том, что в середине XIV в. они повсеместно употреблялись и отлично понимались не только ордынскими, но и иноземными купцами. Эти термины могли содержаться в монгольском, тюркском или персидском текстах оригинала. Для получения более определенного ответа на поставленный вопрос нужно обратиться к анализу сохранившихся подлинных текстов ордынских официальных писем. Таких текстов сохранилось всего 3. Это письма ханов Токтамыша (1393), Махмуда (1466) и Ахмата (1477)[24]. Сравниваем обозначения адресанта и адресата в этих письмах с такими же оборотами в письме Рамадана и убеждаемся, что они просто несопоставимы, ибо названные ханы обращались к владыкам, по крайней мере равным им по рангу.

Крымский даруга находился по отношению к венецианскому дожу на более низкой ступени власти. С его общественным положением можно сравнить состояние хана, подчиненного другому монарху и во всем зависимого от последнего. Таким было положение формального преемника власти золотоордынских ханов — крымского хана Менгли-Гирея (1468–1475, 1479–1515) — по отношению к турецким султанам, после его пленения турками и содержания на чужбине в 1476–1478 гг.[25] Сохранились письма Менгли-Гирея к султанам Мехмеду II (1451–1481) и Баязиду II (1481–1512) от 1478, 1479 (два), 1486, 1510 и 1512 гг., начертанные по-тюркски арабицей. В обращении указанных писем личное имя адресанта отсутствует, а пространный и пышный адресат вынесен на первое место[26], т. е. повторяется картина, наблюдаемая нами в письме Рамадана к венецианскому дожу.

О чем это говорит? Только о том, что итальянский перевод письма Рамадана повторяет форму обращения, принятую в оригинальных текстах ордынских писем. Для определения языка оригинала полученных данных явно недостаточно. При рассмотрении примитивной датировки письма Рамадана обнаруживаем, что по своей форме она является калькой датировки первых двух из названных писем Менгли-Гирея (остальные 4 письма вообще не имеют дат). Письма крымского хана были начертаны по-тюркски буквами арабского алфавита, а датированы чисто по-арабски. У мусульман, писавших арабицей, было принято датировать свои письма по мусульманской хиджре независимо от языка самого послания. Следовательно, итальянский перевод письма Рамадана производился или с тюркского, или с персидского текста.

Поскольку, по нашему мнению, до середины XIV в. на территории Золотой Орды по-тюркски писали исключительно уйгурицей, а данное послание переводилось с арабицы, то языком оригинала для итальянского переводчика был персидский язык. Мы полагаем, что в этом случае персидский язык выполнял роль языка-посредника при передаче содержания изначального монгольского текста письма Рамадана.

Что касается времени и места составления письма, то для уточнения того и другого мы можем воспользоваться итальянским переводом послания Рамадана к венецианским купцам, которое было написано одновременно с его письмом к венецианскому дожу. Из текста последнего явствует лишь, что письмо составлено в первых числах месяца раби аль-авваля 757 г. х. Под «первыми числами» лунного месяца в арабской датировке по-хиджре понимались «первые десять дней», т. е. речь шла о 4–13 марта 1356 г.[27] Послание Рамадана к венецианским купцам было написано в 1-й день раби аль-авваля 757 г. х., т. е. 4 марта 1356 г. в Гюлистане[28]. Вспомним, что и ярлык Джанибека от 1347 г. был выдан в Гюлистане — ордынском городе, местоположение которого примерно соответствовало Булгару на Волге[29]. Следовательно, письмо Рамадана к венецианскому дожу Джованни Грандениго было также составлено в Гюлистане 4 марта 1356 г. Там, в ханской ставке, в то же время венецианскому послу Андреа Венерио был выдан и ярлык Джанибека на порт Провато.

Поскольку выше мы пришли к выводу о том, что итальянский перевод письма Рамадана осуществлялся с персидского языка-посредника, а изначально его составили в ханской канцелярии по-монгольски, то в реконструированном виде концовка письма выглядела так: «Написано года обезьяны среднего месяца весны прибывающей Луны во 2-й день [4 марта 1356 г.], в Гюлистане»[30].

Глава VI

УВЕДОМЛЕНИЕ РАМАДАНА ВЕНЕЦИАНСКИМ КУПЦАМ*

Подлежащий рассмотрению исторический источник представляет собой составную часть комплекта из трех документов, одновременно оформленных в золотоордынском городе Гюлистане в 1356 г. Комплект включал в себя ярлык хана Джанибека (1342–1357), текст которого до нас не дошел. Содержание его повторяется в письме начальника Крымского тюмена Рамадана венецианскому дожу Джованни Градениго (1354–1356). Названное письмо является второй частью комплекта. Его содержание уже анализировалось[1]. Третья, последняя, составляющая комплекта — настоящее уведомление. Оно было обращено к венецианским купцам, намеревавшимся поселиться в ордынском городе — порте Янгишехре. Этот крымский порт, в итальянских документах носивший имя Провато, в Орде назывался по-тюркски Янгишехр[2]. Он располагался в непосредственной близости от Кафы (Феодосии) на берегу бухты, которая теперь именуется Двуякорная.

Венецианцы договорились с правительством Джанибека о передаче им места под торговую факторию в Янгишехре в качестве компенсации за временно утраченную ими базу в Азове. Естественно, что и в дальнейшем, вернув себе квартал в Азове, они собирались оставаться в Янгишехре и вести работу по увеличению числа своих торговых представительств на побережье Крыма.

Ниже помещаем полный итальянский текст уведомления Рамадана и его русский перевод, выполненный на основании наиболее авторитетного издания[3]. Прежде мы полагали, что итальянские переводы ордынских документов выполнялись венециански-

* Григорьев А. П., Григорьев В. П. Уведомление правителя Крыма Рамадана венецианским купцам в Янгишехре (1356 г.) // Востоковедение / Отв. ред. А. А. Искоз-Долинина, В. Б. Касевич. СПб., 1998. Вып. 20. С. 155–159.

ми переводчиками. Только завершение анализа переводных текстов ханских ярлыков, выданных венецианским купцам Азова, привело нас к убеждению в том, что переводы текстов этих актов на итальянский язык осуществлялись самими персами[4], исполнявшими в ордынской канцелярии роль секретарей-писцов и владевшими тем разговорным итальянским языком, который в ту эпоху можно было услышать на торговых пристанях северного и южного побережий Черного моря.

La parola de Ramadan a li franchi Veneciani.

El mesadego de miser lo doxe — Andrea — si duxe vna letera cum bola, la domanda de miser lo Doxe, e nuy semo contento de quelo che lo a domandado.

Vignando li marcadanti Venetiani che li debia vegnir in lo Provato. Trazando le suo mercadantie e vendando quele in Sorgati, debia pagar III per centener; e se li non vendesse, non debia pagar niente, e se le suo mercantie elli portasse altro, debia pagar lo tartanato. Li taverneri non debia pagar aylocho ni ysacho. Ancora, se li Venetiani auesse algune parole cum queli del Roman ouer question, zoe se queli domandasse al Venetian, debia andar auanti el consolo et e conuerso, s'el uenetian domandasse a queli del Toman debi andar auanti el signor de la tera. Quando le naue e le galie auera so cargo, vn meso del Signor cum vn meso del consolo debia veder in quele, che algun fuzasco ni sclavo non se ne andasse, e puo se partira al so plaxer.

Cossi auemo fato pato e conuention, in lo anno de VII.^{c} LVII, in lo mese de Rabimuol, in lo primo di, in Calustan.

Amen.

Nota: che questi pati fo translatadi de parsescho in latin.

«Слово Рамадана венецианским франкам.

Посланец господина дожа, Андреа, доставил грамоту с печатью, запрос господина дожа, и мы нашли исполнимым то, что он запросил.

Прибывающим торговцам-венецианцам надлежит приезжать в Янгишехр. Привозящие свои товары и торгующие ими в Крыму должны платить 3%; если они не торгуют, то не должны платить ничего, а если свои товары они провозят другим, то должны платить тартанак. Их трактирщики не должны платить ни айлык, ни ясак. Также если венецианец затеет какой-нибудь спор с тем, кото-

рый из тюмена, или же тяжбу с ним, тогда тому, кто спрашивает с венецианца, надлежит идти к консулу и обратиться к нему; если же венецианец спрашивает с того, который из тюмена, ему надлежит идти к правителю края. Когда [венецианская] нава или галея произведет погрузку, доверенному лицу правителя вместе с доверенным лицом консула надлежит произвести в ней досмотр, чтобы на ней не ушел какой-нибудь беглый или раб, а затем она может спокойно отправляться.

Так были заключены соглашения и договор в году 757 месяца раби аль-авваля в 1-й день [4 марта 1356 г.], в Гюлистане.

Аминь.

Примечание: Пусть настоящее соглашение будет переведено с персидского на латинский язык».

Это короткое уведомление охватывало круг вопросов, имевших непосредственное отношение к группе венецианских купцов, которым предстояло жить и работать на положении иноземцев в стране с иной культурой, своими нормами поведения. Интересы венецианской стороны должен был представлять консул, которому в случае непредвиденных осложнений с подданными Крымского тюмена надлежало разрешать споры и тяжбы, истцами в которых выступали ордынцы, а ответчиками — венецианцы. противоположную сторону в необходимых случаях представлял глава Крымского тюмена. Таким был на практике совместный венециано-ордынский суд. известный нам только по названию из содержания 4 ордынских ярлыков, пожалованных венецианским купцам Азова[5]. Уникальным является находящееся в уведомлении свидетельство об обязательном совместном досмотре венецианских торговых судов, нав и галей, производимом перед отплытием из порта, на предмет обнаружения всякого рода беглых и рабов. Ни в одном из ханских ярлыков по Азову такого рода условие не было зафиксировано. Надо думать, что оно обязательно включалось в специальные уведомления главы Азовского тюмена, которые служили приложениями к ханским ярлыкам по Азову.

Торговый налог венецианские купцы должны были платить только после завершения торговой сделки. Размер его не превышал 3%, т. е. был льготным по сравнению с 5%-ной тамгой, которая взималась с венецианских купцов в Азове. Транзитные венециан-

ские товары облагались весовым сбором — тартанаком. При выезде из Азова венецианцы также платили тартанак со своих повозок с товарами. Интересно сообщение о том, что венецианцы, содержавшие в Янгишехре таверны, не должны платить в ордынскую казну ни айлык, ни ясак. Тюркский термин «айлык» («месячный [сбор]»), видимо, отвечал своему прямому значению. Монголо-тюркский термин «ясак» в значении обязательного ежегодного налога на собственность встречается в сохранившихся тюркских текстах более поздних ордынских ярлыков параллельно с однозначным тюркским термином «салык»[6]. Вспомним, что и в других мусульманских странах венецианцы издавна стремились к освобождению от всех налогов и сборов, взимавшихся местными властями, отстаивали право на свободное изготовление вина для собственного потребления[7].

Прежде мы полагали, что исходившие в 1356 г. от имени Рамадана документы изначально писались уйгурицей по-монгольски. Соответственно реконструировались время и место их написания[8]. После реконструкции содержания ярлыка Бердибека от 1358 г. и его новой датировки[9] наше мнение относительно языка оригиналов посланий Рамадана, а также обозначения времени и места их написания изменилось. Первоначально письма Рамадана писались уйгурицей по-тюркски. Так что в полном виде время и место их написания можно реконструировать и передать по-русски так: «Написано года обезьяны, хиджры 657-го, месяца раби аль-авваля в 1-й день [4 марта 1356 г.], когда ставка находилась в Гюлистане».

Любопытно примечание, помещенное в конце уведомления Рамадана, в котором говорится о необходимости перевода его текста с персидского на латинский язык. Прежде всего оно подтверждает наш вывод, высказанный при реконструкции содержания письма Рамадана венецианскому дожу, о том, что языком-посредником обоих посланий был именно персидский язык[10]. Кроме того, возникает законный вопрос: а надо ли было переводить уведомление с уже и так понятного венецианцам итальянского языка на официальную латынь? Ведь не переводились же на латынь итальянские переводы ярлыков Джанибека от 1347 г. и Бердибека от 1358 г. Видимо, ответ на поставленный вопрос заключается в том, что примечание к уведомлению было написано в ордынской канцелярии

самими ордынцами. Под «латинским» переводом подразумевалась передача содержания письма с персидского языка на язык общения с венецианцами, т. е. итальянский, буквами латинского алфавита.

История функционирования венецианской фактории в Янгишехре показывает, что в промежуток времени от середины 50-х до начала 80-х годов XIV в. она еще влачила свое существование, а затем и вовсе была ликвидирована. Естественно, что там венецианцы не могли конкурировать с мощной торговой базой генуэзцев в Кафе. Венецианские торговые галеи специально направлялись из метрополии в гавань Янгишехра только в те же годы, когда было закрыто для торговли их основное представительство в Северном Причерноморье — Азов, что имело место в 1356–1357 гг. (после венециано-генуэзской войны 1350–1355 гг.) и в 1382 г. (после венециано-генуэзской войны 1378–1381 гг.)[11]. Из соображений экономической целесообразности правительство Венеции не могло позволить себе и содержание отдельного консула в Янгишехре. Его функции обычно исполнял азовский консул[12].

Глава VII

ПРЕДПИСАНИЕ БЕРДИБЕКА КУТЛУГ-ТИМУРУ*

13 сентября 1358 г. в низовьях Волги, на левом берегу ее рукава Ахтубы, на месте старой ордынской столицы Сарая, где тогда располагалась ставка хана Бердибека (1357–1359), в ханской канцелярии был составлен ярлык венецианским купцам Азова[1]. В тот же день от лица Бердибека было начертано предписание правителю Крымского тюмена Кутлуг-Тимуру[2], которое нам предстоит рассмотреть ниже. Через неделю, 20 сентября 1358 г., в той же канцелярии было составлено уведомление венецианцам от лица Кутлуг-Тимура[3]. В промежуток времени от 24 до 26 сентября 1358 г. названные документы были вручены в оригинале (1-й и 3-й) и переводе на итальянский язык (все три) послам дожа Венеции Джованни Дольфина (1356–1361), которых звали Джованни Квирини и Франческо Бон.

Ярлык Бердибека и уведомление Кутлуг-Тимура предоставляли венецианским купцам в Азове и тем, кто пожелал бы торговать на юго-восточном побережье Крыма в портах Янгишехра, Коктебеля и Судака, ряд льгот и привилегий. Предписание Бердибека Кутлуг-Тимуру отражало историю многолетней тяжбы между венецианскими и ордынскими купцами.

Тяжба началась после того, как осенью 1353 г. венецианские галеры, руководимые адмиралом Николо Пизани, в бухте Золотой Рог под Константинополем напали на торговый корабль генуэзца Николозо Ското и ограбили его. Тогда между Венецией и Генуей с переменным успехом шла война 1350–1355 гг. Так что само по себе событие было малопримечательным. Однако оказалось, что в тот момент на генуэзском корабле находились со своими товарами и 9 ордынских купцов из Крымского тюмена. В пылу схватки двое

*Григорьев А. П., Григорьев В. П. Предписание Бердибека правителю Крыма Кутлуг-Тимуру (1358 г.) // Востоковедение / Отв. ред. И. М. Стеблин-Каменский. СПб., 1999. Вып. 21. С. 176–182.

ордынских купцов были нападавшими убиты, остальные схвачены, а их имущество расхищено.

В 1349–1357 гг. управление Крымским тюменом от лица хана Джанибека (1342–1357) осуществлял Рамадан (Зайнуддин Рамазан). Узнав о происшествии под Константинополем, Рамадан в личном послании сообщил о нем венецианскому дожу. В том же письме крымский правитель поведал дожу и о других незаконных захватах, имевших место с венецианской стороны. Ответа из Венеции не последовало. Тем временем в Крыму узнали, что двое из арестованных купцов томятся в тюрьме на Крите. Тогда Рамадан распорядился схватить двоих венецианских купцов с их товарами и удерживать в заточении до тех пор, пока ордынской стороне не будет возвращено все захваченное венецианцами имущество.

Отправленный из Венеции в Орду осенью 1355 г. посол Андреа Венерио получил от дожа кроме прочих поручений задание вызволить задержанных венецианских купцов и вернуть их конфискованные товары. Видимо, он имел полномочия освободить из заключения на Крите двоих ордынских торговцев и переправить их в Крым. В трудах и странствиях для венецианского посла прошла зима 1355/56 г. Чтобы исполнить порученные ему дела, Венерио пришлось дойти до ставки Джанибека в Гюлистане на Волге. Именно там 4 марта 1356 г. от имени Рамадана было составлено ответное послание крымского правителя венецианскому дожу. Из его содержания явствовало, что размен купцами, задержанными с обеих сторон, состоялся. Однако не все ордынские купцы получили полное возмещение своих убытков, а потому и венецианским купцам не была компенсирована стоимость их товаров[4].

Протекли еще два с половиной года венециано-ордынских отношений. В обстановке общей нестабильности в Орде сменился хан. 22 июля 1357 г. им стал отцеубийца Бердибек. В сентябре 1358 г. в Сарае он составил письменное предписание правителю Крыма покончить с затянувшейся тяжбой. Предписание сохранилось в венецианском архиве только в переводе на итальянский язык:

La parolla de Berdibech a Cotelletemur.

Condomelich, Jouannes et Stefanos et Aymedin Ysof. Questi homeni son vegnudi a nuy, e lor si an sporta la so peticion in lo seruisio de mercandaori: andando mercadanti in Constantinopoli, le galie de Veniciani

schontrando, II^{m} III^{c} XXX somi in arzento et altra mercandaria fossemo derobadi, et homeni II fo morti, li altri si an tegnudi in preson anni II; et stagando anni II nuy schampassemo, e vegnando a lo Sancto Imperador auemo inchinado. Fata la gratia che Ramadan douesse zerchar da li Veniciani franchi se debia tuor et pagar questo auer; in quella fiada li franchi disse de pagar questo auer, et Ramadan perzo manda I so messo, et andando la non fo pagado et fo cazado via.

Anchor I homo che nome Bassimat porse la soa peticion che vegnando de Zepro le galie de Veniciani schontrando, si de an robadi in mercandaria et deneri a valor de somi V^{c}.

Mo cum questo comandamento a questi homeni scritti.

Vuy Cotelletemur de Sorgati in la Tana: vuy et Sichebey stagando aimsembre debie clamar el consolo de Veniciani et debieli fauelar de questi homeni. In lo tempo de Ramadan fo parlado et prouado questo auer su li Veniciani lialmentre in complimento debia eser pagadi, e uuy non debie restar de farli tosto pagar.

Auemoli dado comandamento cum bolla d'oro in l'ano de VII.^{c}LVIIII a mese VIII de l'anno a di X de la luna.Li baroni Molgabogabey, Cotelletemur, Timuros, Coragan, Chozazuch... questi cani sporse la so peticion. Sabadin scriuan scrisse.

«Слово Бердибека Кутлуг-Тимуру.

Идумелик, Иоанн, Стефан и Айниддин Юсуф. Это люди пришли к нам, и ими подано тут такое прошение по торговому делу. Когда [эти] купцы ехали в Константинополь, на них напали галеи венецианцев. 2330 сомов серебром и другими товарами были расхищены, двое людей были убиты, а [двоих] других 2 года держали в тюрьме. И по прошествии двух лет мы были освобождены и пришли к покойному императору, взывая о помощи. Дано было пожалование, согласно которому Рамадан должен был взыскать [все] с венецианских франков, обязав их отыскать и оплатить это имущество. В удостоверение этого франкам было велено оплатить это имущество. И Рамадан лично послал одного [человека] с тем сообщением. И пришедшему туда не было уплачено и был запрещен проезд.

Еще один человек, имя которого Бачман, подал такое прошение, что, когда он следовал с Кипра, на него напали галеи венецианцев и похитили у него товаров на сумму в 500 сомов.

Ныне одновременно с этим ярлыком к этим людям написано.

Вы, Кутлуг-Тимур из Крыма и Черкесбек, находясь совместно в Азове, должны обратиться к консулу венецианцев и рассказать ему об этих людях. Во времена Рамадана было говорено и доказано, что это имущество действительно находится у венецианцев и вследствие этого оно должно быть оплачено. И вы не должны прекращать усилий, направленных к его скорейшей оплате.

Им дан ярлык с золотой печатью в год 759 в 8-й месяц года, в 10-й день Луны [13 сентября 1358 г.]. Представили то прошение князья Могулбуга, Кутлуг-Тимур, Тимур, Кораган, Черкес-ходжа. Написал Сабахаддин-катиб».

Итальянский текст предписания Бердибека и его русский перевод мы разбили на абзацы в соответствии с конкретным содержанием документа. Предписание начиналось обращением хана к своему темнику. Оно выдержано в форме, принятой для ордынских ханских документов XIV в., начертанных по-тюркски: «Мое, Бердибека, слово Кутлуг-Тимуру».

Далее следовал рассказ о судьбе ордынских купцов Крымского тюмена, находившихся осенью 1353 г. на торговом судне генуэзца Николозо Ското под Константинополем и ограбленных там венецианцами с галей, руководимых адмиралом Николо Пизани. Из второго письма Рамадана венецианскому дожу от 4 марта 1356 г. нам известно, что ордынских купцов на генуэзском судне было 9 человек[5]. В предписании Бердибека называются только 4 купца, представивших хану прошение о возмещении убытков. Возможно, это объясняется тем, что к сентябрю 1358 г. часть ограбленных в 1353 г. торговцев уже получила какую-то компенсацию от похитителей. К тому же двое купцов были убиты еще в день венецианского нападения.

Бердибек приводит имена писцов: Condomelich, Jouannes, Stefanos, Aymedin Ysof. К ним можно подобрать соответствия из тех 9 имен, которые представлены в письме Рамадана: Ydomelich (Ydumelich), Juanes, Stephanos, Animandi[6]. Не вызывает сомнения передача греческого имени Стефанос (русские формы — Стефан, Степан)[7]. Узнается итализированная форма греческого имени Иоаннис, в свою очередь воспринятого из Библии (русские формы — Иоанн, Иван)[8]. Оставшиеся два восточных имени искажены силь-

нее. Из трех представленных вариантов первого из них мы выбираем вариант Идумелик, рассматривая его как сложное арабское мужское имя Иди + Малик в форме, принятой у персов[9]. Второе восточное имя понимается нами как двойное, арабское по происхождению имя в персидском звучании. Основному имени здесь предшествует почетное прозвище (кунья) Айниддин (арабск. Айнуддин), т. е. «сущность веры», за которым следует имя Юсуф (арабск. Юсиф)[10].

Иными словами, в предписании называются 4 ордынских купца, по своему этническому происхождению бывшими персами и греками. В тюрьме на Крите два года провели персы Идумелик и Айниддин Юсуф[11].

Если в письме Рамадана от 1356 г. мы читали о том, что на генуэзский корабль, в котором находились со своими товарами 9 ордынских купцов, напали 16 венецианских галей и расхитили товаров на 4 тыс. сомов, то в рассматриваемом предписании Бердибека число нападавших венецианских галей не называется, а ущерб четверых из ордынских купцов исчисляется в 2300 сомов.

Расценивая ордынский сом в период правления Джанибека как слиток серебра и счетную единицу для определенного количества монет — дирхемов, мы получаем следующие цифры. Ущерб ограбленных под Константинополем купцов в предписании Бердибека оценивался в (187,2×2330 = 436 176) 436 кг 176 г серебра, что составляло (436 176 : 1,56≈279 596) примерно 279 596 дирхемов, или (436 176 : 9,12≈47 826) около 47 826 динаров[12]. В ходячей монете того времени (учитывая еще и то, что в Азове чеканили дирхемы менее полновесные, чем в других регионах Золотой Орды)[13] цифры, естественно, были несколько иными, т. е. от венецианцев хан требовал вернуть истцам до 300 тыс. дирхемов, или около 50 тыс. динаров.

Следующий короткий раздел предписания посвящен рассказу об ограблении венецианцами еще одного ордынского торговца. Его имя в латинской транслитерации представлено как Bassimat. Из персидских и китайских источников под 1236 г. известен рассказ о кыпчаке Бачмане[14]. Это тюркское имя больше всего подходит для нашего случая. Надо полагать, что ордынский купец из Крымского тюмена Бачман, как и его вышеназванные коллеги, лишился

имущества по пути с Кипра домой в том же 1353 г. Его ущерб в серебре оценивался в (187,2× 500 = 93 600) 93 кг 600 г, что составляло (93 600 : 9,12≈10 263) приблизительно 10 263 динара. Следовательно, общий ущерб ордынских купцов, названных в предписании Бердибека, составил 2 830 сомов, или теоретически около 58 089 динаров, а на практике — около 60 тыс. динаров.

Отметив вскользь, что ответ пострадавшим купцам написан одновременно с данным предписанием Кутлуг-Тимуру (каковое хан законно именует comandamento, т. е. «ярлыком»), следующий раздел Бердибек целиком посвящает своему повелению. В нем правителям Крымского и Азовского тюменов в категорической форме предписывается, сойдясь в Азове, обратиться там к венецианскому консулу и настоятельно потребовать у него скорейшего возмещения ущерба, нанесенного венецианцами ханским подданным.

На посту правителя Крымского тюмена Рамадана в 1357 г. сменил Кутлуг-Тимур[15]. Правитель Азовского тюмена с 1342 г. именовался в венецианских переводах ордынских документов Siecho. Мы постарались доказать, что в текстах соответствующих ордынских подлинников стояло имя Черкес-ходжа, измененное в итальянских переводах на Зих-господин[16]. Названным правителям надлежало обращаться за возмещением ущерба к консулу венецианского квартала в Азове, ибо другого официального представителя Венеции такого ранга на северном побережье Черного моря больше не было.

В последнем разделе предписания Бердибека формально представлена дата составления не его, а ханского ответа на прошение ограбленных купцов. Этот ответ был написан в один день с предписанием — 13 сентября 1358 г. Тогда же был оформлен и ярлык Бердибека венецианским купцам Азова[17]. Обращает на себя внимание указание на «золотую печать» (bolla d'oro), поставленную в конце ответа Бердибека ордынским купцам-жалобщикам. Видимо, такая же печать заключала и текст предписания Кутлуг-Тимуру. Мы помним «красную печать» (le bolle rosse), которую легко отождествили с квадратной алой тамгой, символом родовой собственности чингисидов. Ее традиционно оттискивали на ханских ярлыках — жалованных грамотах[18]. На ханских ярлыках-посланиях ставилась не тамга, а печать иного рода. Как и тамга, она имела форму квадрата, но была не алого, а золотого цвета и называлась по-тюркски

«нишан» («знак»). Он выполнял роль личного знака. Сохранились подлинники ханских посланий на тюркском языке Токтамыша от 1393 г. и Улуг-Мухаммеда от 1428 г., запечатанные золотыми нишанами, — «златонишанные» («алтун нишанлык»). На первом из них был оттиснут один нишан, а на втором — целых пять[19].

Поименованные в конце предписания Бердибека ордынские князья — это опять-таки те, которые выступали ходатаями за ограбленных купцов. В списке ходатаев улугбек Могулбуга (Molgabogabey)[20], Кутлуг-Тимур (Cotelletemur), Тимур (Timuros), и Коратан (Coragan), являвшиеся, видимо, князьями-карачеями (ранее в документах не встречались), и Черкес-ходжа (Choza-zuch). Непосредственным составителем текстов ответа Бердибека, его предписания и ярлыка венецианским купцам Азова был писарь ханской канцелярии Сабахаддин-катиб (Sabadin scriuan)[21].

Глава VIII

УВЕДОМЛЕНИЕ КУТЛУГ-ТИМУРА ВЕНЕЦИАНСКИМ КУПЦАМ*

Венецианские архивы сохранили уникальный документ ордынской канцелярии второй половины XIV в., в котором перечисляются условия торговли венецианских купцов в трех портах южного берега Крыма, входившего тогда в состав Крымского тюмена Золотой Орды. Документ дошел до нас только в синхронном итальянском переводе, текст которого гласил[1]:

La parolla de Cotelletomur, segnor de Sorgati, ali ambaxadori de li Veniciani, miser Zan Quirin et miser Francescho Bon, cani ambaxadori. A li Veniciani.

Li suo nauilij, si vegnira al Prouato, a Calitra, o in Soldadia, intro questi tre luogi et porti in qual porto vora ariuar; le spese de lo carezo, segondo como vuy pagaui a Ramadam, cossi dare a mi. Se li mercadanti fara mercadantia, pagera III per C.; e se li non vendera, niente pagera; chel no se tolgia plu niente. Algun a torto non li debia far torto ne violenza, e se algun li vora far, nuy non laseremo. A li forastieri, nuy li douemo vardar et saluar, che li debia star repossadamentre, et che li debia far le suo mercadantie.

E perzo a coluy chel tien, l'hauemo dado. Data in Lordo, in lo mese de Suual, di quindese.

«Слово Кутлуг-Тимура, правителя Крыма, венецианским послам господину Джованни Квирини и господину Франческо Бону, послам к хану, венецианцам.

Если ваши корабли будут приходить в Провато, Калитру или Солдадию, то внутри этих трех городов и портов, в какой бы порт им ни понадобилось войти, при покупке необходимого вам надлежит платить мне сообразно тому, что вы платили Рамадану. Если

* Григорьев А.П., Григорьев В.П. Уведомление правителя Крыма Кутлуг-Тимура венецианским купцам (1358 г.) // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 1995. Сер. 2. Вып. 1. С. 32–35.

их купцы будут производить торговлю, то должны платить три процента; если они не будут торговать, то не должны ничего платить; пусть не взимается с них больше ничего. Кто бы то ни был не должен несправедливо наносить им ущерб и притеснение; и если кто-либо захочет их нанести, мы не допустим. Мы должны охранять и защищать иностранцев, чтобы они могли чувствовать себя спокойно и производить свою торговлю.

Так что тому, кто этим [документом] владеет, он дан нами. Дата: в ставке, в месяц шавваль, дня пятнадцатого».

Время и место составления этого письменного источника определяются достаточно просто благодаря тому, что он находится в пакете документов, созданных в ордынской канцелярии по случаю очередного подтверждения венециано-ордынского торгового соглашения, которое произошло в 1358 г. В ярлыке хана Бердибека (1357–1359) венецианским купцам Азова, изначально написанном буквами уйгурского алфавита по-тюркски, время и место его выдачи читались: «Написано года собаки, хиджры 759-го, месяца шавваля в 8-й день (13 сентября 1358 г.), когда ставка находилась на берегу Ахтубы»[2]. Так что полная форма обозначения времени и места выдачи нашего документа может быть реконструирована следующим образом: «[Написано года собаки], хиджры [759-го], месяца шавваля в 15-й день (20 сентября 1358 г.), [когда] ставка [находилась на берегу Ахтубы]». На берегу Ахтубы располагался город Сарай. Именно там полномочные послы венецианского дожа Джованни Дольфина (1356–1361), Джованни Квирини и Франческо Бон 20 сентября 1358 г. получили для венецинских купцов, которые вели торговлю в Северном Причерноморье, официальный документ, дававший им право заходить в три названные в документе крымских порта и торговать там на определенных условиях, имея со стороны правителя Крыма обязательства по охране их жизни и собственности.

Относительно названных в документе трех черноморских портов южного берега Крыма можно сказать следующее. Порт Провато располагался в непосредственной близости от Кафы (Феодосии), к югу от него, в небольшой морской бухте Двуякорная. Местное ордынское название Провато было Янгишехр[3]. До настоящего времени это поселение не сохранилось. В марте 1356 г. венецианские купцы получили ярлык хана Джанибека (1342–1357), давав-

ший им право на обустройство в Янгишехре торговой фактории. Одновременно в ханской ставке было составлено уведомление от лица тогдашнего правителя Крыма Рамадана (1349–1357). В нем правитель предоставлял в распоряжение венецианцев место под застройку на территории Янгишехра и перечислял льготные для венецианских купцов условия торговли, проживания и совместного судопроизводства[4]. Порт Калитра, местное название которого было Коктебель[5], находился в одноименной бухте, километрах в 10 к юго-западу от Провато. Если двигаться вдоль береговой линии далее на юго-запад, то километрах в 35–37 от Калитры, в Судакской бухте, обнаруживался порт Солдадия, или Солдайя (Судак)[6]. Порты Калитра и Солдайя в уведомлении Рамадана не упоминались. Распространение на них права торговли для венецианских купцов в тексте уведомления Кутлуг-Тимура явилось новым завоеванием венецианской дипломатии.

Благодаря свидетельству арабского путешественника XIV в. Ибн Баттуты, мы знаем, что ханский наместник Крымского тюмена Кутлуг-Тимур был сыном Тюлек-Тимура, занимавшего тот же пост в правление ханов Токты (1291–1312) и Узбека (1313–1341)[7]. Имя Кутлуг-Тимура встречается еще в трех документах, имеющих отношение к ордыно-венецианским связям. Они исходили от лица Бердибека и его бабки Тайдулы и датировались 1358–1359 гг.[8] Там же упоминался взрослый сын Кутлуг-Тимура[9].

Условия торговли для венецианских купцов в трех названных крымских портах выгодно отличались от тех, которые хан предлагал им в Азове. В первую очередь это относилось к ордынскому торговому налогу — тамге. Для венецианцев в Азове он составлял 5% от цены товара, а для торговли в крымских портах — только 3%. Это объяснялось тем, что объем торговых операций в Азове был значительно крупнее. Ханская казна при этом пополнялась быстрее. Однако дело было не только в этом. Именно Бердибек, пришедший к власти летом 1357 г. в результате дворцового переворота[10], открыл своим правлением эпоху смуты в Золотой Орде, которая продолжалась до самого конца 70-х годов XIV в. и привела к тому, что представители рода Бату были физически истреблены и власть в Орде перешла к представителям рода младших джучидов[11]. Уже в 1358 г. власть в крупнейших ордынских административных цен-

трах Азове, Новом Сарае и Гюлистане спорадически захватывали и чеканили там свою монету кровные родственники Бердибека Кулпа, Навруз и Хызр.[12] В условиях непрекращавшихся междоусобиц в Орде венецианцы прекрасно понимали, что пропуск их купцов и товаров в Азов в любой момент может быть закрыт. Потому они сконцентрировали усилия на расширении географии своей торговой деятельности в крымских портах и добились в этом направлении крупного успеха. В отличие от уведомления Рамадана в уведомлении Кутлуг-Тимура ни слова нет об обязательности венецианских поселений на территории хотя бы одного из трех названных крымских портов. Это обстоятельство сокращало расходы венецианских купцов в Крыму, открывало перед ними возможность торгового маневра при сохранении своей основной торговой базы в Азове.

Если уведомление Рамадана предназначалось для венецианских купцов, постоянно проживавших в Янгишехре, то уведомление Кутлуг-Тимура было вручено послам венецианского дожа для ознакомления и последующей передачи его в качестве сопроводительного документа в руки тех венецианских купцов, которые направлялись для торговли в любой из трех названных крымских портов.

Глава IX

ПОСЛАНИЕ ТАЙДУЛЫ ВЕНЕЦИАНСКОМУ ДОЖУ*

В истории Золотой Орды и русско-ордынских отношений середины XIV в. нет личности более известной и одновременно более загадочной, чем Тайдула. Заинтересованное исследование выявляет имя Тайдулы не только в собственно ордынских, но также в арабских и персидских источниках. Имя ханши и ее историческая роль прослеживаются не только в русских, но и в папских, и в венецианских документах той далекой эпохи. Нужно иметь в виду, что речь идет только о дошедших до нас письменных источниках. Сохранилось же их ничтожно мало.

Вызывает некоторое недоумение уже значение личного имени интересующего нас персонажа. Ее полное имя в транслитерации буквами арабского алфавита представлено в труде персоязычного историка начала XV в. Муинуддина Натанзи[1]. По-тюркски это сложное имя читалось Тагай-Тоглу, где слово «тагай» понималось как «дядя с материнской стороны (старший или младший брат матери)»[2], а слово «тоглу», которое в том же начертании могло произноситься и «доглу»[3], воспринималось как «рожденная». Предположительно все сочетание может быть осмысленно как «рожденная в доме дяди»[4]. Натанзи приводит и стяженную форму того же имени — «Тайдолу»[5]. В западных источниках XIV в. зафиксирована опять-таки форма Тайдолу (Taydolu, Thaythalu)[6]. В русской передаче имя Тайдолу трансформировалось в привычную для русского уха форму женского имени — Тайдула.

Мы не знаем, к какому ордынскому княжескому роду принадлежала Тайдула по своему рождению. Неизвестно и время, когда она стала женой ордынского хана Узбека (1313–1341). Русские летопи-

* Григорьев А.П., Григорьев В.П. Послание ордынской ханши Тайдулы венецианскому дожу (1359 г.) // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 1996. Сер. 2. Вып. 4. С. 18–23.

си отметили, что в 1323 г. умерла жена Узбека Баялун[7], которая, согласно показаниям арабских источников, принадлежала к могущественному роду кунграт и сыграла значительную роль в борьбе Узбека за утверждение на ордынском престоле[8]. Только смерть Баялун открыла перед Тайдулой возможность стать старшей женой хана. Эту возможность Тайдула не замедлила воплотить в жизнь. Старшей и любимой женой Узбека она оставалась до конца дней его жизни. При ордынском дворе ходила молва, которую поведал миру арабский путешественник Ибн Баттута, объяснявшая привязанность Узбека к Тайдуле некими анатомическими особенностями ее женского естества[9]. В действительности влияние Тайдулы на своего супруга, придворное окружение и даже внутреннюю и внешнюю политику страны в целом объяснялось незаурядностью ее личности и постоянной поддержкой ханши со стороны коалиции родовых князей, противостоявшей блоку, который возглавлял род кунграт. Эта тема еще ждет своего исследователя.

Современные Тайдуле руководители христианских государств прекрасно знали о ее роли «христианской заступницы» при ордынском дворе и постоянно прибегали к ее помощи. Летом 1340 г. глава католической церкви папа Бенедикт XII (1334–1342) составил в Авиньоне послание «светлейшей императрице Северной Тартарии, достойнейшей государыне» Тайдуле, в котором сообщал, что ему известно, с какой любовью Тайдула относится к христианам-католикам, проживавшим в Золотой Орде, с какой готовностью она оказывает им милости и полезное покровительство. Со своей стороны папа «просил и увещевал» ханшу, чтобы она продолжала «похвальные добрые дела» свои и «заслужила получение благодати божественной милости» через принятие «истинной веры католической»[10]. В 1349 г. венецианский дож Андреа Дандоло (1343–1354) столь же уважительно обращался к «достопочтеннейшей императрице татар, сиятельнейшей и превосходнейшей государыне Тайдуле-хатун», желая ей «здоровья и свершения всевозможных благопожеланий»[11]. Идиллию взаимоотношений между подданными христианских государей и ордынской ханшей ставит на реальную основу ярлык внука Тайдулы Бердибека (1357–1359) от 1358 г., из текста которого выясняется существование материальной заинтересованности Тайдулы в поддержании европейской морской тор-

говли. Ввозная пошлина с христианских кораблей, заходивших в Азов, была со времен Узбека отписана на имя Тайдулы, которая для сбора названной пошлины имела в Азове собственный штат таможников[12].

Естественно, что православные христиане Руси значительно раньше европейских католиков узнали о своей «заступнице» в лице Тайдулы. Тверской князь Александр Михайлович (1337–1339), вызванный «лестью» в Орду осенью 1339 г., тщетно взывал о заступничестве именно к «царице» Тайдуле[13]. Зимой 1351 г., находясь уже в ранге «главной матери» Джанибека (1342–1357), Тайдула выдала жалованную грамоту русскому митрополиту Феогносту (1328–1353)[14]. При рассмотрении этого документа о привилегиях для русской православной церкви выясняется, что Феогност получил ярлык Джанибека аналогичного содержания еще в 1342 г. Когда зимой 1351 г. из Византии на родину через Сарай возвращались посланцы великого князя владимирского Семена Ивановича (1340–1353) и митрополита Феогноста, Тайдула воспользовалась отсутствием в ставке Джанибека и «подтвердила» ханский ярлык на имя Феогноста, получив за это с русской стороны немалые деньги[15]. Ту же своекорыстную цель преследовала и проезжая грамота Тайдулы, выданная ею в Гюлистане зимой 1354 г. преемнику Феогноста, митрополиту Алексию (1354–1378)[16].

В составе венецианской коллекции из 10 переводов на латинский и итальянский языки ордынских документов XIV в. сохранилось личное послание Тайдулы венецианскому дожу Джованни Дольфину (1356–1361)[17]. Послание, составленное ранней весной 1359 г. и опубликованное еще в XIX в., до сего дня отсутствует в списке письменных источников по истории Золотой Орды. Предлагаем его латинский текст и русский перевод.

Ex voluntate Berdibech Thaydellu uerba nostra Duci Venetiarum.

Homines imperii super chocham Nicolay Schoti ascendentes Constantinopolim pro mercimoniis ibant. Vestre nouem galee obuiantes cum cocha predicta pugnantes ceperunt eos. Preterea homines imperii qui veniebant de Cipro, vestra galea depredata est eos. Omnes isti predicti venientes coram Imperatorem, et cum testibus probantes, inclinauerunt duo millia VIII^{c}. XXX sommos.

Imperator gratiam faciens, littera cum bulla aurea dans et execu-

tores, quod consul et mercatores in Tana debeant soluere dictam pecuniam.

Nos autem cogitantes quod istis esset grauamen, fieri non permisimus; sed de nostra propria cassena summos V^{c}. L iussimus dare, inuitis vestris ambaxatoribus et non consentientibus. Nunc, uisis presentibus, V^{c}. L summos non negligentes cicius mittatis.

Sic dicendo litteram cum bulla misimus in anno Porci, mense II luna V noua in Gullistano Sara scripta.

«По соизволению Бердибека, наше, Тайдулы, слово дожу венецианцев.

Люди империи, поднявшись на кокку Николая Скота, плыли в Константинополь за товарами. Девять Ваших галей, встретив упомянутую кокку, напали [на нее] и захватили тех [людей империи]. Кроме того, Ваша галея ограбила людей империи, которые возвращались с Кипра. Все те упомянутые [люди империи], придя к императору и представив свидетелей, оценили свой ущерб в 2830 сомов.

Император оказал им милость, выдав грамоту с золотой печатью и [назначив] исполнителей, которым обязаны были выплатить назначенные деньги консул и купцы в Азове.

Мы же, посчитав, что тем [это] будет бременем, не позволили [тому] свершиться, а распорядились выдать [пострадавшим] 550 сомов из нашей личной казны, против воли Ваших послов и не соглашающихся. Ныне, в их присутствии, 550 сомов без малейшего небрежения отправлены [по назначению].

Так сказав, грамоту с печатью послали. В год свиньи 2-го месяца в 5-й [день] прибывающей Луны [4 марта 1359 г.], в Гюлистан-сарае написано».

Представленный здесь латинский перевод послания Тайдулы был выполнен с восточного оригинала довольно пунктуально, практически «слово за слово». В нем отчетливо проглядывает грамматическая структура изначального текста, в котором тюрколог без труда узнает «свой» текст. Знакомство с формулярами ордынских официальных документов[18] позволяет исследователю выявить целые обороты, в деталях воспроизводящие начальную и конечную статьи устойчивого формуляра названных выше жалованных грамот Тайдулы русскому духовенству[19].

Отметим некоторые словосочетания и отдельные слова в латинском и русском переводах послания Тайдулы, которые могут вызвать недоумение читателей. Словосочетание «люди империи» является переводом официального ордынского названия Золотой Орды, которое в тюркском оригинале послания читалось «Улуг улус», т. е. «Великое государство»[20]. В послании Тайдулы речь идет о «подданных Великого государства». Точное терминологическое осмысление этого понятия пришло сравнительно недавно. Еще в конце XIX в. выдающийся русский тюрколог В. В. Радлов в аналогичном контексте переводил словосочетание как «великий народ»[21].

Слово «император» — латинский перевод титула «хан»[22]. «Золотая печать» на ханской грамоте представляла собой квадратную печать хана, оттиснутую на его послании золотой краской. В отличие от алой тамги, являвшейся символом родовой собственности чингисидов, который оттискивался на их жалованных грамотах, она называлась «золотым нишаном» и выполняла роль именной печати. Сохранились подлинники ханских посланий на тюркском языке (Токтамыша от 1393 г. и Улуг-Мухаммеда от 1428 г.), запечатанные золотыми нишанами[23]. На послании Тайдулы также была оттиснута именная печать — нишан, видимо, черного цвета. Нишаны были проставлены и на цитированных жалованных грамотах Тайдулы, ибо по своему рождению ханша не могла претендовать на знак родовой собственности чингисидов — алую тамгу[24].

Типы итальянских морских судов, названных в послании, хорошо известны. Плававшие в XIII–XV вв. корабли можно условно разделить на два больших класса: галеи и «круглые» суда. К классу галей относились длинные низкобортные суда, управлявшиеся преимущественно веслами. В качестве вспомогательного средства движения галея располагала косым (латинским) парусом на одной или двух мачтах. Галеи были как транспортными, так и военными кораблями. В «круглых» судах соотношение длины и ширины равнялось от 2,06 до 3,7. Это были парусные суда, основным преимуществом которых были большая грузоподъемность и способность осуществлять автономную навигацию на значительные расстояния. Основным типом «круглых» судов была нава. На протяжении XIV в. наву вытесняет кокка. Основным конструктивным

отличием кокки было то, что единственный руль у нее крепился к ахтерштевню (навы имели два боковых руля) и она имела не косой, а большой квадратный парус. Это позволяло полнее использовать силу попутного ветра, увеличивать маневренность и обходиться меньшим числом экипажа. По тоннажу кокку, морской гигант того времени, приравнивали к 8–12 галеям[25].

Рассмотрим текст послания Тайдулы с точки зрения точности и полноты отображенных в нем исторических событий. Начнем с того, что все случившееся с той или иной степенью достоверности отражено в ордынских документах, синхронные переводы которых сохранились в венецианских архивах. К ним относятся письмо правителя Крыма Рамадана венецианскому дожу Джованни Градениго от 4 марта 1356 г. и предписание Бердибека новому правителю Крыма Кутлуг-Тимуру от 13 сентября 1358 г.[26]

Названные источники дают возможность восстановить события в таком виде. Первый, отмеченный в послании Тайдулы, захват венецианцами ордынских купцов и их имущества имел место осенью 1353 г. Тогда, в разгар венециано-генуэзской войны 1350–1355 гг., флотилия из 16 венецианских галей под началом адмирала Николо Пизани напала в бухте Золотой Рог под Константинополем на генуэзскую кокку Николозо Ското и захватила ее. На свою беду в генуэзской кокке находились тогда и 9 ордынских купцов с их товарами. При штурме двое из купцов были убиты, двое — захвачены в плен и 2 года томились в тюрьме на о. Крит. У ордынских купцов венецианцы конфисковали деньги и товары на сумму в 4 тыс.сомов (748,8 кг серебра). Последовала многолетняя ордыно-венецианская тяжба, в результате которой к началу 1359 г. венецианская сторона все еще не выплатила ордынцам 2 тыс. 330 сомов (436,176 кг серебра) долга.

Несколько позднее первого венецианцы осуществили и второй захват ордынского имущества. На этот раз пострадавшей стороной оказался купец по имени Бачман. Венецианские галеи напали на него, когда он возвращался с товарами с Кипра. Ущерб Бачмана был оценен в 500 сомов (93,6 кг серебра).

В сентябре 1358 г. названные купцы добились аудиенции у Бердибека и представили ему иск к венецианцам на общую сумму в 2830 сомов (529,776 кг серебра). Ордынский хан счел претензии

купцов обоснованными и распорядился незамедлительно взыскать долг с венецианского консула и венецианских купцов в Азове. Исполнителями своей воли Бердибек назначил тогдашнего правителя Крыма Кутлуг-Тимура и правителя Азова Черкес-ходжу.

Описанная история происхождения венецианского долга ордынским купцам получает в послании Тайдулы совершенно неожиданное продолжение. Согласно заявлению ханши, она решила лично ослабить бремя платежей для венецианской купеческой колонии в Азове во главе с их консулом. Для этого Тайдула распорядилась, чтобы ее казначей выплатил ордынской стороне 550 сомов (102,96 кг серебра), что составляло чуть больше пятой части от общей суммы венецианского долга.

Широкий жест Тайдулы, казалось бы, подтверждал репутацию ханши как христианской заступницы и служил весомым вкладом в дело смягчения венециано-ордынских противоречий. На деле же получилось так, что венецианская сторона в лице послов дожа Венеции Джованни Дольфина (1356–1361), которых звали Джованни Квирини и Франческо Бон, выступили против такой щедрости Тайдулы. Правда, ханша на их протест не обратила никакого внимания, и торжественный акт отсылки ее денег представителям потерпевшей стороны состоялся в присутствии названных венецианских послов в Гюлистанском дворце (Гюлистан-сарае) 4 марта 1359 г.

Причина недовольства венецианских послов в послании Тайдулы не называется. Она обнаруживается при анализе платежной ведомости, составленной в канцелярии ханши, где перечислены получатели ее щедрого дара. Ведомость была скопирована венецианцами и приложена к посланию Тайдулы[27]. Оказывается, что кроме ордынских получателей денег, которых можно было бы причислить к стороне, пострадавшей от давних венецианских захватов, в ведомости названы и расходы самой ханши на оплату ее служащих и даже деньги, которые потребовались на составление писем венецианскому дожу и азовскому консулу, на бумагу и на подарки венецианским послам. Иными словами, передавая венецианским послам копию платежной ведомости, Тайдула потребовала немедленно возместить все выплаченные ею ордынской стороне деньги, присовокупив к ним и все ее расходы на связанные с этим хлопоты. Получалось, что сама Тайдула лишний раз зримо подтвердила

свою репутацию христианской заступницы, лично понеся при этом нулевые материальные потери.

Другое дело, что от имени Тайдулы значительные материальные средства все-таки были получены целым рядом лиц из числа ордынских подданных. Зачем понадобилось ханше материально поддерживать этих людей пусть даже из чужого кармана? Мы полагаем, что ответ на этот вопрос можно найти при более скрупулезном исследовании содержания названной платежной ведомости.

Глава X

ПЛАТЕЖНАЯ ВЕДОМОСТЬ ТАЙДУЛЫ*

В собрании международных соглашений Венецианской республики XIV–XV вв. «Венециано-Левантийском дипломатарии» находится документ, заключающий в себе список имен ордынских сановников и купцов середины XIV в.[1] Вкратце предыстория появления списка была такой. Осенью 1353 г. венецианцы дважды ограбили в море ряд ордынских купцов. Совокупный ущерб последних составил в серебряном эквиваленте 4,5 тыс. сомов, т. е. 842 кг 400 г серебра. Между ордынской и венецианской сторонами началась тяжба за возмещение понесенного ущерба. Часть похищенного венецианцы вернули. К осени 1358 г. их долг оценивался в 2830 сомов, т. е. 529 кг 776 г серебра. Тяжба велась на самом высоком уровне. Ордынскую сторону возглавлял хан и его крупнейшие сановники, венецианскую — дож и консул венецианской фактории в Азове, являвшийся высшим по рангу официальным представителем дожа в Северном Причерноморье[2].

13 сентября 1358 г. хан Бердибек (1357–1359) в категоричной форме потребовал от ордынских правителей Крымского и Азовского тюменов немедленно покончить с задолженностью венецианцев, взыскав всю сумму долга с венецианских купцов в Азове[3]. Сложившуюся тогда взрывоопасную для ханской власти обстановку попыталась разрядить официальная «христианская заступница» при дворах Узбека (1313–1341), Джанибека (1342-1357) и Бердибека, супруга Узбека, мать Джанибека и бабка Бердибека Тайдула. Дело в том, что Тайдула была лично заинтересована в активной и бесперебойной торговле венецианцев в Северном Причерноморье, ибо получала долю от ввозной пошлины с каждого венецианского торгового судна, прибывавшего в Азов[4].

---

* Григорьев А. П., Григорьев В. П. Платежная ведомость Тайдулы (1359 г.) // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 1997. Сер. 2. Вып. 3. С. 18–27.

Рассчитывая на быстрое и многократное возмещение своих затрат, Тайдула направила 4 марта 1359 г. венецианскому дожу личное послание, в котором от имени хана она извещала дожа о настоятельной необходимости венецианской стороны немедленно оплатить всю сумму ущерба потерпевшим ордынским купцам. Со своей стороны вдовствующая ханша сообщала, что в присутствии в ее ставке в Гюлистане венецианских послов она раздала из своей личной казны целых 550 сомов серебра (102 кг 960 г, что составляло практически пятую часть венецианской задолженности) заинтересованным ордынским сановникам и купцам, приобщив к этой сумме и все расходы на составление и отсылку своих писем дожу и венецианскому консулу в Азове[5]. К посланию Тайдулы к дожу прилагался реестр лиц, получивших материальное возмещение, т. е. своеобразная платежная ведомость. Она сохранилась в передаче на латинский язык и является объектом настоящего исследования.

Solutio facta pro predicto precepto per dominam Imperatricem Thaydelucaton. A. d. 1358, m. Septembris

In primus soluit dicta domina Imperatrix		
Molgabogabeo et familiaribus suis	Bess.	1156
Item Cotulugabeo et sociis	Bess.	1105
Item Timoros filio Mogabogabey et familiaribus suis	Bess.	500
Item Chessi Mahometh	Bess.	521
Item Sadradino et Sirine	Bess.	500
Item Zoniucho nostro Deraga	Bess.	540
Item Arminis	Bess.	5000
Item filiis Cotelletemur	Bess.	200
Item Tholacho socio Chotelletemur	Bess.	500
Item camerario domine imperatricis	Bess.	155
Item Bazimano	Bess.	540
Item pro alaffa dictorum Arminium	Bess.	20
Item pro duabus litteris missis, una domino duci, alia domino consuli	Bess.	58
Item pro tella I scharlati una et carta et aliis	Bess.	103
Summa	Bess.	10998

«Платеж, произведенный в соответствии с вышеприведенным предписанием, через посредство госпожи императрицы Тайдулы-хатун. Лета господня 1358, месяца сентября

Во-первых, заплатила названная госпожа императрица Могулбуге-беку и членам его семейства	1156	без.
Также Кутлугбуге-беку и супругам его	1105	без.
Также сыну Могулбуги-бека Тимуру и членам его семейства	500	без.
Также Кичиг-Мухаммеду	521	без.
Также Садраддину и шерифам	500	без.
Также нашему даруге Джануке	540	без.
Также армянам	5000	без.
Также детям Кутлуг-Тимура	200	без.
Также супруге Кутлуг-Тимура Чолак	500	без.
Также казначею госпожи императрицы	155	без.
Также Бачману	540	без.
Также на алафу переводчику армянину	20	без.
Также за два послания, отправленные одно господину дожу, другое господину консулу	58	без.
Также за одну штуку эскарлаты, одновременно за бумагу и прочее	103	без.
Итого	10998	без.»

Взгляд на документ в целом выявляет прежде всего то обстоятельство, что предпосланный реестру пространный заголовок написан позднее его основного текста. Автор заголовка связал содержание реестра с предшествующим ему при публикации документа предписанием Бердибека правителю Крымского тюмена Кутлуг-Тимуру, написанным 13 сентября 1358 г. На самом же деле реестр напрямую связан с содержанием послания Тайдулы к венецианскому дожу, которое было составлено 4 марта 1359 г. и находится в венецианской публикации сразу после реестра. Имена ордынских сановников в передаче на латынь сильно искажены, имена членов

их семей часто пропущены. То же относится к именам «простых» людей.

Относительно денег, выплаченных по распоряжению Тайдулы из ее личной казны, можно сказать следующее. Получалось, что 550 сомов, или 102 кг 960 г серебра, т. е. расход казны ханши выражался суммой в 10 998 находившихся тогда в обращении денежных единиц, обозначенных в переводе документа сокращенным словом Bess. Из венецианских документов XIV–XV вв. известно, что полным названием этой денежной единицы было слово «безант»[6]. Так в средневековой Европе назывался византийский золотой солид. На Арабском Востоке солиду соответствовал золотой динар. В правление монгольского ильхана Ирана Махмуда Газана (1295–1304) была проведена денежная реформа. Вместо разнообразных денег, чеканившихся в различных областях, была введена единая для всего государства серебряная монетная система. Денежной единицей являлся дирхем. 6 дирхемов составляли 1 динар. Эта единая монетная система оказалась настолько удобной, что вскоре была введена и в других государствах чингисидов — у джучидов и чагатаидов[7]. Поэтому когда в итальянских источниках XIV в. мы читаем о соответствии 1 тавризского безанта 6 аспрам[8], то становится ясным, что речь идет о чингисидских серебряных динаре и дирхеме.

Итак, итальянский термин «безант», обозначенный в переводе реестра, точно соответствовал ордынскому термину «динар». Поскольку во второй половине XIV в. ордынский сом делился на 120 дирхемов, т. е. 20 динаров[9], то 550 сомов, пожалованных Тайдулой в качестве своеобразного задатка для раздраженных ордынских сановников и ограбленных купцов, должны были содержать 11 000 динаров. Итоговое число динаров, проставленное в конце реестра, составляло цифру 10 998 (хотя подлинная сумма зафиксированных выплат была меньше на целую сотню), что практически соответствовало заявленной в послании Тайдулы венецианскому дожу сумме в 550 сомов.

Исследуем имена, представленные в платежной ведомости Тайдулы. Внимательно присмотревшись к их списку, мы сочли целесообразным подвергнуть первые четыре имени ордынских сановников разбору в комплексе. Уже отмечалось, что на нашу долю досталась не оригинальная платежная ведомость Тайдулы, а лишь

венецианский список с нее, в котором, к сожалению, не приводятся имена жен и других членов семей первых четырех сановников. Сохранившиеся личные имена искажены при передаче на латынь, но, поскольку все эти имена достаточно хорошо известны, мы исправили их написание в русском переводе́. Из всех имен списка только к первым двум добавлены почетные приставки «бей», или «бек», обозначавшие княжеское достоинство данного сановника.

Первое имя Могулбуга неоднократно встречалось в ордынских документах[10]. На протяжении всего правления Бердибека Могулбуга занимал высший в его правительстве пост — беглербека. Пережив короткие правления последующих ханов — Кулпы, Навруза, Хызра и Тимур-ходжи, Могулбуга погиб осенью 1361 г. после утверждения в Новом Сарае Кельдибека. Если Могулбуга и его семья получили от Тайдулы 1156 динаров, то следующий сановник Кутлугбуга с супругами был пожалован почти такой же суммой — 1105 динарами. Резонно было бы предположить, что Кутлугбуга являлся в ту пору вторым лицом в ханском правительстве — везиром. Однако пост везира в правительстве Бердибека от начала и до конца его правления занимал Сарай-Тимур, погибший одновременно с Могулбугой осенью 1361 г.

Обращаем внимание на одинаковое построение сложных имен Могулбуга и Кутлугбуга, которые соответственно можно передать по-русски сочетаниями «Монгольский бык» и «Благодатный бык». Вспомним одинаково сложенные имена сыновей Узбека — Тенибек и Джанибек. Во-первых, они были созвучны с именем отца, что отражало традицию многих народов Востока[11]; во-вторых, они показывали пример одинаково сложенных ордынских имен родных братьев. Пока мы не знаем имени отца Могулбуги и Кутлугбуги, но вполне можем допустить, что они были братьями. Старшим из них являлся Могулбуга.

Мы уже знаем, что Кутлугбуга не мог быть везиром. В 1351–1357 гг. он являлся беглербеком в правительстве Джанибека, вытеснив с этого поста Могулбугу[12]. Какой же пост он занимал в администрации Бердибека? Если вспомнить, что в платежной ведомости Тайдулы были перечислены имена лиц, так или иначе заинтересованных в получении своей доли от венецианского долга, то на втором месте в ней после имени беглербека следовало бы

поставить имя главы Крымского тюмена, через посредство которого и велись все переговоры с венецианской стороной. Последним известным нам документом на указанную тему было предписание Бердибека правителю Крымского тюмена Кутлуг-Тимуру, составленное 14 сентября 1358 г.[13] Отметим, что и в списке ходатаев к этому предписанию на втором месте после Могулбуги помещено имя Кутлуг-Тимура[14]. В платежной ведомости Тайдулы на этом месте стоит имя Кутлугбуги, а имя Кутлуг-Тимура как непосредственного получателя своей доли пожалования вообще не значится. Заключаем отсюда, что в период от середины сентября 1358 г. до начала марта 1359 г. Кутлуг-Тимура на посту правителя Крымского тюмена сменил Кутлугбуга.

Как уже говорилось, Тайдула была материально заинтересована в поддержании европейской морской торговли в Северном Причерноморье. Потому, видимо, она и сделалась «христианской заступницей». Однако ее экономическая заинтересованность на территории данного региона была скорее всего вторичной. Первичным же было ее родство с князьями правого крыла Золотой Орды, имевшими постоянные родовые кочевья в степях к западу от Волги. Княжеский род, к которому принадлежали Могулбуга и Кутлугбуга, являлся, надо полагать, родным и для Тайдулы. Вот она и помогала в первую очередь своим родственникам. В таком случае становится объяснимым и то обстоятельство, что сразу же после имен, пожалованных Тайдулой, Могулбуги и Кутлугбуги мы видим имена сына Могулбуги Тимура и, предположительно, сына Кутлугбуги Кичиг-Мухаммеда, получивших соответственно 500 и 521 динар. Что касается Тимура, то, наверное, полное имя его было Тимур-ходжа, и это он в 1354 г. выступал ходатаем перед Тайдулой за выдачу проезжей грамоты митрополиту всея Руси Алексию[15]. Сложнее обстоят дела с именем и личностью предполагаемого сына Кутлугбуги Кичиг-Мухаммеда.

Вообще имена типа Кичиг (Малый) Мухаммед или Улуг (Большой) Мухаммед в ордынской истории известны. Их носили некоторые чингисиды XV в. Среди ордынских исторических деятелей XIV в. имя Кичиг-Мухаммед встречается впервые. Мухаммед — знакомое всем арабское мусульманское имя. Стоящее перед ним в качестве определения тюркское слово *кичиг* могло пониматься

как «малый, маленькиий, младший»[16]. Как Тимур-ходжа являлся, скорее всего, старшим сыном Могулбуги, так и Кичиг-Мухаммед по своему положению в семье Кутлугбуги не мог быть младшим. Следовательно, он был просто малорослым, за что и получил прозвище «Малый». Обращает на себя внимание еще и тот факт, что старший сын Могулбуги, согласно платежной ведомости Тайдулы, получил на себя и свою семью 500 динаров, а Кичиг-Мухаммед только на себя одного получил 521 динар. Надо думать, что при ханском дворе положение у Кичиг-Мухаммеда было выше, чем у его двоюродного брата Тимур-ходжи. И это притом, что Тимур-ходжа по праву старшинства его отца в ведомости отмечен раньше.

Гипотетически Кичиг-Мухаммед мог возвыситься при дворе над Тимур-ходжой, женившись на ханской дочери. В таком случае, породнившись с ханом по женской линии, он переходит в разряд «зятьев» (монг. «кюреген»), приобщенных к ханской семье. Принимая во внимание допущенное нами кровное родство Тайдулы с князьями-братьями Могулбугой и Кутлугбугой, у Кичиг-Мухаммеда также была возможность породниться с ханским домом. Такая возможность, надо полагать, была реализована им в 1351 г. Именно женитьба Кичиг-Мухаммеда на ханской дочери помогла его отцу Кутлугбуге вытеснить старшего брата с поста беглербека в правительстве Джанибека и продержаться на этом посту до момента насильственной смерти хана, т. е. до 22 июля 1357 г.[17] Захвативший ханский трон Бердибек вернул пост беглербека Могулбуге, но и племянник последнего Кичиг-Мухаммед остался при дворе на положении ханского родственника. Когда в конце 1358 или начале 1359 г. Кутлугбуга получил пост главы Крымского тюмена, а значит, и предводителя над князьями правого крыла, его сын Кичиг-Мухаммед, находясь при ханском дворе, обрел в лице своего отца новую экономическую, военную и политическую опору.

Письменных свидетельств о закулисной жизни ханского двора при Бердибеке до нас не дошло. Правда, сохранился довольно путаный рассказ арабского историка того времени Ибн Халдуна, который писал: «По смерти Бердибека, ему наследовал сын его, Токтамыш, малолетний ребенок. Сестра его, Ханым, дочь Бердибека, была замужем за одним из старших монгольских эмиров, по имени Мамай, который в его царствование управлял всеми делами. К

владениям его принадлежал город Крым. В то время его там не было»[18].

Все детали рассказа Ибн Халдуна требуют уточнения. Бердибек в 1359 г. был, видимо, убит. Власть в стране захватил отец двоих сыновей Кулпа, который и года не продержался на троне, теснимый с двух сторон Наврузом и Хызром. Затем последовали 20 лет «великой замятни», когда на ордынском престоле с калейдоскопической быстротой сменяли друг друга не менее десятка ханов. Наконец, в 1379 г. в Поволжье с Востока пришел Токтамыш, общим родственником которого с Бердибеком являлся лишь их далекий пращур Джучи[19]. Имя Мамая неотделимо от русской истории и в России общеизвестно по сей день. Правда, положительных сведений о нем не так уж много. Мы знаем, что всеми делами в Орде в годы правления Бердибека управлял не Мамай, а беглербек Могулбуга. Мамай же стал старшим эмиром, т. е. беглербеком, несколько позже, после создания им к западу от Волги Мамаевой орды, номинальными ханами которой считались потомки Узбека Абдулла и Бюлек, сидевшие последовательно в своей ставке Орде, находившейся в излучине Днепра[20]. Резиденцией Мамая тогда действительно являлся город Крым (Старый Крым).

Что дает нам рассказ Ибн Халдуна? На наш взгляд, возможность сопоставить имена Кичиг-Мухаммеда и Мамая. Иными словами, не являлись ли они именами одного и того же человека? При имеющихся данных вряд ли такое предположение безусловно доказуемо, но как аргументированная гипотеза эта догадка является весьма продуктивной. Прежде всего она дает возможность включить такую крупную политическую фигуру, как Мамай, в реальные исторические коллизии времен правления Джанибека и Бердибека. Затем, в последующие годы, по-новому осмысливаются уже известные факты его биографии.

Аргументами в нашу пользу служит прежде всего приведенные выше два различных имени. Имя Мамай пока не поддается уверенной этимологической расшифровке. Окончание *-ай* довольно часто встречалось в тюрко-монгольских именах XIII–XIV вв.[21] Из современных тюркских языков мужское имя Мамай наблюдается, например, в хакасском языке[22]. По сей день бытует и русская фамилия Мамаев, образованная от интересующего нас имени. Умень-

шительной формой от имени Мамай является Мамак, образованная за счет присоединения к именной основе тюркского уменьшительного аффикса -ак/-ек[23]. Такая форма имени имела право на существование, но по отношению к ордынскому темнику Мамаю в западных, русских и тюркских письменных источниках не употреблялась. Между тем персоязычные средневековые авторы называли нашего героя именно Мамаком[24].

Тюркско-арабское сложное имя Кичиг-Мухаммед свидетельствовало о том, что ребенок (видимо, после обряда обрезания) получил мусульманское имя Мухаммед, а позднее, когда проявилась его природная малорослость, имя это дополнилось тюркским определением Кичиг. Указанное имя не исключало, а в те времена, наоборот, предполагало наличие у ребенка второго, языческого, имени, дававшегося сразу после рождения. Известные нам под языческими тюркскими именами ордынские ханы Узбек, Джанибек, Бердибек и другие имели вторые мусульманские имена. Мусульманским именем Бердибека также являлось имя Мухаммед. Предположив, что Мамай имел мусульманское имя Мухаммед, мы обнаруживаем и некоторое косвенное подтверждение этому в реальном существовании уменьшительных форм того и другого имен.

Помимо того, носителей обоих имен сближает у одного гипотетическая, а у другого письменно засвидетельствованная принадлежность к разряду ханских зятьев. Правда, исторические факты говорят в пользу того, что Кичиг-Мухаммед был скорее всего зятем не Бердибека, а его отца Джанибека, т. е. был женат не на дочери, а на сестре Бердибека. Однако расхождение в этом пункте рассказа Ибн Халдуна с нашими выкладками не является непреодолимым. Вспомним наш разбор рассказа Ибн Халдуна и целый ряд выявленных в нем явных несоответствий исторической действительности. И в этом случае Ибн Халдун мог ошибаться. Вероятнее всего, Бердибек был сверстником и другом детства Кичиг-Мухаммеда = Мамая. Это обстоятельство помогло Мамаю = Кичиг-Мухаммеду удержаться при дворе после того, как его отец Кутлугбуга был временно отстранен от дел в 1357 г. К тому же Мамая могли называть при дворе Малым Мухаммедом и по причине того, что Большим Мухаммедом являлся его державный покровитель Бердибек.

Указанная в рассказе Ибн Халдуна связь Мамая с управлением Крымским тюменом еще при жизни Бердибека находит подтверждение в назначении его отца Кутлугбуги правителем Крыма и главой родовых князей правого крыла в конце 1358 или начале 1359 г. Позднее в Крыму находилась резиденция и беглербека Мамая. После смерти «бунтовщика» Мамая осенью 1380 г. пришедший к власти в Орде Токтамыш (1379–1395) продолжал использовать на своей службе отца Мамая Кутлугбугу, о деятельности которого в прежней должности главы Крымского тюмена и начальника над князьями правой руки свидетельствуют ордынские документы 1381 и 1387 гг.[25], и сына Мамая, который раненым был взят в плен воинами Тимура в 1391 г.[26]

Кажущееся противоречие сказанному выше заключается в том, что в начале 1359 г. Тайдула пожаловала деньгами сына Могулбуги Тимур-ходжу и членов его семьи, а двоюродный брат Тимур-ходжи Кичиг-Мухаммед = Мамай получил от нее свою долю только на себя лично, хотя, как мы думаем, к тому времени он был уже давно женат на ханской дочери и имел от нее детей. Разгадка здесь заключается именно в статусе супруги Мамая и ее отпрысков. Тайдула считалась законной вдовой Узбека, матерью Джанибека и бабкой Бердибека. Однако по крови она не принадлежала к «золотому роду» чингисидов. Тайдула могла, согласно данному именному реестру, пожаловать некоей денежной суммой родовых князей и простых людей, а лицам царственной крови полагалось, пусть и те же деньги, почтительно подносить совсем по другому списку.

Наши доводы в пользу отождествления Кичиг-Мухаммеда из платежной ведомости Тайдулы с личностью знаменитого темника Мамая подошли к концу. Для полноты картины добавим, что в 1994–1995 гг. Золотоордынской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа на северо-восточной окраине города Старый Крым был исследован курган. В нем среди прочего обнаружено средневековое захоронение по мусульманскому погребальному обряду. Это захоронение обращает на себя внимание уникальным устройством домовины (сруб в три венца) и необычно большими размерами погребальной ямы. В домовине находился скелет погребенного мужчины около 50 лет, ростом около 150 см. Петербургский

археолог М. Г. Крамаровский допускает, что погребенный мог быть Мамаем[27]. Мы такой возможности не отрицаем.

Пятое имя в платежной ведомости Тайдулы — Садраддин (Садр ад-дин — арабск. «Глава веры») могло произноситься Садруддин[28]. Согласно ведомости 500 динаров предназначались не одному Садруддину, но и Sirine. Последнее слово очень похоже на персидское женское имя Ширин. Однако лаконичный контекст предполагает другое объяснение личностей получателей данных 500 динаров. Имя Садруддин являлось единственным чисто арабским именем во всем списке представленных в этом документе имен. Обладателем этого имени был, скорее всего, глава (арабск. «накиб») шерифов при ханском дворе. Шерифами (арабск. «шариф», или «саййид») называли потомков семьи пророка Мухаммеда. С давних пор они расселились по всему мусульманскому миру, составляя обособленную привилегированную группу в социальной иерархии мусульманского общества и пользуясь большим авторитетом среди верующих[29]. Эту группу во главе с Садруддином и удовольствовала Тайдула сразу после своих соплеменников.

Шестое имя — Джанука (Zoniucho) — прежде не встречалось. Мы реконструировали это тюркское имя по его искаженной латинской транслитерации. Изначально оно слагалось из отглагольного тюркского имени *яну*, или *джану* («угроза»)[30], и словообразовательного аффикса со значением уменьшительности -ка[31]. При имени Джануки стоит пояснение — «наш даруга» (nostro Deraga). Монгольский термин «даруга» был синонимом тюркского «баскак». Оба они обозначали как правителей округов (тюменов, или русских княжеств), так и отдельных населенных пунктов (городов и селений). Как уже отмечалось, данная ведомость являлась венецианским переложением на латинский язык ордынского документа, призванного частично погасить венецианскую задолженность ордынским представителям Крымского и Азовского тюменов. Глава Крымского тюмена уже назывался. Для венецианцев он не мог считаться «нашим», ибо в его тюмене проживали, базируясь в Кафе (Феодосии), торговые соперники венецианцев — генуэзцы. Резиденция венецианского консула находилась в Азове, где венецианцам принадлежал целый квартал. Следовательно, для венецианского переводчика ведомости Тайдулы именно глава Азовского тюмена

являлся «нашим даругой». Прежде правителем Азовского тюмена был Черкес-ходжа, или Черкесбек. Видимо, после того как сменился правитель в Крыму, то же произошло и в Азове. Новому темнику причиталось 540 динаров.

На седьмом месте в ведомости отмечен коллективный получатель денег — армяне. Если все предыдущие высокопоставленные ордынские чиновники вместе взятые получили от Тайдулы 4322 динара, то армянам полагалось отпустить 5000 динаров. О каких армянах шла речь? В расположенной на территории Крымского тюмена Кафе находилось главное торговое представительство Генуи в Северном Причерноморье. Однако собственно генуэзцев в городе проживало сравнительно немного. К 1475 г. население Кафы, согласно итальянским источникам, насчитывало 70 тыс. человек, из которых генуэзцев было около 1 тыс. Остальные горожане относились по этнической принадлежности к армянам, грекам, евреям и тюркам. Во 2-й половине XV в. армяне составляли 2/3 населения Кафы. Практически вся местная торговля в городе находилась в руках армянских купцов[32]. Вряд ли положение в местной торговле Кафы в середине XIV в. сильно отличалось от только что описанного.

При торговых поездках в Византию кафинские купцы арендовали себе места на генуэзских судах, -ибо генуэзцы торговали на территории Византии практически беспошлинно. Когда осенью 1353 г., во время венециано-генуэзской войны 1350–1355 гг., венецианцы под Константинополем впервые захватили товары 9 ордынских купцов, находившихся на генуэзском торговом судне, купцы обратились с жалобой на венецианцев к хану, требуя полного возмещения ущерба[33]. Эти купцы и были «армянами» ведомости Тайдулы. Таким общим этнонимом назвал ограбленных купцов из Кафы составитель сокращенного латинского списка с подлинной платежной ведомости. Среди пострадавших, возможно, были и греческие купцы. Торговцы, носившие арабские мусульманские имена, вполне могли быть этническими армянами — выходцами из Хулагуидского Ирана.

На восьмом и девятом местах отмечены дети бывшего главы Крымского тюмена Кутлуг-Тимура и его супруга Чолак, получившие соответственно 200 и 500 динаров. Вывод здесь напрашивает-

ся только один: к началу марта 1359 г. самого Кутлуг-Тимура уже не было в живых. Другое дело, что неизвестны обстоятельства его смерти. Не знаем мы также о наличии или отсутствии родственных связей между семьями прежнего и нового правителя Крымского тюмена, а значит, и предводителя князей правого крыла Золотой Орды. Пока известно лишь, что покойный Кутлуг-Тимур возглавлял Крымский тюмен в 1357–1358 гг. Он являлся сыном Тюлек-Тимура, перешедшего от Ногая на сторону хана Токты (1290–1312) в 1300 г. и управлявшего Крымом до 1341 г. Непосредственным предшественником Кутлуг-Тимура на посту главы Крымского тюмена был его родственник по отцу Зайнуддин Рамазан (1349–1357). Мы не знаем, кто управлял Крымом в 1341–1349 гг.

На десятом месте в ведомости стоит безымянный казначей Тайдулы, труд которого по распределению общей суммы пожалования был оценен дарительницей в 155 динаров.

Одиннадцатое место занимает Бачман. Вряд ли стоит сомневаться, что это тюркское имя принадлежало тому купцу Бачману, который осенью 1353 г. морским путем возвращался со своими товарами с Кипра и пострадал от второго венецианского захвата[34]. Его ущерб тогда оценивался суммой, составлявшей одну восьмую от ущерба, понесенного купцами, обозначенными в ведомости Тайдулы этнонимом «армяне». Теперь ханша одарила его 540 динарами.

На двенадцатом месте числится «алафа» переводчику-армянину. При сношениях с Ордой и позднее с Крымским ханством термин «алафа», или «олафа», широко употреблялся и на Руси[35]. Этим арабским по происхождению словом в Орде обозначали фураж, провизию и жалованье[36]. В данном случае безымянный армянин, выполнявший при дворе Тайдулы функции переводчика по связям с итальянцами, получил за свою службу 20 динаров. Если основываться на данных арабского автора середины XIV в. ал-Омари, в то время весовой единицей продуктов питания в Орде служил ратл, весивший несколько больше 1 кг.[37] Так что на 20 динаров там можно было купить около тонны зерновых и зернобобовых типа пшеницы, ячменя, проса и маша или же не менее 350 кг баранины[38].

Тринадцатое место отведено расчету денег, затраченных на составление двух посланий Тайдулы. Одно из них было адресовано венецианскому дожу Джованни Дольфину (1356–1361), а другое

направлено венецианскому консулу в Азове. Содержание первого послания нам уже известно. В письме к венецианскому консулу в Азове ханша должна была традиционно повторить содержание ее послания к дожу и поручить этому представителю Венеции в Азове поторопиться со сбором и возвращением ей всей суммы понесенных ею «благотворительных» затрат, включая деньги, потраченные ею на составление и отправку обоих «доплатных» посланий.

На последнем, четырнадцатом, месте подсчитана общая стоимость подарка Тайдулы послам венецианского дожа Джованни Квирини и Франческо Бону, а также бумаги, затраченной на оба послания, и «прочих» издержек. В целом затраты на все это составили 103 динара. Подарком послам дожа послужила штука эскарлаты. Так называлось дорогое, тонкой выделки флорентийское сукно, преимущественно красного цвета. Длина сукна в «штуке» нам неизвестна. В шелковых тканях она варьировала, в зависимости от вида и сорта ткани, от 15 до 36 м в штуке[39].

Итоговая сумма затрат Тайдулы, проставленная в последней строке платежной ведомости, — 10 998 динаров. Если все цифры в ведомости проставлены без ошибок, то в итоге получается число 10 898. Не исключено, что это казначей ханши «ошибся» на целую сотню динаров в свою пользу.

Итак, Тайдула заплатила из своей казны крупную сумму денег своим близким родственникам, правителям Крымского и Азовского тюменов, а также богатейшим ордынским купцам названных территорий буквально накануне крупнейших потрясений в стране, обеспечивая тем собственное стабильное положение в Орде и рассчитывая при этом незамедлительно восполнить свои затраты за счет правительства Венеции.

ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ*

Выяснилось, что из 10 документов коллекции 4 представляют собой ханские жалованные грамоты (ярлыки), выданные в 1332–1358 гг. венецианским купцам на право владения отдельным кварталом в ордынском городе Азаке (Азове). 5 документов коллекции являются предписаниями, посланиями, уведомлениями и письмами хана, ханши и правителей Крымского тюмена, рассылавшимися в 1356–1359 гг. адресатам как внутри Золотой Орды, так и в далекую Венецию. Последний по времени (но не по своему значению) документ коллекции — платежная ведомость ханши от 1359 г.[1] Ниже представлены краткие результаты изучения этих документов в названной последовательности.

1. **Ярлык Узбека венецианским купцам Азова.** Выполнен 9 октября 1332 г., когда ставка располагалась на берегу Кызылташского лимана в устье реки Кубань. Писался по-монгольски буквами уйгурского алфавита. Сохранился в переводе на латинский язык[2].

Ярлык ордынского хана Узбека (1313–1341) получили в правление венецианского дожа Франческо Дандоло (1328–1339) его посол в Орду Андреа Дзено и венецианский консул в Азове Николо Джустиниано. Подлинник ярлыка и прилагавшаяся к нему золотая пайцза Узбека были помещены на постоянное хранение в канцелярию венецианских консулов в Азове. Посланец дожа А. Дзено

* Григорьев А. П. Коллекция золотоордынских документов середины XIV в. из Венеции // Востоковедение / Отв. ред. В. Б. Касевич. СПб., 2000. Вып. 22. С. 203–215.

перезимовал в Азове и в марте 1333 г. отплыл на родину, везя с собой перевод ярлыка на тюркский язык, который был изготовлен еще в ханской ставке, и его синхронную передачу на венецианский диалект итальянского языка. В целях уточнения содержания ярлыка его тюркский вариант был передан в Венеции для дословного воспроизведения по-латыни монаху доминиканского ордена брату Доминику, который выполнил этот перевод 7 августа 1333 г.[3]

Дата написания подлинного текста ярлыка Узбека вначале была определена не совсем правильно[4]. Авторы уточнили ее в другой главе своего исследования[5]. Тогда же мы утвердились во мнении, что подлинный текст ярлыка писался не по-тюркски, а по-монгольски[6]. Индивидуальный формуляр ярлыка в его оригинальном исполнении состоял из 4 статей: *обращение*, *объявление о пожаловании*, *условия пожалования*, *удостоверение*.

В настоящее время авторам стало ясно, что из списка представителей адресата в статье *обращение* при нашей реконструкции содержания выпали лица, обозначенные в латинском переводе ярлыка словами «старшие Таны»[7]. Та же потеря произошла позднее при реконструкции содержания первого ярлыка Джанибека. Там те же лица обозначались как «все вожди в городе Тана»[8]. В обоих случаях речь шла о старейшинах Азова, составлявших его администрацию, через посредство которой даруга Азова осуществлял свои функции правителя. Конкретные обязанности таких старейшин раскрываются в последнем из трех ордынских ярлыков, сохранившихся на языке оригинала, — ярлыке Улуг-Мухаммеда от 1420 г.[9]

Ныне пришло убеждение и в том, что статью *объявление о пожаловании* надлежит заканчивать словами, которые в латинском переводе ярлыка Узбека можно передать по-русски: «на берегу реки Танаис болотистое место»[10]. Дальнейший текст, прежде отнесенный нами к статье *объявление о пожаловании*, принадлежит статье *условия пожалования*.

Одно из условий пожалования, в котором упоминается торговый посредник[11], в окончательном виде интерпретировалось нами так: «Если в торговой сделке участвует торговый посредник, то после выдачи им задатка такая сделка уже не может быть расторгнута»[12]. Теперь, после разъяснения, полученного от признанного специалиста по истории итальянской торговли в Причерноморье

в средние века С. П. Карпова, нам стало известно, что словом gabanum (~capanun) и производными от него формами обозначали не задаток, а эталон меры веса, утверждавшийся взаимным соглашением сторон, чтобы позднее не возникали расхождения при взвешивании и уплате пошлин. Поэтому новая реконструкция содержания условия пожалования будет такой: «Также, если стороны совершают между собой куплю или продажу, то весовой эталон назначается торговым посредником или же согласовывается между ними лично. Такой эталон является постоянным, и соглашение о нем не может быть расторгнуто».

2. Первый ярлык Джанибека венецианским купцам Азова. Выполнен 30 сентября 1342 г., когда ставка, предположительно, располагалась на месте корабельной пристани Азова в Балысыра (Белосарайская коса на северном побережье Азовского моря). Писался по-монгольски буквами уйгурского алфавита. Сохранился в переводе на латинский язык[13].

Ярлык ордынского хана Джанибека (1342–1357) получили в правление венецианского дожа Бартолемео Градениго (1339–1342) его послы в Орду Джованни Квирини и Пьетро Джустиан, а также венецианский консул в Азове. Как и в случае с ярлыком Узбека, в Венецию был отвезен синхронный перевод ярлыка на тюркский язык, с которого там была изготовлена копия на латыни, а подлинник ярлыка и золотая пайцза Джанибека остались в канцелярии венецианского консула в Азове[14].

Убеждение в том, что язык оригинального текста первого ярлыка Джанибека был не тюркским, а монгольским, пришло к исследователям ярлыка несколько позднее[15]. Индивидуальный формуляр ярлыка в его оригинальном исполнении состоял из 4 уже знакомых статей. В настоящее время нам представляется, что статью *объявление о пожаловании* надлежит заканчивать словами, в латинском переводе ярлыка означающими по-русски: «ров к горе и саму гору»[16]. Дальнейший текст относится к статье *условия пожалования*.

В первом ярлыке Джанибека появляется условие пожалования, которое будет присутствовать и в двух последующих ханских ярлыках венецианским купцам Азова. Речь идет о покупке венецианскими торговцами в Азове и других ордынских городах «сырых», т. е. невыделанных кож (как правило, невыделанных бычьих

шкур), для дальнейшей транспортировки и продажи их в Венеции. В свою очередь в Азов и прилегающие города эти шкуры поступали из Ярославля, Костромы, Москвы, Мурома, Нижнего Новгорода и Булгара[17]. Реконструкция содержания этого условия пожалования в первом ярлыке Джанибека[18] признана нами позднее[19] более правильной, чем мы ее выполнили во втором ярлыке Джанибека[20]. Теперь, после того как мы получили на этот предмет консультацию С. П. Карпова, реконструкция содержания этого условия пожалования во всех трех случаях приобретает следующий вид: «Также, если окажется, что какой-либо венецианец приобретает или покупает невыделанные шкуры, ему надлежит платить нашему таможнику, как это делают генуэзцы, налог, максимальная величина которого с каждой сотни покупаемых шкур составляет 50, а минимальная — 40 дирхемов».

3. **Второй ярлык Джанибека венецианским купцам Азова.** Выполнен 26 декабря 1347 г., когда ставка располагалась в Гюлистане (Увек под Саратовом). Писался по-монгольски буквами уйгурского алфавита. Сохранился в переводе на венецианский диалект итальянского языка[21].

Второй ярлык ордынского хана Джанибека получили в правление венецианского дожа Андреа Дандоло (1343–1354) его послы в Орду (имена которых любезно сообщил автору этих строк С. П. Карпов) Джованни Квирини (получавший и первый Джанибека) и Джоффредо Морозини, а также венецианский консул в Азове (в январе 1348 г. сенат вынес постановление о назначении новым консулом Филиппо Микьеля). В данном случае синхронный перевод с монгольского текста ярлыка осуществлялся в ханской канцелярии не на тюркский, а на персидский язык. Этот персидский перевод и послужил основой для передачи его на венецианский диалект итальянского языка. Подлинник ярлыка отправился на хранение в канцелярию венецианского консула в Азове. Золотая пайцза Джанибека к оригиналу его второго ярлыка не придавалась, ибо его пайцза, выданная одновременно с первом ярлыком, сохраняла свое значение металлического удостоверения к новому тексту пожалования на весь срок правления этого хана[22].

Индивидуальный формуляр второго ярлыка Джанибека претерпел по сравнению с его первым ярлыком структурные изменения. В

настоящее время мы предлагаем членение текста ярлыка на 6 статей. Первая статья (*обращение*) сохраняет свой объем[23]. Размеры второй статьи (*объявление о пожаловании*) увеличиваются за счет полутора строк итальянского текста, которые прежде мы воздержались включить в реконструкцию содержания изначального текста ярлыка[24]. Дальнейшее изучение документов коллекции убедило нас в том, что эти полторы строки были включены и в изначальный (монгольский) текст ярлыка[25]. Так что прежняя реконструкция содержания статьи *объявление о пожаловании* дополняется словами: «Предоставить вышеозначенный участок земли должны начальник азовской таможни Ак-ходжа и правитель Азова Черкесбек». Текст третьей статьи (*условия пожалования*) сильно сокращается. Теперь в него включаются только первые два предложения[26]. Остающийся текст передается статье, ныне называемой нами *предостережение*.[27] По своему содержанию эта четвертая статья предостерегает представителей адресата от незаконных действий в отношении грамотчиков и одновременно дополняет привилегии последних, записанные в предыдущей статье. Той статье, которая прежде была названа нами *предостережение*, а теперь стала пятой по счету, мы даем новое название — *устрашение*[28]. Последняя статья ярлыка сохраняет свой трисоставный объем и название — *удостоверение*, но становится уже шестой по счету[29].

В русский перевод итальянского текста предложенных выше статей следует, по рекомендации С. П. Карпова, внести следующие коррективы. В исторической справке, которая следует за вторым прецедентом пожалования статьи *объявление о пожаловании*, находится выражение, переданное по-русски: «Синьория ... устрашила того злого человека»[30]. Точнее было бы перевести его так: «Синьория ... изгнала того злодея [из всех владений Венеции]». Там же слова: «венецианские франки просят дать им пожалование и разрешение на аренду земли в Тане» — следует заменить на: «венецианские франки просят дать им прощение и право на владение участком земли в Тане».

Начало одного из оборотов статьи *предостережение* переводилось нами: «С товара, который взвешивается при посредстве кантара...»[31]. Термин «кантар» означал, в зависимости от контекста, «вес» или «весы». С. П. Карпов видит в этом термине вене-

цианскую весовую единицу «кантаро» [кантаро гроссо = 52,268 кг; кантаро соттиле = 47,513 (иногда — 45,185) кг][32]. Соглашаясь с тем, что в данном случае речь действительно идет не о весах, а о весовой единице, вспомним, что в мусульманских странах в средние века широко использовалась весовая единица «кинтар» (центнер), вес которой (в зависимости от места взвешивания и вида взвешиваемых товаров), с переводом в метрическую систему колебался в пределах от 45 до нескольких сотен кг.[33] Так что во втором ярлыке Джанибека под «кантаром» надо понимать весовую единицу, истинный вес которой еще требует уточнения. Русский перевод указанного фрагмента будет теперь: «С товара, вес которого определяется в кантарах ...».Следующий оборот, относительно участия в сделке торгового посредника и соглашения о весовом эталоне, переводится так же, как мы теперь понимаем его в ярлыке Узбека и первом ярлыке Джанибека[34]. Оборот о покупке венецианцами невыделанных шкур понимается так же, как и в первом ярлыке Джанибека[35].

4. **Ярлык Бердибека венецианским купцам Азова.** Выполнен 13 сентября 1358 г., когда ставка располагалась на берегу Ахтубы (возможно, в Сарае). Писался по-тюркски буквами уйгурского алфавита. Сохранился в переводе на венецианский диалект итальянского языка[36].

Ярлык ордынского хана Бердибека (1357–1359) получили в правление венецианского дожа Джованни Дольфина (1356–1361) его послы в Орду Джованни Квирини (принимавший уже 3-й ханский ярлык на квартал в Азове) и Франческо Бон, а также венецианский консул в Азове Пьетро Каравелло. Этот ярлык был первым из 4-х азовских актов, который изначально писался по-тюркски. К нему прилагалась золотая пайцза Бердибека. В ханской канцелярии синхронный перевод с тюркского оригинала осуществлялся на персидский язык, с которого там же был выполнен итальянский перевод[37].

В настоящее время авторы этих строк предлагают видеть в индивидуальном формуляре ярлыка Бердибека 6 статей. Статья *обращение* сохраняет свой объем. Статья *объявление о пожаловании* также не претерпевает изменений. Статья *условия пожалования* сжимается до двух первых предложений[38]. Весь остальной текст итальянского перевода ярлыка, который прежде мы включали в

эту статью, теперь выделяется в статью под названием *предостережение*[39]. Статья, называвшаяся нами *предостережение*, сохраняет свой объем, но получает новое название — *устрашение*[40]. Статья *удостоверение* остается в прежнем объеме и не изменяет своего названия. В реконструированное содержание полного текста ярлыка вносятся коррективы, отмеченные при нынешнем анализе трех вышеназванных ярлыков.

5. **Письмо Рамадана венецианскому дожу.** Составлено [в комплекте с ярлыком Джанибека от 1356 г. венецианским купцам на крымский порт Янгишехр (Провато, который в настоящее время не существует) и уведомлением того же Рамадана непосредственно венецианским купцам] 4 марта 1356 г., когда ханская ставка располагалась в Гюлистане. Писалось по-тюркски буквами уйгурского алфавита. Сохранилось в переводе на венецианский диалект итальянского языка[41].

Письмо Зайн ад-дина Рамадана (тюркско-персидское произношение имени — Зайнуддин Рамазан), правителя Крымского тюмена (1349–1357), адресованное венецианскому дожу Джованни Градениго (1354–1356), было вручено его послу Андреа Венерио. Оно сразу писалось на тогдашнем разговорном языке Золотой Орды — тюркском, и уже в ханской ставке было переведено на персидский язык, с которого там же выполнялся и его итальянский перевод[42]. Письмо Рамадана является единственным из известных ордынских документов, адресант которого был ордынским сановником, а адресат — главой одного из европейских государств.

Заинтересовавшись местоположением и судьбой города, названного в итальянском тексте Провато, один из авторов этих строк посвятил ему специальное исследование[43].

6. **Уведомление Рамадана венецианским купцам.** Составлено 4 марта 1356 г.,когда ханская ставка располагалась в Гюлистане. Писалось по-тюркски буквами уйгурского алфавита. Сохранилось в переводе на венецианский диалект итальянского языка[44].

Уведомление правителя Крымского тюмена Рамадана в подлиннике было передано на хранение венецианскому консулу в Азове, который по совместительству выполнял и функции консула в Янгишехре. Посол венецианского дожа Джованни Градениго Андреа Венерио отвез в метрополию лишь итальянский перевод этого доку-

мента[45]. Уведомление Рамадана является первым из двух известных ордынских документов, где адресант был ордынским сановником, а коллективный адресат — подданными европейского государя, деятельность которых протекала на территории Золотой Орды.

7. **Предписание Бердибека Кутлуг-Тимуру.** Составлено 13 сентября 1358 г., когда ставка располагалась на берегу волжского рукава Ахтубы (возможно, в Сарае). Писалось (одновременно с ярлыком Бердибека венецианским купцам Азова) по-тюркски буквами уйгурского алфавита. Сохранилось в переводе на венецианский диалект итальянского языка[46].

Подлинный ярлык — предписание ордынского хана Бердибека был передан в ханской ставке Кутлуг-Тимуру, правителю Крымского тюмена (1357–1358). Послы венецианского дожа Джованни Дольфина Джованни Квирини и Франческо Бон тогда же получили итальянский перевод предписания Бердибека и отвезли его в Венецию[47]. Предписание является единственным из известных ордынских документов, адресант которого был ханом, а адресат — его сановником.

8. **Уведомление Кутлуг-Тимура венецианским купцам.** Составлено 20 сентября 1358 г., когда ханская ставка располагалась на берегу Ахтубы (возможно, в Сарае). Писалось по-тюркски буквами уйгурского алфавита. Сохранилось в переводе на венецианский диалект итальянского языка[48].

Оригинал уведомления отправился на хранение в канцелярию венецианского консула в Азове, а его итальянский перевод был вручен послам венецианского дожа Джованни Дольфина Джованни Квирини и Франческо Бону для доставки в Венецию, чтобы привлечь внимание купцов метрополии к торговле в трех ордынских портах Южного берега Крыма — Провато (Янгишехр), Калитре (Коктебель) и Солдайе (Судак)[49].

9. **Послание Тайдулы венецианскому дожу.** Составлено 4 марта 1359 г., когда Тайдула находилась в своей резиденции — Гюлистанском дворце города Укека (Увек). Писалось по-тюркски буквами уйгурского алфавита. Сохранилось в переводе на латинский язык[50].

Подлинный текст послания ордынской ханши Тайдулы (вдовы Узбека, матери Джанибека и бабки Бердибека) венецианскому до-

жу Джованни Дольфину вместе с латинским переводом послания (осуществленным личным переводчиком ханши, армянином по происхождению)[51] были вручены для передачи дожу его послам Джованни Квирини и Франческо Бону[52].

В нашем переводе латинского текста послания была допущена одна существенная неточность. В предпоследнем абзаце текста послания Тайдула сообщила дожу о том, что, учитывая непосильное бремя предстоящих выплат в погашение долга ордынской стороне для венецианской торговой фактории в Азове, она из своей личной казны выплатила пострадавшим ордынцам 5-ю часть венецианской задолженности. Последнее предложение этого абзаца мы передали как уведомление о том, что означенные выплаченные Тайдулой деньги «без малейшего небрежения отправлены [по назначению]»[53]. На самом деле, как справедливо заметил С. П. Карпов, в указанном случае речь идет о незамедлительном возвращении «христианской заступнице» Тайдуле всех выделенных ею денег, включая сюда и затраты на оплату услуг ее собственным служащим, составление писем венецианскому дожу и азовскому консулу, стоимость бумаги, на которой эти письма были начертаны, и подарков ханши венецианским послам. Так что здесь Тайдула заявляет: «550 сомов как можно скорее отправьте», — т. е. возместите из казны метрополии. Именно этим оборотом дела и были недовольны послы венецианского дожа.

Послание Тайдулы является единственным из известных ордынских документов, адресантом которого выступала ханша, а адресатом — глава европейского государства.

В качестве приложения к посланию Тайдулы Р. Пределли опубликовал пять начальных фрагментов написанных по-латыни посланий венецианского дожа Андреа Дандоло к ордынскому хану Джанибеку, ханше Тайдуле и ряду ордынских сановников[54]. Послания были составлены в 1349 г. Каждый из пяти фрагментов этих посланий включал в себя имена и титулы адресанта и адресата, а также обозначение приветствия. Одного из авторов этих строк особенно заинтересовали в послании имена десяти влиятельных ордынских сановников середины XIV в. В специальном исследовании он попытался раскрыть отдельные черты биографии каждого из названных сановников[55]. В 8 случаях из 10 это удалось сделать с

различной степенью полноты. В двух случаях пришлось констатировать, что вельможа под таким именем «в сохранившихся источниках XIV в. не зафиксирован».

С момента публикации исследования прошло уже довольно много времени. Биографии некоторых из рассмотренных тогда сановников пополнились новыми сведениями. В русских летописях удалось отыскать имя одного из двух вельмож, прежде отнесенных к разряду неизвестных. Речь идет о князе Калантае. Рогожский летописец сообщает о том, что зимой 1333/34 г., т. е. во время правления в Орде Узбека, князь Дмитрий Романович Брянский ходил ратью на Смоленск. В составе войска брянского князя находились и ордынские отряды, которыми командовал Калантай. В результате этого вооруженного демарша двоюродный брат брянского князя князь Иван Александович Смоленский вынужден был заключить мир[56].

10. **Платежная ведомость Тайдулы.** Составлена незадолго до 4 марта 1359 г., когда Тайдула находилась в своей резиденции — Гюлистанском дворце Укека. Писалась по-тюркски буквами уйгурского алфавита. Сохранилась в переводе на латинский язык[57].

Анализ содержания ведомости показал, что Тайдула выплатила из собственной казны крупную сумму денег своим кровным родственникам, а также правителям и богатейшим купцам Крымского и Азовского тюменов для обеспечения своих политических интересов накануне «великой замятни» в Орде. При этом ханша рассчитывала на незамедлительное возмещение всех своих расходов из государственного бюджета Венеции. Внимательное рассмотрение многочисленных имен, содержащихся в ведомости, выявило значение их носителей в жизни Орды второй половины XIV в.[58] Удалось предположительно сопоставить одно из имен (Кичиг-Мухаммед) с личностью знаменитого ордынского темника Мамая[59]. Это допущение позволяет приподнять завесу тайны над происхождением и материальными источниками могущества этого выдающегося ордынского государственного деятеля.

Платежная ведомость Тайдулы является уникальным документом. Ни один ордынский документ такого типа до сих пор не был известен исторической науке.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

[1] Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia. A. 1300–1350 / Ed. by G. M. Thomas. Venetiis, 1880. Pars 1; Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia. A. 1351–1454 / Ed. by R. Predelli. Venetiis, 1899. Pars 2.

[2] Григорьев А. П. Коллекция золотоордынских документов середины XIV в. из Венеции // Востоковедение / Отв. ред. В. Б. Касевич. СПб., 2000. Вып. 22. С. 203–204.

[3] Каштанов С. М. 1) Очерки русской дипломатики. М., 1970; 2) Русская дипломатика. М., 1988.

[4] Григорьев А. П. Указ. соч. С. 203–215.

ГЛАВА I

[1] Вашари И. Заметки о термине tartanaq в Золотой Орде // Советская тюркология. 1987. № 4. С. 97–103.

[2] Там же. С. 100.

[3] Григорьев А. П. 1) «Вышняя троица» в ярлыке золотоордынского хана Мёнгке-Темюра // Востоковедение / Отв. ред. И. Н. Винников. Л., 1974. Вып. 1. С. 188–200; 2) Эволюция формы адресанта в золотоордынских ярлыках XIII–XV вв. // Востоковедение / Отв. ред. С. Н. Иванов, Е. А. Серебряков. Л., 1977. Вып. 3. С. 132–156; 3) К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. А. Д. Желтяков. Л., 1980. Вып. 5. С. 15–38; 4) Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. // Востоковедение / Отв. ред. Л. А. Березный, Е. А. Серебряков, С. Е. Яхонтов. Л., 1980. Вып. 7. С. 155–180; 5) Официальный язык Золотой Орды XIII–XIV вв. // Тюркологический сборник. 1977 / Отв. ред. А. Н. Кононов. М., 1981. С. 81–89; 6) Дополнение к «Монгольской дипломатике XIII–XIV вв.» // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Л. А. Березный. Л., 1982. Вып. 6. С. 44–52; 7) Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам // Историография и источниковедение истории стран Азии и

Африки / Отв. ред. Г. Я. Смолин. Л., 1985. Вып. 8. С. 93–134; 8) Проблемы реконструкции содержания сборника ханских ярлыков // Востоковедение / Отв. ред. А. А. Долинина, В. Г. Гузев. Л., 1986. Вып. 12. С. 151–155; 9) Формуляр золотоордынских жалованных грамот // Туркологика 1986; К 80-летию акад. А. Н. Кононова / Отв. ред. С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, Э. Р. Тенишев. Л., 1986. С. 76–84; 10) Ярлык Менгу-Тимура: Реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. А. Д. Желтяков. Л., 1989. Вып. 12. С. 53–102.

[4] Marin C. A. Storia civile e politica del commercio de Veneziani. In Vinegia, 1798–1800. Vol. 1–6; Canale M. da. Della Crimea, del suo commercio e del suoi dominatori dalle origini fino ai di nostri. Genova, 1855–1856. Vol. 1–3.

[5] Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth, 1840. S. 517–521.

[6] Mas Latrie L. de. Privilegés commerciaux accordés a la République de Venise par les princes de Crimee et les empereurs Mongols du Kiptchak // Bibliotheque de l'École des chartes, 6e serie. Paris, 1868. T. 4. P. 580–595.

[7] Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia. Pars 1, a. 1300–1350 / Ed. by G. M. Thomas. Pars 2, a. 1351–1454 / Ed. by R. Predelli. Venetiis, 1880–1899.

[8] Heyd W. Histoire du commerce du Levant au moyen-âge. Leipzig, 1885–1886. Vol. 1–2.

[9] Брун Ф. К. О поселениях итальянских в Газарии: Топографические и исторические заметки // Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России Ф. Бруна (1852–1877). Одесса, 1879. Ч. 1. С. 189–240.

[10] Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 126–128.

[11] Флоринский Т. Д. Политическая и культурная борьба на Греческом Востоке в первой половине XIV века // Университетские известия. Киев, 1883. (№ 2. С. 31–44; № 3. С. 63–87; № 9. С. 318–342).

[12] Ковалевский М. М. К ранней истории Азова: Венецианская и генуэзская колонии в Тане в XIV веке // Труды XII археологического съезда в Харькове. 1902. М., 1905. Т. 2. С. 109–174.

[13] Иностранцев К. А. К вопросу о «басме» // Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества. СПб., 1908. Т. 18. С. 0172–0179.

[14] Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 104–105, 110–111.

[15] Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 146, 148.

[16] Григорьев А. П. К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. С. 29–34.

[17] Скржинская Е. Ч. История Таны (XIV–XV вв.) // Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступит. статья, подг. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 29–64.

[18] Вашари И. Указ. соч. С. 100.

[19] Там же. С. 103, прим. 41–44.

[20] Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981; Жуков К. А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. М., 1988.

[21] История Византии: В 3 т. / Отв. ред. С. Д. Сказкин. М., 1967. Т. 3. С. 69–70, 76–77.

[22] Карпов С. П. Указ. соч. С. 90–91.

[23] Там же. С. 21–51.

[24] Там же. С. 21.

[25] Diplomatarium Veneto-Levantinum. Pars 1. P. 173–176, N 85.

[26] Карпов С. П. Указ. соч. С. 51.

[27] Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 120.

[28] Карпов С. П. Указ. соч. С. 44.

[29] Diplomatarium Veneto-Levantinum. P. 243–244. N 125.

[30] Григорьев А. П. Формуляр золотоордынских жалованных грамот. С. 76–84.

[31] Спицын А. А. Татарские байсы // Известия имп. Археологической комиссии. СПб., 1909. Вып. 29. С. 135–136.

[32] Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978. С. 20–21.

[33] Григорьев А. П. Дополнение к «Монгольской дипломатике XIII–XV вв.» С. 41.

[34] Григорьев А. П. Ярлык Менгу-Тимура: Реконструкция содержания. С. 74–84.

[35] Радлов В. В. Ярлыки Токтамыша и Тимур-Кутлуга // Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества. СПб., 1889. Т. 3. Табл. 1.

[36] Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 323, 384; Т. 2: Извлечения из персидских сочинений / Обработка А. А. Ромаскевича и С. Л. Волина. М.; Л., 1941. С. 100, 141.

[37] Там же. Т. 1. С. 310–311.

[38] Там же. С. 324, 326–327.

[39] Там же. С. 324–325.

[40] Там же. С. 328.

[41] Там же. С. 388.

[42] Там же. С. 295, 308–309.

[43] Там же. Т. 2. С. 93.

[44] Григорьев А. П. Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Л. А. Березный. Л., 1987. Вып. 10. С. 40–45.

[45] Григорьев А. П. Ярлык Менгу-Тимура: Реконструкция содержания. С. 74–76.

[46] Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 284–287.

[47] Григорьев А. П. Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. С. 156–161.

[48] Карпов С. П. Указ. соч. С. 48–49.

[49] Вашари И. Указ. соч. С. 97–103.

[50] Diplomatarium Veneto-Levantinum. P. 174. N 85.

[51] Григорьев А. П. Дополнение к «Монгольской дипломатике XIII–XV вв.» С. 45.

[52] Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1871. Т. 2. С. 48; Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 424.

[53] Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 121.

[54] Карпов С. П. Указ. соч. С. 61.

[55] Diplomatarium Veneto-Levantinum. P. 175. N 85.

[56] Еманов А. Г. Проблема аспра в итальянской торговле в Северном Причерноморье в XIII–XV вв. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков / Отв. ред. Г. Л. Курбатов. Л., 1986. С. 158–166.

[57] Григорьев А. П. Дополнение к «Монгольской дипломатике XIII–XV вв.» С. 46–49.

[58] Григорьев А. П. 1) Пожалование в ярлыке Токтамыша // Востоковедение / Отв. ред. С. Н. Иванов, Ю. М. Осипов. Л., 1981. Вып. 8. С. 126–136; 2) Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука // Востоковедение / Отв. ред. А. Н. Болдырев, В. Г. Гузев. Л., 1984. Вып. 9. С. 124–143; 3) Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда // Востоковедение / Отв. ред. Е. А. Серебряков, С. Е. Яхонтов. Л., 1984. Вып. 10. С. 122–142.

[59] Григорьев А. П. Ярлык Менгу-Тимура: Реконструкция содержания. С. 98.

[60] Григорьев А. П. Время написания «ярлыка» Ахмата. С. 42–45.

[61] Григорьев А. П. 1) Пожалование в ярлыке Токтамыша. С. 127; 2) Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука. С. 125; 3) Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда. С. 125.

[62] Поппе Н. Н. Квадратная письменность. М.; Л., 1941. С. 60, 64, 68; Григорьев А. П. 1) Пожалование в ярлыке Токтамыша. С. 129; 2) Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука. С. 125; 3) Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда. С. 126.

[63] Карпов С. П. Указ. соч. С. 49.

[64] Codex Cumanicus / Ed. by G. Kuun. With the prolegomena to the Codex Cumanicus by Louis Ligeti. Budapest, 1981. P. 108–109.

[65] Фионова Н. А. Текстильное производство в Венеции XIII–XV вв. (1) // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи: Проблемы социально-политической истории / Отв. ред. В. М. Строгецкий. Горький, 1985. С. 154. прим. 21.

[66] Карпов С. П. Указ. соч. С. 48–49.

[67] Codex Cumanicus. P. 105.

[68] Ibid. P. 106.

[69] Ibid.

[70] Ibid.

[71] Фионова Н. А. Венецианское кораблестроение в XIII–XV вв. // Из истории социально-экономического и политического развития стран Западной Европы в XI–XVII вв. / Отв. ред. Н. П. Соколов. Горький, 1970. С. 28–44; Фрейденберг М. М. На каких кораблях плавали далматинцы? (К истории средневекового судоходства у южных славян) // Страны Средиземноморья в

эпоху феодализма / Отв. ред. В. Т. Илларионов. Горький, 1973. Вып. 1. С. 94–110.

[72] Григорьев А. П. К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. С. 23–25.

[73] Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 63, 67.

[74] Там же. С. 67–69.

[75] Григорьев А. П. 1) Пожалование в ярлыке Токтамыша. С. 129; 2) Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука. С. 127; 3) Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда. С. 127.

[76] Ярлыки татарских ханов московским митрополитам (краткое собрание) // Памятники русского права / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. Вып. 3. С. 463–491.

[77] Григорьев А. П. Ярлык Менгу-Тимура: Реконструкция содержания. С. 101–102.

[78] Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 55–57, 62, 66, 67.

[79] Там же. С. 59, 61, 62.

[80] Цыбульский В. В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии с переводом на даты европейского календаря (с 1 по 2019 г. н. э.). М., 1987. С. 16–32.

[81] Вашари И. Указ. соч. С. 100.

[82] Heyd W. Op. cit. Vol. 2. P. 181.

[83] Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 118.

[84] Цыбульский В. В. Указ. соч. С. 264.

[85] Эвлия Челеби. Книга путешествия: Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Перевод и комментарии. Вып. 2; Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 48–49.

[86] Рогожский летописец // Полн. собр. русских летописей. М., 1965. Т. 15. Вып. 1. Стб. 38.

[87] Григорьев А. П. Дополнение к «Монгольской дипломатике XIII–XV вв.» С. 50.

[88] Григорьев А. П. Ярлык Менгу-Тимура: Реконструкция содержания. С. 101.

[89] Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 120–121.

[90] Heyd W. Op. cit. P. 182. n. 4.

[91] Щавелева Н. И. Киевская миссия польских доминиканцев // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982 год / Ред. Я. Н. Щапов. М., 1984. С. 139–154.

[92] Брун Ф. К. Указ. соч. С. 204.

[93] Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 123.

[94] Diplomatarium Veneto-Levantinum. P. 249–253, N 128.

[95] Скржинская Е. Ч. Указ. соч. С. 32–33.

[96] Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 123–125.

[97] Григорьев А. П. Официальный язык Золотой Орды XIII–XIV вв. С. 81–89.

[1] Гл. I. С. 5–33.

[2] Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia. A. 1300–1350 / Ed. by G. M. Thomas. Venetiis, 1880. Pars 1. P. 261–263, N 135.

[3] Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 205, 329.

[4] Там же. С. 268, 447.

[5] Там же. С. 388, 441.

[6] Там же. Т. 2: Извлечения из персидских сочинений / Обработка А. А. Ромаскевича и С. Л. Волина. М.; Л., 1941. С. 101, 128, 207.

[7] Федоров-Давыдов Г. А. Топография кладов с джучидскими монетами // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т. 1. С. 131–192; 1963. Т. 4. С. 185–221; 1965. Т. 5. С. 215–219.

[8] Полное собрание русских летописей. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1; СПб., 1913. Т. 18 (далее — ПСРЛ).

[9] Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 52; Т. 18. С. 93.

[10] Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 53; Т. 18. С. 93.

[11] Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 54; Т. 18. С. 94.

[12] Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 54.

[13] Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 365; ПСРЛ. Т. 18. С. 94.

[14] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 54; Т. 18. С. 94.

[15] Там же.

[16] Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Г. Я. Смолин. Л., 1983. Вып. 7. С. 9–54.

[17] Юргевич В. Н. Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев, совершенном перед 1235 годом, и письма папы Венедикта XII к хану Узбеку, его жене Тайдолю и сыну Джанибеку, в 1340 году // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1863. Т. 5. С. 1002–1006.

[18] Ковалевский М. М. К ранней истории Азова // Труды XII археологического съезда в Харькове. 1902: В 2 т. М., 1905. Т. 2. С. 150.

[19] Григорьев А. П. Ярлык Менгу-Тимура: Реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. А. Д. Желтяков. Л., 1990. Вып. 12. С. 59–60, 67.

[20] Петрушевский И. П., Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю. и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1985. С. 217; Histoire des mogols et des tatares par Aboul-Ghâzi Bèhâdour khan // Publiée, traduite et annotée par le baron Desmaisons. St. Pétersbourg, 1871. T. 1. P. 166–168.

[21] Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 387–388.

[22] Там же. Т. 2. С. 92, 101, 143.

[23] Там же. С. 101.

[24] Там же.

[25] Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966.

[26] Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 199, 262–263, 267, 269 (прим. 2), 441, 527–528.

[27] Гольман М.И. Изучение истории Монголии на Западе. XII — середина XX в. М., 1988. С. 32.

[28] Юргевич В.Н. Указ. соч. С. 1003.

[29] Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 296.

[30] Там же. С. 263.

[31] Наджип Э.Н. Введение // Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века: На материале «Хосрау и Ширин» Кутба: В 4 кн. М., 1979. Кн. 1. С. 31–48.

[32] Юргевич В.Н. Указ. соч. С. 1004–1005.

[33] Там же. С. 1004.

[34] История Византии: В 3 т. / Отв. ред. С.Д. Сказкин. М., 1967. Т. 3. С. 133; Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. М., 1988. С. 32–35.

[35] Григорьев А.П. Ярлык Менгу-Тимура: Реконструкция содержания. С. 59–62.

[36] Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 294–295.

[37] Diplomatarium Veneto-Levantinum. P. 259–260, N 133; Волков М.А. О соперничестве Венеции с Генуею в XIV веке // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1860. Т. 4. Отд. 2 и 3. С. 183–185, № 1.

[38] Diplomatarium Veneto-Levantinum. P. 260–261, N 134; Волков М.А. Указ. соч. С. 217–218. N 8.

[39] Diplomatarium Veneto-Levantinum. P. 253, 257–259, N 129, 132.

[40] Гл. I. С. 29–31.

[41] Григорьев А.П. Формуляр золотоордынских жалованных грамот // Тюркология 1986: К 80-летию акад. А.Н. Кононова / Отв. ред. С.Г. Кляшторный, Ю.А. Петросян, Э.Р. Тенишев, Л., 1986. С. 76–84.

[42] Гл. I. С. 11.

[43] Григорьев А.П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978. С. 20–21.

[44] Скрынникова Т.Д. Монгольские термины сакральности правителя (XIII в.) // Международный конгресс монголоведов: Доклады советской делегации / Пред. редколлегии В.М. Солнцев. М., 1987. Ч. 1. С. 126–132.

[45] Ярлыки татарских ханов московским митрополитам (краткое собрание) // Памятники русского права / Под ред. Л.В. Черепнина. М., 1955. Вып. 3. С. 469.

[46] Гл. I. С. 12.

[47] Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 269.

[48] Diplomatarium Veneto-Levantinum. P. 311–313, N 167.

[49] Волков М.А. Указ. соч. С. 216–217, № 7.

[50] Ярлыки татарских ханов московским митрополитам. С. 469–470: Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas. Graecas atque Levantis illustrantia. A. 1351–1454 / Ed. by R. Predelli. Venetiis. 1899. Pars 2. P. 47–51. N 24.

[51] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 69; Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 129.

[52] Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 130.

[53] Волков Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1972. С. 18–26.

[54] Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 113; Рашид-ад-дин . Сборник летописей: В 3 т. / Пер. с персидск. О. И. Смирновой. М.; Л., 1952. Т. 1. Кн. 2. С. 274.

[55] Рашид-ад-дин . Указ. соч. / Пер. с персидск. А. К. Арендса. М.; Л., 1946. Т. 3. С. 181.

[56] Григорьев А. П. Шибаниды на золотоордынском престоле // Востоковедение / Отв. ред. В. Б. Кассевич, Ю. М. Осипов. Л., 1985. Вып. 11. С. 166–168.

[57] Codex Cumanicus / Ed. by G. Kuun. With the prolegomena to the Codex Cumanicus by Louis Ligeti. Budapest, 1981. P. 105.

[58] Diplomatarium Veneto-Levantinum. Pars 1. P. 312, N 167.

[59] Волков М. А. Указ. соч. С. 217, № 7.

[60] Вашари И. Заметки о термине tartanaq в Золотой Орде // Советская тюркология. 1987. № 4. С. 97–103.

[61] Гл. I. С. 18–19.

[62] Григорьев А. П. 1) Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука // Востоковедение / Отв. ред. А. Н. Болдырев, В. Г. Гузев. М., 1984. Вып. 9. С. 125; Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда // Востоковедение / Отв. ред. Е. А. Серебряков, С. Е. Яхонтов. М., 1984. Вып. 10. С. 125.

[63] Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 184, прим. 144.

[64] Гл. I. С. 18–20.

[65] Григорьев А. П. 1) Пожалование в ярлыке Токтамыша // Востоковедение / Отв. ред. С. Н. Иванов, Ю. М. Осипов. Л., 1981. Вып. 8. С. 127; 2) Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука. С. 124–125; 3) Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда. С. 124–125.

[66] Evliya Çelebi. Evliya Çelebi seyahatnamesi. İstanbul, 1928. C. 7. S. 500–698.

[67] Григорьев А. П. Пожалование в ярлыке Токтамыша. С. 128.

[68] Барбаро и Контарини о России. С. 171, прим. 56.

[69] Гл. I. С. 18.

[70] Гафуров А. Г. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М., 1987. С. 130.

[71] Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 121.

[72] Барбаро и Контарини о России. С. 166, прим. 30.

[73] Гл. I. С. 20.

[74] Григорьев А. П. Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука. С. 126.

[75] Гл. I. С. 21.

[76] Там же. С. 22.

[77] Там же. С. 23.

[78] Там же. С. 23–24.

[79] Там же. С. 24.

[80] Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 133.

[81] Там же. С. 126.

[82] Соколов Н. П. Торговые взаимоотношения Венеции и Киликийской Армении в XII–XIV вв. // Страны Средиземноморья в эпоху феодализма / Отв. ред. В. Т. Илларионов. Горький. 1973. Вып. 1. С. 5–24.

[83] Гл. I. С. 25–26.

[84] Ярлыки татарских ханов московским митрополитам. С. 470.

[85] Веселовский Н. И. Рец. на кн.: Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916 // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. Новая серия. Ч. 68. № 3–4. С. 122–123.

[86] Григорьев А. П. К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. А. Д. Желтяков. Л., 1980. Вып. 5. С. 23–24.

[87] Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 67.

[88] Позднеев А. М. Лекции по истории монгольской литературы: В 3 т. СПб., 1897. Т. 2. С. 152.

[89] Спицын А. А. Татарские байсы // Известия имп. Археологической комиссии. СПб., 1909. Вып. 29. С. 135–136.

[90] Pelliot P. Un rescrit mongol en écriture «'Phags-pa» // Tucci G. Tibetan painted scrolls. Roma, 1949. Vol. 2. Pt 4. P. 622.

[91] Рукописное хранилище Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Шифр Д 222, № 1.

[92] Отдел рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в С.-Петербурге. Тюркские документы. Ф. 1240. Ед. хр. О-11, № 11.

[93] Рукописное хранилище Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Шифр Д. 222, № 2.

[94] Гл. I. С. 26–28.

[95] Рашид-ад-дин . Указ. соч. Т. 3. С. 275–278.

[96] Там же. С. 276.

[97] Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 340–350, 404–416.

[98] Цыбульский В. В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии с переводом на даты европейского календаря (с 1 по 2019 г. н. э.). М., 1987. С. 266.

[99] Там же. С. 14.

[100] Там же. С. 266.

[101] Григорьев А. П. К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. С. 25, 32, 35.

[102] Codex Cumanicus. P. 105.

[103] Гл. I. С. 27–28.

[104] Брун Ф. К. 1) Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море // Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России Ф. Бруна (1852–1877). Одесса, 1879. Ч. 1. С. 129; 2) Обмеление Азовского моря // Там же. С. 134–140.

[105] Барбаро и Контарини о России. С. 118, 141.

[106] Эвлия Челеби. Книга путешествия: Извлечения из сочинений турецкого путешественника XVII века. М., 1979. Вып. 2. С. 28, 36.

[107] Брун Ф. К. Обмеление Азовского моря. С. 136.

[108] Codex Cumanicus. P. 105.

[109] Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 110.

[110] Mas Latrie L. de. Priviledés commerciaux accordés a la République de Venise par les princes de Crimee et les empereurs Mongols du Kiptchak // Bibliotheque de l'École des chartes. 6e serie. Paris, 1868. T. 4. P. 580–585. N 1–7.

[111] Ibid. P. 586.

[112] Ярлыки татарских ханов московским митрополитам. С. 469; Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 622.

[113] Ярлыки татарских ханов московским митрополитам. С. 470.

[114] Григорьев А. П. К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. С. 28.

[115] Там же.

[116] Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 294, 296.

[117] Там же. Т. 2. С. 129, 133, 155; Материалы по истории туркмен и Туркмении: В 2 т. / Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича, А. Ю. Якубовского. М.; Л., 1939. Т. 1. С. 514-519.

[118] Гафуров А. Г. Имя и история. С. 128; Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 158.

[119] Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 295.

[120] Гафуров А. Г. Указ. соч. С. 129; Баскаков Н. А. Указ. соч. С. 176.

[121] Волков М. А. Указ. соч. С. 216–217, № 7; Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 129.

[122] Гафуров А. Г. Указ. соч. С. 134; Баскаков Н. А. Указ. соч. С. 147; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Т. 1: с 1474 по 1505 год / Под ред. Г. Ф. Карпова // Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 4–6, № 1.

[123] Волков М. А. Указ. соч. С. 216–217, № 7.

[124] Древнетюркский словарь. С. 469; Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 47, 48, 53–56, 59, 61, 62, 121, 180.

[125] Древнетюркский словарь. С. 82; Гафуров А. Г. Указ. соч. С. 133.

[126] Григорьев А. П. К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. С. 26–29, 32, 33.

[127] Codex Cumanicus. P. 91.

[128] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.: В 3 т. М., 1964. Т. 3. С. 138.

[129] Diplomatarium Veneto-Levantinum. Pars 2. P. 51–53, N 25–27.

[130] Древнетюркский словарь. С. 473; Гафуров А. Г. Указ. соч. С. 159.

[131] Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 282.

[132] Diplomatarium Veneto-Levantinum. Pars 1. P. 263, n. 1.

[133] Григорьев А. П. Формуляр золотоордынских жалованных грамот. С. 77–78.

[134] Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 121–122, 180.

[135] Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 143.

[136] Там же. С. 127–128.

[137] Diplomatarium Veneto-Levantinum. Pars 1. P. 267–268; Скржинская Е. Ч. Петрарка о генуэзцах на Леванте // Византийский временник. М.; Л., 1949. Т. 2 (27). С. 248–249.

[138] Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 143.

[139] Волков М. А. Указ. соч. С. 185–188, № 2; Diplomatarium Veneto-Levantinum. Pars 1. P. 266–267, N 139.

[140] Волков М. А. Указ. соч. С. 188.

[141] Diplomatarium Veneto-Levantinum. Pars 1. P. 311–313, N 167.

ГЛАВА III

[1] Гл. I–II. С. 5–77.

[2] Ковалевский М. М. К ранней истории Азова // Труды XII археологического съезда в Харькове. 1902. М., 1905. Т. 2. С. 119.

[3] Гл. II. С. 57–77.

[4] Скржинская Е. Ч. Петрарка о генуэзцах на Леванте // Византийский временник. М.; Л., 1949. Т. 2 (27). С. 248–249.

[5] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). СПб., 1910. Т. 23. С. 97–98.

[6] Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 143.

[7] Волков М. А. О соперничестве Венеции с Генуею в XIV веке // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1860. Т. 4. Отд. 2 и 3. С. 185–188, № 2; Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia. A. 1300-1350 / Ed. by G. M. Thomas. Venetiis, 1880. Pars 1. P. 266–267, N 139.

[8] Diplomatarium Veneto-Levantinum. P. 320–327, N 170.

[9] Волков М. А. Указ. соч. С. 188–189; Diplomatarium Veneto-Levantinum. P. 278–279, N 146.

[10] Волков М. А. Указ. соч. С. 193–204, № 5; Diplomatarium Veneto-Levantinum. P. 279–285, N 148; P. 327–329, N 170.

[11] Diplomatarium Veneto-Levantinum. P. 329–331, N 170.

[12] Волков М. А. Указ. соч. С. 189–193, № 4; Diplomatarium Veneto-Levantinum. P. 287–289, N 152; 331–333, N 170.

[13] Diplomatarium Veneto-Levantinum. P. 333, N 170.

[14] Ibid. P. 333–334, N 170.

[15] Гл. II. С. 47–48.

[16] Волков М. А. Указ. соч. С. 204–216, № 6; Diplomatarium Veneto-Levantinum. P. 300–305, N 161.

[17] Diplomatarium Veneto-Levantinum. P. 334–335, N 170.

[18] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 95; Пг., 1992. Т. 15. Вып. 1. Стб. 57.

[19] Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 529–530.

[20] Маркс К. Хронологические выписки: IV // Архив Маркса и Энгельса. М., 1946. Т. 8. С. 149.

[21] Diplomatarium Veneto-Levantinum. P. 336–339, N 170.

[22] Ibid. P. 339–340, N 170.

[23] Ibid. P. 340, N 170.

[24] Ibid. P. 311–313, N 167.

[25] Григорьев А. П. Формуляр золотоордынских жалованных грамот // Тюркологика-1986: К 80-летию акад. А. Н. Кононова / Отв. ред. С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, Э. Р. Тенишев. Л., 1986. С. 76–84.

[26] Григорьев А. П. 1) Формуляр золотоордынских жалованных грамот. С. 77–78; 2) Дополнение к «Монгольской дипломатике XIII–XV вв.» // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Л. А. Березный. Л., 1982. Вып. 6. С. 36–38.

[27] Diplomatarium Veneto-Levantinum. P. 30, N 17; P. 33, N 20; P. 101, N 57.

[28] Гл. I. С. 11; Гл. II. С. 46–47.

[29] Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 342.

[30] Григорьев А. П. 1) Монгольская дипломатика XIII–XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978. С. 29–30; 2) Дополнение к «Монгольской дипломатике XIII–XV вв.». С. 39–40.

[31] Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 251.

[32] Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 29.

[33] Гл. I. С. 11–12; Гл. II. С. 46.

[34] Григорьев А. П. Официальный язык Золотой Орды XIII–XV вв. // Тюркологический сборник. 1977. / Отв. ред. А. Н. Кононов. М., 1981. С. 81–89.

[35] Григорьев А. П. Жалованная грамота Тайдулы от 1351 г.: Реконструкция содержания // Вестн. Ленингр. ун-та. 1991. Сер. 2. Вып. 1. С. 45–46.

[36] Григорьев А. П. Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Л. А. Березный. Л., 1987. Вып. 10. С. 40–45.

[37] Гл. I. С. 14; Гл. II. С. 48.

[38] Там же.

[39] Рукописное хранилище СПбФ ИВ РАН. Шифр Д 222. № 1, 2.

[40] Там же. № 1.

[41] Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 34–39.

[42] Поппе Н. Н. Квадратная письменность. М.; Л., 1941. С. 104.

[43] Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 34, 35, 43, 44.

[44] Григорьев А. П. Ярлык Менгу-Тимура: Реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. А. Д. Желтяков. Л., 1990. Вып. 12. С. 76–77.

[45] Григорьев А. П. Проезжая грамота Тайдулы от 1354 г. // Востоковедение / Отв. ред. В. Г. Гузев, О. Б. Фролова, Л., 1993. Вып. 18. С. 150.

[46] Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 51–52.

[47] Гл. I. С. 12; Гл. II. С. 48.

[48] Радлов В. В. Ярлыки Токтамыша и Тимур-Кутлука // Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества. СПб. , 1889. Т. 3. Табл. 1.

[49] Григорьев А. П. Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XV вв. // Востоковедение / Отв. ред. Л. А. Березный, Е. А. Серебряков, С. Е. Яхонтов, Л., 1980. Вып. 7. С. 156–161.

[50] Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 34, 35, 44.

[51] Рукописное хранилище СПбФ Института востоковедения РАН. Шифр Д 222, № 1.

[52] Гл. I. С. 14.

[53] Гл. II. С. 48–49.

[54] Там же. С. 49–50.

[55] Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 34–35.

[56] Григорьев А. П. Дополнение к «Монгольской дипломатике XIII–XV вв.» С. 46–49.

[57] Григорьев А. П. Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда // Востоковедение / Отв. ред. Е. А. Серебряков, С. Е. Яхонтов. Л., 1984. Вып. 10. С. 124–125.

[58] Гл. II. С. 51–53.

[59] Evliya Çelebi. Evliya Çelebi seyhatnamesi. İstanbul, 1928. С. 7. S. 663.

[60] Скржинская Е. Ч. Венецианский посол в Золотой Орде: По надгробию Якопо Корнаро, 1362 г. // Византийский временник / Отв. ред. З. В. Удальцова. М., 1973. Т. 35. С. 106–107.

[61] Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в. Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Г. Я. Смолин. Л., 1983. Вып. 7. С. 40.

[62] Григорьев А. П. Официальный язык Золотой Орды XIII–XIV вв. С. 84.

[63] Гл. I. С. 24.

[64] Там же. С. 18–20.

[65] Жуков К. А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. М., 1988. С. 84.

[66] Гл. II. С. 51.

[67] Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981. С. 48 (прим. 25).

[68] Гл. II. С. 54–55.

[69] Гл. I. С. 20–21; Гл. II. С. 52.

[70] Гл. II. С. 56.

[71] Гл. I. С. 21; Гл. II. С. 56–57.

[72] Гл. I. С. 22; Гл. II. С. 57.

[73] Вашари И. Заметки о термине tartanaq в Золотой Орде // Советская тюркология. Баку, 1987. № 4. С. 97–103.

[74] Там же. С. 100–101.

[75] Гл. I. С. 23; Гл. II. С. 57.

[76] Гл. I. С. 24; Гл. II. С. 59.

[77] Гл. II. С. 59–60.

[78] Жуков К. А. Указ. соч. С. 83.

[79] Гл. I. С. 16–17.

[80] Гл. I. С. 23; Гл. II. С. 58–59.

[81] Гл. II. С. 61.

[82] Там же. С. 60–61.

[83] Григорьев А. П. Формуляр золотоордынских жалованных грамот. С. 79–80.

[84] Ярлыки татарских ханов московским митрополитам: Краткое собрание // Памятники русского права / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. Вып. 3. С. 466, 468–470; Краткое собрание ярлыков ордынских ханов, данных русским митрополитам и духовенству // Русский феодальный архив / Под. ред. В. И. Буганова. М., 1987. Вып. 3. С. 586, 587, 589, 590, 592, 593.

[85] Григорьев А. П. 1) Ярлык Менгу-Тимура. С. 102; 2) Проезжая грамота Тайдулы от 1347 г.: Реконструкция содержания // Вестн. Ленингр. ун-та. 1990. Сер. 2. Вып. 3. С. 42.

[86] Поппе Н. Н. Указ. соч. С. 67–69, 125–126.

[87] Григорьев А. П. Ярлык Менгу-Тимура. С. 66–72.

[88] Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 89–92, 94.

[89] Ярлыки татарских ханов московским митрополитам. С. 466–470; Краткое собрание ярлыков ордынских ханов, данных русским митрополитам и духовенству. С. 586, 587, 589, 590, 592.

[90] Поппе Н. Н. Указ. соч. С. 71–73.

[91] Гл. II. С. 62.

[92] Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 55–61.

[93] Там же. С. 62–63, 67–68.

[94] Там же. С. 67.

[95] Гл. II. С. 63–64.

[96] Гл. I. С. 24–25.

[97] Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв. С. 62–63.

[98] Там же. С. 62, 67.

[99] Там же. С. 65, 69.

[100] Там же. С. 67.

[101] Там же. С. 63.

[102] Цыбульский В. В. Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока: Синхронистические таблицы и пояснения. М., 1964. С. 68–69.

[103] Цыбульский В. В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии с переводом на даты европейского календаря (с 1 по 2019 г. н. э.). М., 1987. С. 266.

[104] Григорьев А. П. Шибаниды на золотоордынском престоле // Востоковедение / Отв. ред. В. Б. Касевич, Ю. М. Осипов, Л., 1985. Вып. 11. С. 172.

[105] Гл. II. С. 65–68.

[106] Цыбульский В. В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии... С. 266.

[107] Гл. I. С. 25–26.

[108] Цыбульский В. В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии... С. 264.

[109] Гл. I. С. 26, 27, 28, 29.

[110] Григорьев А. П. Дополнение к «Монгольской дипломатике XIII–XV вв.». С. 50–51.

[111] Здесь и ниже мы старались передать тюркское, а не монгольское произношение ордынских имен.

[112] Гл. II. С. 47–48.

[113] Бартольд В. В. Улугбек и его время // Акад. Бартольд В. В. Соч. М., 1964. Т. 2. Ч. 2. С. 50.

[114] Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 249.

[115] Григорьев А. П. К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XV вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. А. Д. Желтяков. Л., 1980. Вып. 5. С. 31.

[116] Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 282.

[117] Там же. С. 637.

[118] Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 249.

[119] Там же. М., Л., 1941. Т. 2. С. 94, 117, 156, 161, 170, 176, 185, 191, 192.

[120] Там же. Т. 1. С. 348.

[121] Гл. II. С. 68–72.

[122] Ярлыки татарских ханов московским митрополитам. С. 470.

[123] Гл. I. С. 28; Гл. II. С. 81.

[124] Гл. II. С. 68–72.

[125] Diplomatarium Veneto-Levantinum. P. 340–341, N 170.

ГЛАВА IV

[1] Гл. I–III. С. 5–121.

[2] Гл. V. С. 168–179.

[3] Скржинская Е. Ч. Венецианский посол в Золотой Орде: По надгробию Якопо Корнаро, 1362 г. // Византийский временник / Отв. ред. З. В. Удальцова. М., 1973. Т. 35. С. 107–108; Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983. С. 70–72, 83.

[4] Гл. II. С. 38–39.

[5] Петрушевский И. П., Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю. и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1958. С. 220.

[6] Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 388–389, 441, 447–448, 530.

[7] Там же. Т. 2: Извлечения из персидских сочинений / Обработка А. А. Ромаскевича и С. Л. Волина. М.; Л., 1941. С. 94–97, 98,101–103, 128–129.

[8] Полное собрание русских летописей. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 49–52; СПб., 1913. Т. 18. С. 92–93; СПб., 1910. Т. 23. С. 105 (далее — ПСРЛ).

[9] Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 208.

[10] Там же. С. 128.

[11] Там же. С. 96.

[12] Там же. С. 103.

[13] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 66.

[14] Гл. II. С. 35–36.

[15] ПСРЛ. Т. 23. С. 112.

[16] Тизенгаузен В. Г. Указ. Соч. Т. 1. С. 441, 447–448, 530.

[17] Там же. Т. 2. С. 98.

[18] Григорьев А. П. Обращение к ордынскому хану и его сановникам в посланиях венецианского дожа // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 1992. Сер. 2. Вып. 4. С. 8–9.

[19] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 66.

[20] Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 66; Т. 18. С. 100.

[21] Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 128–129.

[22] ПСРЛ. Т. 23. С. 112.

[23] Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 214.

[24] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 68; Т. 18. С. 100.

[25] Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Г. Я. Смолин. Л., 1983. Вып. 7. С. 23–27.

[26] Григорьев А. П. Золотоордынский город Янгишехр // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 1994. Сер. 2. Вып. 2. С. 28–36.

[27] Григорьев А. П. Обращение к ордынскому хану и его сановникам в посланиях венецианского дожа XIV в. С. 11.

[28] Там же. С. 9.

[29] Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 2 / Пер. с персидского Ю. П. Верховского. М.; Л., 1960. С. 64–65, 71.

[30] ПСРЛ. Т. 15.Вып. 1. Стб. 66; Т. 18. С. 100.

[31] Там же.

[32] Ярлыки татарских ханов московским митрополитам (краткое собрание) // Памятники русского права / Под ред.Л. В. Черепнина. М., 1955. Вып. 3. С. 469–470.

[33] Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia. A. 1351–1454 / Ed. by R. Predelli. Venetiis, 1899. Pars 2. P. 47–51, N 24.

[34] Ibid. P. 51–52, N 25.

[35] Ibid. P. 48.

[36] Гл. I. С. 11–12; Гл. II. С. 45–47.

[37] Гл. III. С. 86–89.

[38] Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в. С. 22.

[39] Радлов В. В. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества. СПб., 1889. Т. 3. Табл. 1.

[40] Гл. I. С. 11; Гл. II. С. 45.

[41] Ярлык Токтамыша от 1381 г. // Рукописное хранилище СПбФ ИВ РАН. Шифр Д 222. № 1; Радлов В. В. Указ. соч. Табл. 1.

[42] Гл. I. С. 14; Гл. II. С. 48; Гл. III. С. 89–90.

[43] Гл. III. С. 89–95.

[44] Гл. I. С. 14; Гл. II. С. 48; Гл. III. С. 93.

[45] Гл. III. С. 99.

[46] Evliya Çelebi. Evliya Çelebi seyahatnamesi. İstanbul, 1928. C. 7. S. 659.
[47] Григорьев А. П. Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. // Востоковедение / Отв. ред. Л. А. Березный, Е. А. Серебряков, С. Е. Яхонтов. Л., 1980. Вып. 7. С. 162.
[48] Ярлыки татарских ханов московским митрополитам. С. 469.
[49] Гл. I. С. 15; Гл. II. С. 50; Гл. III. С. 94.
[50] Гл. I. С. 15–16.
[51] Григорьев А. П. Дополнение к «Монгольской дипломатике XIII–XV вв.» // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Л. А. Березный. Л., 1982. Вып. 6. С. 45.
[52] Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869. Т. 1. С. 514.
[53] Григорьев А. П. Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. С. 165, 171.
[54] Гл. III. С. 87–89.
[55] Diplomatarium Veneto-Levantinum. P. 48–49.
[56] Гл. I. С. 5–33.
[57] Гл. II. С. 34–77.
[58] Гл. III. С. 78–121.
[59] Там же. С. 104–105.
[60] Гл. I. С. 28–31.
[61] Гл. II. С. 72.
[62] Гл. III. С. 118.
[63] Гл. V. С. 168–179; Гл. VI. С. 180–184.
[64] Гл. V. С. 178.
[65] Гл. II. С. 38–39.
[66] Гл. III. С. 98–100.
[67] Там же. С. 100–102.
[68] Там же. С. 102.
[69] Там же. С. 113.
[70] Diplomatarium Veneto-Levantinum. P. 49–50.
[71] Гл. I. С. 18–20; Гл. II. С. 50–56: Гл. III. С. 100–103.
[72] Гл. I. С. 20; Гл. II. С. 55; Гл. III. С. 103.
[73] Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978. С. 83, 86.
[74] Гл. III. С. 102–103.
[75] Там же. С. 103.
[76] Гл. II. С. 51, 56.
[77] Гл. I. С. 20–21: Гл. II. С. 56–57; Гл. III. С. 103–104.
[78] Гл. I. С. 21–22; Гл. II. С. 57; Гл. III. С. 104–105.
[79] Гл. I. С. 22–23; Гл. II. С. 57–58; Гл. III. С. 105–106.
[80] Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981. С. 52.
[81] Гл. I. С. 23–24; Гл. II. С. 59; Гл. III. С. 106.
[82] Карпов С. П. Указ. соч. С. 48–49.
[83] Будагов Л. З. Указ. соч. С. 96.
[84] Гл. III. С. 102.

[85] Гл. VII. С. 185–191.

[86] Гл. II. С. 59–60; Гл. III. С. 106–107.

[87] Гл. I. С. 23; Гл. II. С. 58–59: Гл. III. С. 107.

[88] Гл. II. С. 61; Гл. III. С. 107–108.

[89] Гл. II. С. 60–61; Гл. III. С. 108–109.

[90] Diplomatarium Veneto-Levantinum. P. 50–51.

[91] Гл. III. С. 109–112.

[92] Ярлыки татарских ханов московским митрополитам. С. 468.

[93] Григорьев А. П. Ярлык Менгу-Тимура: Реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. А. Д. Желтяков. Л., 1990. Вып. 12. С. 53–102.

[94] Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингис-хана. Брюссель, 1939; Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992. С. 432–464.

[95] Ligeti L. Monuments en écriture 'phags-pa. Budapest, 1972. P. 110, 112.

[96] Ligeti L. Monuments préclassiques. 1. XIIIe et XIVe siècles. Budapest, 1972. P. 284, 286, 287.

[97] Ibid. P. 19.

[98] Ligeti L. Monuments en écriture 'phags-pa. P. 114.

[99] Ярлыки татарских ханов московским митрополитам. С. 466, 470.

[100] Ligeti L. Monuments préclassiques. P. 257, 262.

[101] Зограф И. Т. Монгольско-китайская интерференция: Язык монгольской канцелярии в Китае. М., 1984. С. 94.

[102] Ligeti L. Monuments en écriture 'phags-pa. P. 23, 37, 42, 47, 53, 66, 71, 82.

[103] Гл. III. С. 109–110.

[104] Григорьев А. П. 1) Пожалование в ярлыке Токтамыша // Востоковедение / Отв. ред. С. Н. Иванов, Ю. М. Осипов. Л., 1981. Вып. 8. С. 128–129; 2) Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда // Востоковедение / Отв. ред. Е. А. Серебряков, С. Е. Яхонтов. Л., 1984. Вып. 10. С. 127.

[105] Григорьев А. П. Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука // Востоковедение / Отв. ред. А. Н. Болдырев, В. Г. Гузев, Л., 1984. Вып. 9. С. 125–127.

[106] Гл. I. С. 24; Гл. II. С. 61.

[107] Diplomatarium Veneto-Levantinum. P. 51.

[108] Григорьев А. П. 1) Пожалование в ярлыке Токтамыша. С. 127; 2) Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука. С. 124.

[109] Григорьев А. П. 1) Пожалование в ярлыке Токтамыша. С. 129; 2) Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука. С. 127.

[110] Гл. III. С. 113.

[111] Григорьев А. П. К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. А. Д. Желтяков. Л., 1980. Вып. 5. С. 32–33.

[112] Гл. III. С. 114–115.

[113] Григорьев А. П. К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. С. 15–32.

[114] Цыбульский В. В. Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока: Синхронистические таблицы и пояснения. М., 1964. С. 70–71.

[115] Цыбульский В. В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии с переводом на даты европейского календаря (с 1 по 2019 г. н. э.). М., 1987. С. 268.

[116] Григорьев А. П. К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. С. 35–38.

[117] Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 114–117.

[118] Березин И. Н. Ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1872. Т. 8. С. 18.

[119] Григорьев А. П. К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. С. 26–29.

[120] Григорьев А. П. Обращение к ордынскому хану и его сановникам в посланиях венецианского дожа XIV в. С. 9–11.

[121] Гл. III. С. 117.

ГЛАВА V

[1] Григорьев А. П. Обращение к ордынскому хану и его сановникам в посланиях венецианского дожа XIV в. // Вестн. С.-Петербургск. ун-та. 1992. Сер. 2. Вып. 4. С. 7.

[2] Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Asta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illiustrantia / Ed. by R. Predelli. Venetiis, 1899. Pars 2. a. 1351–1454. P. 25–26, N 15.

[3] Гл. I. С. 5–33.

[4] Гл. II. С. 34–77.

[5] Гл. III. С. 78–121.

[6] Скржинская Е. Ч. Петрарка о генуэзцах на Леванте // Византийский временник / Отв. ред. Е. А. Косминский. М.; Л., 1949. Т. 2 (27). С. 245–266.

[7] Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. Т. 1. С. 350.

[8] Гафуров А. Г. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М., 1987. С. 147, 180.

[9] Гл. III. С. 89.

[10] Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 432, 508.

[11] Там же. С. 427, 446.

[12] Григорьев А. П. Пожалование в ярлыке Токтамыша // Востоковедение / Отв. ред. С. Н. Иванов, Ю. М. Осипов. Л., 1981. Вып. 8. С. 126–136.

[13] Григорьев А. П. Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. // Востоковедение / Отв. Ред. Л. А. Березный, Е. А. Серебряков. С. Е. Яхонтов. Л., 1980. Вып. 7. С. 156–161.

[14] Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 350.

[15] Гл. VII. С. 187.

[16] Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 414, 441–442, 452.

[17] Радлов В.В. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества / Под ред. В.Р. Розена. СПб., 1889. Т. 3. С. 6.

[18] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из персидских сочинений / Под ред. А.А. Ромаскевича и С.Л. Волина. М.; Л., 1941. С. 168.

[19] Скржинская Е.Ч. История Таны (XIV–XV вв.) // Барбаро и Контарино о России: К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 35.

[20] Diplomatarium Veneto-Levantinum. Pars 1. P. 336–339, N 170.

[21] Гл. VI. С. 180–184.

[22] Гл. II. С. 75–77.

[23] Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983. С. 70–72, 83.

[24] Радлов В.В. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга. С. 3–17; Kurat A.N. Topkapı sarayı müzzesi arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkstan hanlarına ait yarlık ve bitikler. İstanbul, 1940. S. 37–45, N 2; 46–60, N 3.

[25] Григорьев А.П. Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Л.А. Березный. Л., 1987. Вып. 10. С. 54–77.

[26] Le Khanat de Crimée dans les archives du Musée du palais de Topkapi / Par A. Bennigsen. Paris, 1978. P. 67, 69–70, 76–79, 80–83, 88–89, 92–95.

[27] Цыбульский В.В. Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока: Синхронистические таблицы и пояснения. М., 1964. С. 70.

[28] Гл. VI. С. 181–182.

[29] Гл. III. С. 115.

[30] Цыбульский В.В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии с переводом на даты европейского календаря (с 1 по 2019 г.н. э.). М., 1987. С. 268.

ГЛАВА VI

[1] Гл. V. С. 168–179.

[2] Григорьев А.П. Золотоордынский город Янгишехр // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 1994. Сер. 2. Вып. 2. С. 28–36.

[3] Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia / Ed. by R. Predelli. Venetiis, 1899. Pars 2, a. 1351–1454. P. 24–25. N 14.

[4] Гл. IV. С. 141–143, 167.

[5] Гл. I. С. 23; Гл. II. С. 58; Гл. III. С. 107; Гл. IV. С. 154.

[6] Григорьев А.П. 1) Пожалование в ярлыке Токтамыша // Востоковедение / Отв. ред. С.Н. Иванов, Ю.М. Осипов. Л., 1981. Вып. 8. С. 127; 2) Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука // Востоковедение / Отв. ред. А.Н. Болдырев, В.Г. Гузев. Л., 1984. Вып. 9. С. 126; 3) Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда // Востоковедение / Отв. ред. Е.А. Серебряков, С.Е. Яхонтов. Л., 1984. Вып. 10. С. 126.

[7] Гл. I. С. 9–10.
[8] Гл. V. С. 178–179.
[9] Гл. IV. С. 161–163.
[10] Гл. V. С. 178–179.
[11] Карпов С. П. Маршруты черноморской навигации венецианских галей «линий» в XIV–XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир / Отв. Ред. Г. Г. Литаврин. М., 1991. С. 80.
[12] Григорьев А. П. Золотоордынский город Янгишехр. С. 33.

ГЛАВА VII

[1] Гл. IV. С. 122–167.
[2] Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia. A. 1351–1454 / Ed. R. Predelli. Venetiis, 1899. Pars 2. P. 52, N 26.
[3] Гл. VIII. С. 192–195.
[4] Гл. V. С. 168–179.
[5] Там же. С. 170–172.
[6] Там же. С. 170.
[7] Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1995. С. 273–274.
[8] Там же. С. 152, 157; Системы личных имен у народов мира / Отв. ред. М. В. Крюков. М., 1989. С. 101.
[9] Гафуров А. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М., 1987. С. 151, 162, 165.
[10] Там же. С. 122, 214; Системы личных имен у народов мира. С. 252.
[11] Гл. V. С. 172.
[12] Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983. С. 83–84.
[13] Там же. С. 72.
[14] Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из персидских сочинений / В обработке А. А. Ромаскевича и С. Л. Волина. М.; Л., 1941. С. 24, 35–36.
[15] Гл. VIII. С. 194.
[16] Гл. II. С. 48–49.
[17] Гл. IV. С. 161–163.
[18] Там же. С. 160–161.
[19] Радлов В. В. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // Зап. Восточ. отд-ния имп. Русского археологического общества. СПб., 1889. Т. 3. С. 3–17; Kurat A. N. Topkapı sarayı müzesi arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. İstanbul, 1940. S. 6–36, 203.
[20] Григорьев А. П. Обращение к ордынскому хану и его сановникам в посланиях венецианского дожа XIV в. // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 1992. Сер. 2. Вып. 4. С. 11.
[21] Гл. IV. С. 163–164.

ГЛАВА VIII

[1] Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia. A. 1351–1454 / Ed. by R. Predelli. Venetiis, 1899. Pars 2. P. 51–52, N 25.

[2] Гл. IV. С. 163.

[3] Григорьев А. П. Золотоордынский город Янгишехр // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 1994. Сер. 2. Вып. 2. С. 28–36.

[4] Гл. V. С. 168–179; Гл. VI. С. 180–184.

[5] Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Зап. имп. Одесск. об-ва истории и древностей. Одесса, 1915. Т. 32. С. 254.

[6] Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 46, 89.

[7] Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. Т. 1. С. 282.

[8] Гл. VII. С. 186–188; Гл. IX. С. 201; Гл. X. С. 205–206.

[9] Гл. X. С. 206.

[10] Гл. IV. С. 126–128.

[11] Григорьев А. П. 1) Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Г. Я. Смолин. Л., 1983. Вып. 7. С. 9–54; 2) Шибаниды на золотоордынском престоле // Востоковедение / Отв. ред. В. Б. Касевич, Ю. М. Осипов. Л., 1985. Вып. 11. С. 160–182.

[12] Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в. С. 34. Табл. 2.

ГЛАВА IX

[1] Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из персидских сочинений / В обработке А. А. Ромаскевича и С. Л. Волина. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 128, 233.

[2] Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869. Т. 1. С. 334.

[3] Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М., 1980. С. 245–247.

[4] Гафуров А. Г. Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М., 1987. С. 26.

[5] Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов: Извлечения из персидских сочинений, С. 129, 233.

[6] Moshemii I. L. Historia Tartarorum Ecclesiastica. Helmstadi, 1741. P. 191, N 90; Юргевич В. Н. Письма папы Венедикта XII к хану Узбеку, его жене Тайдолю и сыну Джанибеку, в 1340 году // Зап. Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1863. Т. 5. С. 1005; Григорьев А. П. Обращение к ордынскому хану и его сановникам в посланиях венецианского дожа XIV в. // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 1992. Сер. 2. Вып. 4. С. 8.

[7] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1913. Т. 18. С. 89.

[8] Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов.: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. Т. 1. С. 323–324, 384–385, 515–516.

[9] Там же. С. 293.

[10] Moshemii I. L. Op. cit. P. 191–192, N 90; Юргевич В. Н. Указ. соч. С. 1005–1006.

[11] Григорьев А. П. Обращение к ордынскому хану и его сановникам... С. 8.

[12] Гл. IV. С. 152–153.

[13] ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 49–50.

[14] Григорьев А. П. Жалованная грамота Тайдулы от 1351 г.: Реконструкция содержания // Вестн. Ленингр. ун-та. 1991. Сер. 2. Вып. 1. С. 85–93.

[15] Там же. С. 86.

[16] Григорьев А. П. Проезжая грамота Тайдулы от 1354 г.: Реконструкция содержания // Востоковедение / Отв. ред. В. Г. Гузев. О. Б. Фролова. СПб., 1993. Вып. 18. С. 149–154.

[17] Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustratia. A. 1351–1454 / Ed. by R. Predelli. Venetiis, 1899. Pars 2. P. 53–54, N 28.

[18] Григорьев А. П. Формуляр золотоордынских жалованных грамот // Туркологика 1986: К 80-летию акад. А. Н. Кононова / Отв. ред. С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, Э. Р. Тенишев. Л., 1986. С. 76–84.

[19] Григорьев А. П. 1) Жалованная грамота Тайдулы от 1351 г. ... С. 92; 2) Проезжая грамота Тайдулы от 1354 г. ... С. 153.

[20] Григорьев А. П. Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Л. А. Березный. Л., 1987. Вып. 10. С. 39–45.

[21] Радлов В. В. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // Зап. Восточн. отд. имп. Русского археолог. об-ва. СПб., 1889. Т. 3. С. 15.

[22] Codex Cumanicus / Ed. by G. Kuun. Budapest, 1981. P. 104.

[23] Радлов В. В. Указ. соч. С. 3–17; Kurat A. N. Topkapı sarayı müzesi arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. İstanbul, 1940. S. 6–36, 203.

[24] Григорьев А. П. 1) Жалованная грамота Тайдулы от 1351 г. ... С. 91; 2) Проезжая грамота Тайдулы от 1354 г. ... С. 152.

[25] Карпов С. П. Путями средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской Республики в XIII–XV вв. М., 1994. С. 18–21.

[26] Гл. V. С. 168–179; Гл. VII. С. 185–191.

[27] Гл. X. С. 204–217.

ГЛАВА X

[1] Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas., Graecas atque Levantris illustrantia. Pars 2, a. 1351–1454 / Ed. by R. Predelli. Venetiis, 1899. P. 53, N 27.

[2] Гл. V. С. 168–179.

[3] Гл. VII. С. 185–191.

[4] Гл. IV. С. 153–154.

[5] Гл. IX. С. 196–203.

[6] Карпов С. П. Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. // Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова. М., 1991. Вып. 1. С. 202–204, 209–211.

[7] Петрушевский И. П., Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю. и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958. С. 204.

[8] Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: Проблемы торговли. М., 1990. С. 235.

[9] Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система в XII–XV вв. М., 1983. С. 83.

[10] Григорьев А. П. Обращение к ордынскому хану и его сановникам в посланиях венецианского дожа XIV в. // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 1992. Сер. 2. Вып. 4. С. 11.

[11] Гафуров А. Г. Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М., 1987. С. 41–43.

[12] Гл. III. С. 117; Гл. IV. С. 163.

[13] Гл. VII. С. 185–191.

[14] Там же. С. 187–188.

[15] Григорьев А. П. Проезжая грамота Тайдулы от 1354 г.: Реконструкция содержания // Востоковедение / Отв. ред. В. Г. Гузев, О. Б. Фролова. СПб., 1993. Вып. 18. С. 152–153.

[16] Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 306.

[17] Гл. IV. С. 124–128.

[18] Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 373 (текст), 389 (перевод).

[19] Григорьев А. П. 1) Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Г. Я. Смолин. Л., 1983. Вып. 7. С. 9–54; 2) Шибаниды на золотоордынском престоле // Востоковедение / Отв. ред. В. Б. Касевич, Ю. М. Осипов. Л., 1985. Вып. 11. С. 160–182.

[20] Григорьев А. П. Золотоордынский город Орда // Востоковедение / Отв. ред. В. Г. Гузев, О. Б. Фролова. Л., 1990. Вып. 16. С. 152–158.

[21] Гафуров А. Г. Указ. соч. С. 29.

[22] Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 222.

[23] Древнетюркский словарь. С. 650.

[24] Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 109, 115, 150, 165.

[25] Григорьев А. П. Пожалование в ярлыке Токтамыша // Востоковедение / Отв. ред. С. Н. Иванов, Ю. М. Осипов. Л., 1981. Вып. 8. С. 126–136; Basso E. Jl "bellum de Sorcati" ed i trattati del 1380–87 tra Genova e l'Orda d'Oro // Studi Genuensi. Nuova serie. 1990–8. Genova, 1991. P. 25–26.

[26] Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 115, 165.

[27] Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского: Тезисы докладов. СПб., 1996. С. 38–41.

[28] Гафуров А. Г. Указ. соч. С. 185.

[29] Ислам. Энциклопедический словарь // Под ред. Г. В. Милославского, Ю. А. Петросяна, М. Б. Пиотровского. М., 1991. С. 185–186, 203–204, 294.

[30] Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1871. Т. 2. С. 344.

[31] Серебряков Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1986. С. 101.

[32] Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV веке // Исторические записки / Отв. ред. Б. Д. Греков. 1940. Т. 7. С. 4, 24–27.

[33] Гл. IX. С. 201.

[34] Там же.

[35] Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов. М., 1975. Вып. 1. С. 27.

[36] Будагов Л. З. Указ. соч. СПб., 1869. Т. 1. С. 27.

[37] Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970. С. 101.

[38] Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 242.

[39] Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: Проблемы торговли. С. 123, 157, 161.

ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ

[1] Diplomatarium Veneto-Levantinum, siva Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia. A. 1300–1350 / Ed. by G. M. Thomas. Venetiis, 1880. Pars1 (далее — Diplomatarium I); Diplomatarium Veneto-Levantinum, siva Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia. A. 1351–1454 / Ed. by R. Predelli. Venetiis, 1899. Pars 2 (далее — Diplomatarium II).

[2] Diplomatarium II. P. 243–244, N 125.

[3] Гл. I. С. 5–33.

[4] Там же. С. 26.

[5] Гл. III. С. 115.

[6] Там же. С. 89.

[7] Гл. I. С. 11.

[8] Гл. II. С. 45.

[9] Григорьев Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда // Востоковедение / Отв. ред. Е. А. Серебряков, С. Е. Яхонтов. Л., 1984. Вып. 10. С. 126.

[10] Гл. I. С. 18.

[11] Там же. С. 22.

[12] Гл. IV. С. 151.

[13] Diplomatarium II. P. 261–263, N 135.

[14] Гл. II. С. 34–77.

[15] Гл. III. С. 89.

[16] Гл. II. С. 51.

[17] Еманов А. Г. Север и Юг в истории коммерции: На материале Кафы XIII–XV вв. Тюмень, 1995. С. 30–31.

[18] Гл. II. С. 59–60.
[19] Гл. IV. С. 154.
[20] Гл. III. С. 106–107.
[21] Diplomatarium I. P. 311–313, N 167.
[22] Гл. III. С. 78–121.
[23] Там же. С. 86–95.
[24] Там же. С. 95–98.
[25] Гл. V. С. 171.
[26] Гл. III. С. 102–103.
[27] Там же. С. 103–109.
[28] Там же. С. 109–112.
[29] Там же. С. 112–119.
[30] Там же. С. 97.
[31] Там же. С. 104.
[32] Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: Проблемы торговли. М., 1990. С. 334.
[33] Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему / Пер. с нем. Ю. Э. Брегеля. М., 1970. С. 22–24.
[34] Гл. III. С. 105–106.
[35] Там же. 106–107.
[36] Diplomatarium II. P. 47–51, N 24.
[37] Гл. IV. С. 122–167.
[38] Там же. С. 149–150.
[39] Там же. С. 150–155.
[40] Там же. С. 155–160.
[41] Diplomatarium II. P. 25–26, N 15.
[42] Гл. V. С. 168–179.
[43] Григорьев А. П. Золотоордынский город Янгишехр // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 1994. Сер 2. Вып. 2. С. 28–36.
[44] Diplomatarium II. P. 24–25, N 14.
[45] Гл. VI. С. 180–184.
[46] Diplomatarium II. P. 52, N 26.
[47] Гл. VII. С. 185–191.
[48] Diplomatarium II. P. 51–52, N 25.
[49] Гл. VIII. С. 192–195.
[50] Diplomatarium II. P. 53–54, N 28.
[51] Гл. X. С. 216.
[52] Гл. IX. С. 196–203.
[53] Там же. С. 199.
[54] Diplomatarium II. P. 54.
[55] Григорьев А. П. Обращение к ордынскому хану и его сановникам в посланиях венецианского дожа XIV в. // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 1992. Сер. 2. Вып. 4. С. 6–11.
[56] Полное собрание русских летописей. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 47.
[57] Diplomatarium II. P. 53, N 27.
[58] Гл. X. С. 204–217.
[59] Там же. С. 209–214.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абдулла, джучид (батуид), хан 157, 211
Абу Саид — см. Абусаид
Абусаид, ильхан Ирана 9, 10, 15, 16, 24, 29, 38, 39, 63, 92, 112, 142
Абулфадл Рашидаддин, персидский историк 49, 65, 88
ал-Айни, арабский историк 124
Айниддин Юсуф, ордынский купец 170, 172, 186–189
Айнуддин Юсиф — см. Айниддин Юсуф
Айтамур — см. Ай-Тимур
Ай-Тимур, ордынский сановник 68, 72, 74, 118
Ай-Тимур, тюркское имя 72
Акнок, ордынский купец 170, 172
Акоза — см. Ак-ходжа
Акомат — см. Ахмат
Ак-Суфи, сын Нангудая 70
Ак-ходжа, начальник азовской таможни 102, 105, 116, 145, 152, 153, 222
Алеев, русская фамилия 70
Алей, русское имя 70
Александр Михайлович, тверской князь 125, 198
Алексий, русский митрополит 17, 24, 48, 62, 63, 69, 127, 129, 198, 209
Али, арабское имя 70
Али, ордынский сановник 68, 70–72, 74, 118
Алий, русское имя 70
Али-падшах, глава монгольского племени ойрат 38
Альберто, посол Узбека 36
Анбарчи, хулагуид 38
Андреа — см. Андреа Венерио
Андреа Венерио, венецианский посол 168–171, 176, 178, 181, 186, 224
Андреа Дандоло, дож Венеции 48, 50, 76, 80, 81, 197, 221, 226
Андреа Дзено, венецианский посол 10, 29–31, 218
Андреоло Чиврано, венецианский дворянин 76, 79, 80
Андроник III Палеолог, византийский император 43
Аниманди — см. Айниддин Юсуф
Ануширван-хатун, жена Тенибека 39

Анфреон Пассий, генуэзский консул Азова 43
Арзак, ордынский сановник 70
Аригбуга, чингисид 38
Арпа, ильхан Ирана 38
ал-Асади, арабский историк 34, 124
Асамбей — см. Хусейн-Суфи
Афанасий Данилович, брат Ивана Даниловича Калиты 80
Ахиджук, правитель Южного Азербайджана 125
Ахмад — см. Ахмат
Ахмат, арабское имя 70
Ахмат, джучид (тука-тимурид), хан 177
Ахмат, ордынский сановник 68, 71, 72, 74, 118
Ахматов, русская фамилия 71
Ахмед — см. Ахмат

Багартай — см. Ягалтай
Багдад-хатун, жена Абусаида 39
Бадардин — см. Бедреддин
Бадр ад-дин — см. Бедреддин
Байду, ильхан Ирана 38
Бангудай — см. Нангудай
Барбафелла — см. Дзанакки Барбафелла
Бартолемео Граденито, дож Венеции 43, 44, 220
Бартольд Василий Владимирович, российский востоковед 116
Бату, сын Джучи, хан 128, 129, 143, 194
Бахши, тюркское имя 71
Бачман, кыпчак 189
Бачман, ордынский купец 187, 189, 201, 205, 206, 216
Баязид II, турецкий султан 177
Баялун, жена Узбека 197
Бгртай — см. Ягалтай
Бедреддин, владелец бани в Азове 51, 53, 55, 73, 101
Бекелямис — см. Беклемиш
Беклемиш, ордынский сановник 68, 71, 72, 74, 118
Беклемиш, тюркское имя 71
Беклемишев, русская фамилия 71
Бельтрамин Мерел, генуэзский консул в Азове 44
Бенедетто Фенамори, генуэзский посол 83
Бенедикт XII, папа 36, 37, 40, 42, 197
Бердибек, джучид (батуид), хан 6, 7, 17, 24, 25, 47, 48, 62, 63, 67, 69, 71, 118, 122–135, 137–139, 141–149, 152–154, 157–164, 174, 183, 185–191, 193–195, 197–199, 201, 202, 204, 206, 208–211, 213, 223, 225
Бобровников Алексей Александрович, российский востоковед 91
Большой Мухаммед — см. Бердибек
Брун Филипп Карлович, российский историк 6, 67
Бугуртай — см. Ягалтай
Бюлек — см. Мухаммед Бюлек

Вашари Иштван, венгерский востоковед 5, 8, 26, 50, 104, 105
Венерио — см. Андреа Венерио
Веселовский Николай Иванович, российский востоковед 62

Газан — см. Махмуд Газан
Гаммер Й фон — см. Гаммер-Пургшталь Йозеф фон
Гаммер-Пургшталь Йозеф фон, австрийский востоковед 6, 7
Гейд Вильгельм, немецкий историк 6, 26
Гейхату, ильхан Ирана 39
Гияседдин Мухаммед Рашиди, везир при Абусаиде 38
Гонорий III, папа 30
Григорьев Аркадий Павлович, российский востоковед 7, 62

Дармабала, чингисид 64

Джанибек, джучид (батуид), хан 6, 7, 34–36, 41–65, 67–72, 74–76, 78–113, 115–119, 121–128, 130–133, 136–147, 149, 150, 152–155, 158–165, 169, 172, 174–176, 178, 180, 183, 186, 189, 193, 198, 204, 208, 210–213, 219–221, 223–226
Джанука, правитель Азовского тюмена 205, 206, 214
Джихан-Тимур, ильхан Ирана 39
Джованни Градениго, дож Венеции 122, 169, 178, 180, 201, 224
Джованни ди Мурта, дож Генуи 82
Джованни Дольфин, дож Венеции 123, 185, 193, 198, 202, 216, 223, 225, 226
Джованни Квирини, венецианский посол 44, 75, 123, 130, 185, 192, 193, 202, 217, 220, 221, 223, 225, 226
Джованни Мариньоли, монах-францисканец 40
Джованни Соранцо, дож Венеции 9
Джованни Стено, венецианский посол 81, 82, 85
Джорджи Дольфин Лаурентио из Монако, историк 75
Джоффредо Морозини, венецианский посол 221
Джуанес — см. Иоаннис
Джустиниано Н. — см. Николо Джустиниано
Джучи, сын Чингис-хана 14, 49, 66, 129, 143, 211
Дзанакки Барбафелла, венецианский посол 76, 77, 80, 102
Дзено А. — см. Андреа Дзено
Дмитрий Романович Брянский, князь 227
Доминик, монах-доминиканец 28, 30, 31, 47, 141, 219
Доминик, основатель доминиканского ордена 30

Еманов Александр Георгиевич, российский историк 16

Жуков, саратовский серебряник 63
Жуков Константин Александрович, российский востоковед 8, 106

Зайнаддин, персидский историк 124, 126
Зайн ад-дин Рамадан — см. Зайнуддин Рамазан
Зайнуддин Рамазан, правитель Крымского тюмена 142, 168–170, 172–181, 183, 186–190, 192, 194, 195, 201, 216, 224, 225
аз-Захаби, арабский историк 34
Зих — см. Черкесбек
Зихабей — см. Черкесбек
Зихибей — см. Черкесбек

Ибн Баттута, арабский путешественник 13, 14, 41, 43, 70, 71, 194, 197
Ибн Дукмак, арабский историк 13, 34
Ибн Халдун, арабский историк 13, 14, 34, 39, 124, 210–213
Иван — см. Иоаннис
Иван, сын Кулпы 128
Иван Александрович Смоленский, князь 227
Иван Данилович Калита, московский князь 35
Иван Калита — см. Иван Данилович Калита
Иди, арабское имя 189
Идималик — см. Идумелик
Идомелик — см. Идумелик
Идудимент, ордынский купец 170, 172
Идумелик, ордынский купец 170, 172, 186–189
Иисус Христос 170, 171
Ильяс, беглербек при Мюриде 48
Иман Юсуф — см. Иман Юсуф-катиб

Иман Юсуф-катиб, персидский писец 118, 142, 161, 162
и Мархожа — см. Омер-ходжа
Иностранцев Константин Александрович, российский востоковед 6
Иоанн — см. Иоаннис
Иоанн V Палеолог, византийский император 44
Иоанн XXII, папа 42
Иоаннис, ордынский купец 170, 172, 186–188
Иосафат Барбаро, итальянский путешественник 67
Иса, беглербек при Узбеке 13, 14
Итъкара, ордынский посол 129
Иштван Вашари — см. Вашари Иштван

Йглтай — см. Ягалтай

Кабак-хатун, жена Узбека 70
Казимир III, польский король 42
Калантай, ордынский сановник 227
Калита — см. Иван Данилович Калита
ал-Калкашанди, арабский историк 66
Калос, ордынский купец 170, 172
Канале Микеле Джузеппе да, итальянский историк 6
Карл I Роберт, венгерский король 42
Карпов Сергей Павлович, российский историк 8, 10, 15, 151, 220–222, 226
Каштанов Сергей Михайлович, российский историк 3
Кельдибек, самозванец, хан 128, 208
Кирилл, русский митрополит 19
Кичиг-Мухаммед — см. Мамай
Ковалевский Максим Максимович, российский историк 6, 16, 26, 55, 59, 60, 79
Константин Тарханиот, византийский адмирал 169
Кораган, ордынский сановник 187, 188, 191
Коркобасы — см. Куртка-бахши
Коррадо ди Креденция, генуэзский посол 83
Коррадо Цигала, генуэзский посол 81
Котолемур — см. Кутлуг-Тимур
Котулубуга — см. Кутлугбуга
Крамаровский Марк Григорьевич, российский археолог 214
Кулпа, джучид (батуид), хан 126, 128, 195, 208, 211
Куртка, тюркское имя 71
Куртка-бахши, начальник государственной канцелярии при Джанибеке 68, 71, 72, 74, 118
Кутб, тюркский поэт 41
Кутлубуга — см. Кутлугбуга
Кутлугбуга, беглербек при Джанибеке, правитель Крымского тюмена 115, 117, 118, 121, 160, 163, 164, 166, 174, 205, 206, 208, 210, 212, 213
Кутлугбуга-бек — см. Кутлугбуга
Кутлуг-Тимур, правитель Крымского тюмена 68, 71, 72, 74, 118, 130, 153, 174, 185–188, 190, 191
Кутлуг-Тимур, беглербек при Узбеке 11–14, 18, 27

Магомед — см. Мухаммед
ал-Макризи, арабский историк 34, 124
Малик, арабское имя 189
Малый Мухаммед — см. Мамай
Мамаев, русская фамилия 211
Мамай, сын Кутлугбуги 205, 206, 209–214
Мамай, тюркское имя 211, 212, 227
Мамак — см. Мамай
Мангудай — см. Нангудай
Марин К. А., итальянский историк 6

Марино Сануто, итальянский историк 75
Марк, святой 69, 72
Марко Дандоло, венецианский посол 83
Марко Лоредан, венецианский посол 81
Марко Морозини, венецианский капитан 76
Марко Поло, итальянский путешественник 7
Марко Рудзини, венецианский посол 81, 85
Мас Латри Луи де, французский историк 6
Махмуд, джучид (тука-тимурид), хан 177
Махмуд Газан, ильхан Ирана 49, 207
Махмуд Кутуби, персидский историк 124
Мегалбей — см. Могулбуга
Мелик-Ашреф, сын Хасана Кючюка 124, 125
Менгли-Гирей, крымский хан 177, 178
Менгу-Тимур, джучид (батуид), хан 12–14, 19, 25, 26, 33, 41, 92–94, 109, 110, 156
Мехмед II, турецкий султан 177
Микеле Дольфино, венецианский посол 9
Михаил, святой 31
Михаил, сын Кулпы 128
Михаил Ярославич, тверской князь 26, 80
Могалбей — см. Могулбуга
Моголбоа — см. Могулбуга
Могулбей — см. Могулбуга
Могулбуга, беглербек при Джанибеке и Бердибеке 45, 47–50, 68, 70–72, 74, 83, 84, 89, 90, 95, 115–119, 121, 128, 131–133, 137, 160, 163, 164, 166, 187, 188, 191, 205, 206, 208–211
Могулбуга-бей — см. Могулбуга
Могулбуга-бек — см. Могулбуга
Молгабей — см. Могулбуга
Мубаризэддин, эмир Южного Ирана 127
Муинеддин Натанзи — см. Муинуддин Натанзи
Муинуддин Натанзи, персидский историк 35, 48, 70, 124, 127, 196
Муса, ильхан Ирана 38
Мухаммад — см. Мухаммед
Мухаммед, арабское имя 209, 212
Мухаммед, основатель ислама 87, 214
Мухаммед Бердибек — см. Бердибек
Мухаммед Бюлек, джучид (батуид), хан 67, 97, 157, 162, 163, 211
Мухаммед-ходжа — см. Мухаммед-ходжа ал-Хорезми
Мухаммед-ходжа ал-Хорезми, правитель Азовского тюмена 11, 12, 14, 18, 23, 27, 49, 94
Мухаммед Юл-Кутлуг, хулагуид 38
ал-Мухибби — см. Таки ад-дин ал-Мухибби
Мюрид, джучид (ордуид), хан 48

Навруз, джучид (батуид), хан 128, 195, 208, 211
Нагадаин — см. Нангудай
Нагатай — см. Нангудай
Намгудай — см. Нангудай
Нангудай, правитель Хорезмского тюмена 68, 70–72, 74, 118, 163
Насир ад-дин ал-Хасан, мамлюкский султан 127, 174
Насреддин Мухаммед, мамлюкский султан 34, 41, 47
Натанзи — см. Муинуддин Натанзи
Низамаддин Шами, персидский историк 70
Никола, венецианский переводчик 47, 68, 72, 75, 141
Николай Скот — см. Николозо Ското
Николетто Райнерио, венецианский посол 76, 77, 80, 102

Николо да Фраганеско, венецианский посол 82
Николо Джустианиано, венецианский консул в Азове 29, 30, 218
Николо Пизани, венецианский адмирал 169, 170, 172, 176, 185, 188, 201
Николозо Ското, капитан генуэзского корабля 170, 172, 185, 188, 198, 199, 201
Ногай, джучид 216

ал-Омари — см. Шихаб ад-дин ал-Омари
Омер — см. Омер-ходжа
Омер-ходжа, ордынский сановник 76, 79, 80, 98
Ордуча, жена Узбека 70

Паганино Дориа, генуэзский адмирал 169
Петрано дель Орто, посол Узбека 36
Позднеев Алексей Матвеевич, российский востоковед 63
Поппе Николай Николаевич, российский востоковед 91, 110
Пределли Риккардо, итальянский историк 36, 226
Пьетро Джустиниан, венецианский посол 44, 75, 220
Пьетро Каравелло, венецианский консул в Азове 123, 223

Радлов Василий Васильевич, российский востоковед 200
Райнерио — см. Николетто Райнерио
Рамадан — см. Зайнуддин Рамазан
Раффаэл де Каредзини, венецианский посол 83
Рашидаддин — см. Абулфадл Рашидаддин
Рашиди — см. Гияседдин Мухаммед Рашиди
Рукнеддин Бейбарс, арабский историк 49

Саадет-Гирей, крымский хан 64
Сабадин, ордынский купец 170, 172
Сабадин Катип — см. Сабахаддин-катиб
Сабахаддин-катиб, ордынский писарь 142, 160, 163, 164, 166, 187, 188, 191
Садр ад-дин — см. Садруддин
Садраддин — см. Садруддин
Садруддин, глава шерифов при Бердибеке 205, 206, 214
Сайф ад-дин Баркук, мамлюкский султан 174
Салах ад-дин Салих, мамлюкский султан 117
Сарабей — см. Сарай-Тимур
Сарай-Тимур, везир при Бердибеке 128, 129, 160, 163, 164, 166, 208
Сатибек-хатун, дочь Улджайту 38
Сафа ад-дин, владелец бани в Азове 100–102, 120, 138, 139, 145, 147, 165
Сафадин — см. Сафа ад-дин
Сафаргалиев Магамет Гарифович, российский историк 7
Семен — см. Семен Иванович Гордый
Семен Иванович Гордый, московский князь 35, 36, 85
Симоне Бокканигро, дож Генуи 43, 81
Скржинская Елена Чеславовна, российский историк 7
Скрынникова Татьяна Дмитриевна, российский востоковед 46
Смирнов Василий Дмитриевич, российский востоковед 6
Степан — см. Стефанос
Стефан — см. Стефанос
Стефанос, ордынский купец 170, 172, 186–188
Сулейман, ильхан Ирана 39

Тагай-Тимур, ордынский воевода 80
Тагай-Тоглу — см. Тайдула
Таитемерь — см. Тагай-Тимур
Тайделюкатон — см. Тайдула
Тайдолу — см. Тайдула
Тайдула, жена Узбека 13, 25, 69, 80, 89, 110, 111, 127, 128, 147, 148, 152–154, 165, 194, 196–210, 213–217, 225–227
Тайдула-хатун — см. Тайдула
Таки ад-дин ал-Мухибби, арабский историк 66, 88, 117, 172
Талыш, внук Чобана 39
Тенибек, сын Узбека 35, 39, 41, 126, 208
Тизенгаузен Владимир Густавович, российский востоковед 117
Тимур, основатель династии тимуридов 74, 116, 174, 213
Тимур — см. Тимур-ходжа
Тимур-Кутлук, джучид (тука-тимурид), хан 12, 25, 52, 53, 56, 64, 93, 131, 133–136, 140, 146, 159
Тимур-ходжа, джучид (ордуид), хан 208
Тимур-ходжа, сын Могулбуги 187, 188, 191, 205, 206, 209, 210, 213
Тинабек — см. Тенибек
Тинибек — см. Тенибек
Тиньбек — см. Тенибек
Товлубей — см. Тоглубай
Тоглубай, глава монгольского племени бахрин 125, 127, 128, 147, 148, 152–154, 160, 163–165
Тогон-Тимур, монгольский великий хан 40
Тогрылча, отец Узбека 13
Тодорос, ордынский купец 170, 172
Токта, джучид (батуид), хан 13, 49, 63, 157, 194, 216
Токтамыш, джучид (тука-тимурид), хан 25, 53, 54, 64, 65, 91, 133–136, 149, 159, 173, 174, 177, 191, 200, 210, 211, 213
Толобей — см. Тоглубай
Томас Георг Мартин, немецкий историк 3, 6, 72
Торегене, жена Угедея 157
Тюлек-Тимур, правитель Крымского тюмена 71, 194, 216
Тянков, саратовский любитель истории 63

Угедей, монгольский великий хан 157
Узбек, джучид (батуид), хан 5–15, 18, 20, 25–37, 39–50, 52–54, 56–65, 67, 68, 70, 74, 75, 79, 88–97, 100, 101, 106, 111, 113–116, 119, 125, 131, 132, 135–138, 140, 141, 146, 149–151, 153, 157, 160, 164, 168, 194, 196–198, 204, 208, 211–213, 218–220, 223, 225, 227
Улджайту, ильхан Ирана 13, 38, 39
Улуг-Мухаммед, джучид (тука-тимурид), хан 25, 52, 53, 64, 65, 95, 159, 163, 191, 200, 219

Федор Александрович, сын Александра Михайловича Тверского 125
Федоров-Давыдов Герман Алексеевич, российский археолог 7, 35
Феогност, русский митрополит 36, 69, 85, 198
Филиппо Микьель, венецианский консул в Азове 121, 221
Флоринский Тимофей Дмитриевич, российский славист 6
Франческо Бон, венецианский посол 123, 130, 185, 192, 193, 202, 217, 223, 225, 226
Франческо да Камерино, католический архиепископ в Керчи 31, 149
Франческо Дандоло, дож Венеции 10, 19, 218

Хаджи-Гирей, крымский хан 64
Хадырьбек — см. Хызрбек

Хайдер Рази, персидский историк 128
Хайсан, сын Дармабалы, наследник престола монгольского великого хана; великий хан 64, 110
Хамдаллах Казвини, персидский историк 14, 39
Ханым, дочь Джанибека 210
Харунбек, сын Кутлуг-Тимура 13
Хасан, сын Зайнуддина Рамазана 174
Хасан, сын Чобана 39
Хасан Бузург, глава монгольского племени джелаир 38, 39
Хасан Кючюк, внук Чобана 38, 39, 124
Хасанбек — см. Хасан, сын Зайнуддина Рамазана
Ходжа Омер — см. Омер-ходжа
Хубилай, монгольский великий хан 158
Хулагу, ильхан Ирана 38, 49, 66
Хусейн-Суфи, сын Нангудая 70, 160, 163, 164, 166
Хыдырбек — см. Хызрбек
Хызр, джучид (ордуид), хан 195, 208, 211
Хызрбек, сын Узбека 35, 126

Цыбульский Владимир Васильевич, российский востоковед 26

Чанибек — см. Джанибек
Черкес, мужское имя 48, 49
Черкес, предводитель князей левого крыла при Токте 49
Черкес, эмир Рума в правление Махмуда Газана 49
Черкесбек, правитель Азовского тюмена 45, 48–50, 72, 94, 102, 116, 145, 152, 153, 188, 190, 191, 202, 215, 222
Черкес-ходжа — см. Черкесбек
Чиврано — см. Андреоло Чиврано
Чингис-хан, основатель Монгольской империи 11, 45, 46, 88, 129, 156
Чобан, глава монгольского племени сулдуз 38, 39
Чолак, жена Кутлуг-Тимура 205, 206, 215

Шакарбек, дочь Узбека 70
Шахрух, тимурид 24
Шейх-Увейс, джелаирид 13, 35, 39, 124, 126
Шерефеддин Йезди, персидский историк 174
Ширин, персидское женское имя 214
Шихаб ад-дин ал-Омари, арабский историк 88, 116, 117, 216

Щукин Петр Иванович, российский коллекционер 64

Эвлия Челеби, турецкий путешественник 26, 53, 133
Элио, посол Джанибека 36

Юл Генри, английский востоковед 7
Юл-Кутлук — см. Мухаммед Юл-Кутлук
Юсуф-Суфи, сын Нангудая 70
Юшумут, хулагуид 39

Ягайло, великий князь литовский 174
Ягалтай, везир при Джанибеке 115–117, 121, 160, 163, 164, 166
Яглыбай, сын Тоглубая 128, 163
Янгудай — см. Нангудай
Яцек Одровонж, монах-доминиканец 30

Achnoc — см. Акнок
Acomat — см. Ахмат

Acoza — см. Ак-ходжа
Aly — см. Али
Andrea — см. Андреа Венерио
Animandi — см. Айниддин Юсуф
Asambey — см. Хусейн-Суфи
Aymedin Ysof — см. Айниддин Юсуф
Aytamur — см. Ай-Тимур

Badardin — см. Бедреддин
Bassimat — см. Бачман
Bazimano — см. Бачман
Bechelamis — см. Беклемиш
Berdibech — см. Бердибек

Chalos — см. Калос
Chessi Mahometh — см. Мамай
Chotelletemur — см. Кутлуг-Тимур
Chozaamer — см. Омер-ходжа
Chozazuch — см. Черкесбек
Churtchabatsi — см. Куртка-бахши
Ciniscan — см. Чингис-хан
Condomelich — см. Идумелик
Coragan — см. Кораган
Corcobasi — см. Куртка-бахши
Cotelletemur — см. Кутлуг-Тимур
Cotelletomur — см. Кутлуг-Тимур
Cotloboga — см. Кутлугбуга
Cotolemur — см. Кутлуг-Тимур
Cotulubuga — см. Кутлугбуга
Cotulugabeo — см Кутлугбуга
Cutluctemir — см. Кутлуг-Тимур

Dominicus — см. Доминик

Francescho Bon — см. Франческо Бон

Husbecho — см. Узбек

Iagaltay — см. Ягалтай
Iaghaltay — см. Ягалтай
Idudiment — см. Идудимент

Jagaltay — см. Ягалтай
Jouannes — см. Иоаннис
Juanes — см. Иоаннис

Machmattoia — см. Мухаммед-ходжа ал-Хорезми
Maometh — см. Мухаммед
Megalbey — см.Могулбуга
Megalboa — см. Могулбуга
Mogabogabey — см. Могулбуга
Mogalbei — см. Могулбуга
Mogalbey — см. Могулбуга
Mogolboa — см. Могулбуга
Molgabei — см. Могулбуга
Molgabogabei — см. Могулбуга
Molgabogabeo — см. Могулбуга
Molgabogabey — см. Могулбуга

Nagadain — см. Нангудай
Nicolay Schoti — см. Николозо Ското
Nicolaus — см. Никола
Nicolo Pisani — см. Николо Пизани
Nicoloso Scoto — см. Николозо Ското

Osbach — см. Узбек

Ramadam — см. Зайнуддин Рамазан
Ramadan — см. Зайнуддин Рамазан

Sabadin — см. Сабадин
Sabadin Catip — см. Сабахаддин-катиб
Sabadin scriuan — см. Сабахаддин-катиб
Sadradino — см. Садруддин
Safadin — см. Сафа ад-дин
Saffadyn — см. Сафа ад-дин
Sarabey — см. Сарай-Тимур
Sicabey — см. Черкесбек
Sichebey — см. Черкесбек
Sichibey — см. Черкесбек

Siecho — см. Черкесбек
Stefanos — см. Стефанос
Stephanos — см. Стефанос

Taydelucaton — см. Тайдула
Taydolu — см. Тайдула
Thaydellu — см. Тайдула
Thaydelucaton — см. Тайдула
Thaythalu — см. Тайдула
Tholacho — см. Чолак
Timoros — см. Тимур-ходжа
Timuros — см. Тимур-ходжа
Todoros — см. Тодорос
Tolobei — см. Тоглубай
Tolobey — см. Тоглубай

Usbeccho — см. Узбек

Vsbech — см. Узбек

Ydomelich — см. Идумелик
Ydumelich — см. Идумелик
Yesu Christo — см. Иисус Христос
Yman Iussuf catip — см. Иман Юсуф-катиб

Zan Quirin — см. Джованни Квирини
Zanibech — см. Джанибек
Zoniucho — см. Джанука

Авиньон 36, 37, 40, 42, 197
Агдам 125
Адахун 26
Адриатика — см. Адриатическое море
Адриатическое море 37
Азак 5–12, 14, 18–20, 22, 23, 26, 27, 29–32, 34, 35, 37, 43–45, 48–56, 58–61, 67, 68, 72–76, 78–84, 86, 94, 96, 98–105, 107–109, 111, 113, 116, 119–123, 130, 133–135, 137–141, 145–148, 150, 152–155, 158, 159, 163–166, 168, 169, 173, 175, 180–185, 188–191, 193–195, 198, 199, 202, 204, 205, 214, 217–226
Азербайджан 124–127, 129
Азов — см. Азак
Азовский тюмен 7, 15, 145, 153, 182, 190, 204, 214, 215, 217, 227
Азовское море 10, 67, 175, 220
Айдынский эмират 101
Ак-Коюнлу 87
Аккуба — см. Ахтуба
Алатаг 38
Альгеро 169, 176
Англия 85
Апеннинский полуостров 37
Арабский Восток 207
Арагон 169
Ардебиль 124, 125
Астраханский край 63
Астрахань — см. Хаджитархан
Ахтуба 160, 161, 163, 166, 185, 193, 223, 225

Бабасара — см. Белый Сарай
Багдад 39
Байлекан 124
Баласара — см. Белый Сарай
Баластра — см. Белый Сарай
Балестра — см. Белый Сарай
Балысыра — см. Белый Сарай
Бездеж 85
Белосарайская коса 67, 68, 220
Белый Сарай 65, 67, 68, 74, 115
Бердаа 124
Берзенд 125
Бишкин 125
Болестра — см. Белый Сарай
Босфор 169
Булгар 35, 115, 178, 221

Великое государство — см. Золотая Орда
Великое княжество Литовское 76
Венгрия 76
Венецианская республика — см. Венеция
Венеция 3, 8–10, 19, 20, 29–32, 42–44, 52, 54, 55, 67–69, 71, 72, 74–77, 80–86, 97, 98, 119, 121–123, 138, 140, 142, 166, 168, 169, 174–176, 184–186, 190, 202, 204, 217–221, 225, 227
Византийская империя — см. Византия
Византия 9, 42, 43, 85, 106, 198, 215
Владимир 35
Волга 115, 123, 124, 126, 178, 185, 186, 209, 211
Воспоро — см. Керчь
Восток 21, 49, 84, 208, 211

Гаэта 37
Генуэзская республика — см. Генуя

Генуя 8–10, 17, 37, 42–44, 75, 81–86, 122, 123, 168, 169, 176, 185, 215
Германия 85
Гюлистан 86, 114, 115, 121, 122, 178–183, 186, 195, 198, 205, 221, 224
Гюлистан-сарай 199, 202, 225, 227
Гюлистанский дворец — см. Гюлистан-сарай

Дамаск 127
Двуякорная бухта 130, 180, 193
Дербенд 125, 126
Джудека 51, 53, 55
Джунгария 40
Дон 10, 14, 19, 20, 26, 27, 31, 54, 55, 73, 100–102, 120, 219

Европа 30, 207
Египет — см. Мамлюкское государство

Запад 143
Западная Анатолия 101
Западный Иран 38, 39, 143
Зихия — см. Черкесия
Золотая Орда 7, 14–16, 18, 22, 27, 30–32, 34–40, 42–44, 48–50, 54, 56, 66–68, 72, 74, 75, 77–82, 84–86, 89–91, 94, 95, 99, 100, 105–107, 110, 111, 117, 119, 121–129, 132, 133, 137, 142–144, 146, 152–156, 158, 159, 164, 166, 168, 169, 173–175, 177, 178, 180, 186, 189, 192, 194–198, 200, 209, 211, 213, 216–218, 220, 221, 223–225, 227
Золотой Рог 176, 185, 201

Ирак Арабский 39
Иран — см. Хулагуидское государство
Италия 8, 79, 85

Каир 47, 127
Калиера — см. Коктебель
Калитра — см. Коктебель
Кандия — см. Крит
Кара-Коюнлу 27
Кафа 5, 8, 9, 16, 17, 20, 30, 36, 37, 79, 81–84, 86, 90, 116, 122, 168, 169, 175, 180, 184, 193, 214, 215
Керченский пролив 20
Керчь 20, 86, 175
Киликийская Армения 61
Кипр 43, 187, 190, 198, 199, 201, 216
Китай 40
Кобан — см. Кубань
Коктебель 130, 185, 192, 194, 225
Константинополь 37, 85, 169, 170, 172, 176, 185–189, 198, 199, 201, 215
Корфу 37
Кострома 221
Краков 80
Красный берег — см. Кызылташский лиман
Крит 101, 106, 170, 172, 176, 186, 189, 201
Кровавый остров — см. Адахун
Крым — см. Крымский полуостров
Крым — см. Крымский тюмен
Крым — см. Старый Крым
Крымский полуостров 9, 10, 20, 31, 37, 40, 85, 122, 134, 168, 169, 173, 180, 181, 185, 192, 193, 195
Крымский тюмен 71, 91, 130, 133, 142, 153, 169, 170, 172–174, 176, 180, 182, 185, 186, 188–190, 192–194, 201, 202, 204, 206, 209, 210, 213–218, 224, 225, 227
Кубань 24–28, 115, 218
Куденка — см. Джудека
Кундурча 174
Куня-Ургенч — см. Ургенч
Кура 125
Кызылташ — см. Кызылташский лиман
Кызылташский лиман 24–28, 115, 218

Леука 37

Лигурийское море 37
Ло Копа 20
Львов 80

Мамлюкское государство 39, 87, 88, 173
Марага 38, 39
Мариуполь 67
Марсель 37
Матрега — см. Тамань
Медина 99
Мекка 99
Ментеше 106
Мессина 37
Милан 169
Мишкин — см. Бишкин
Монако 75
Монгольская империя 66
Монгольское государство — см. Золотая Орда
Морея 169
Москва 35, 127, 221
Мраморное море 37
Муром 221

Нахичеван — см. Нахчеван
Нахчеван 38, 124
Неаполь 37
Нижний Новгород 221
Новгород 85
Новый город — см. Янгишехр
Новый Сарай 35, 36, 42, 195, 208

Орда — см. Золотая Орда
Ордынское государство — см. Золотая Орда
Орнач — см. Ургенч

Паластра — см. Белый Сарай
Палестра — см. Белый Сарай
Пекин — см. Ханбалык
Пелопоннес 37
Перекоп 173
Поволжье 40, 211
Половецкая степь 30
Польша 76
Портолонго 169
Провато — см. Янгишехр
Псков 85

Рона 37
Рум 49
Русь 128, 129, 198, 209, 216

Сапиенцо 169
Сарай 14, 35, 40, 63, 74, 85, 163, 185, 186, 193, 198, 223, 225
Саратов 63, 221
Сардиния 169
Северная Африка 85
Северная Россия 85
Северная Тартария — см. Золотая Орда
Северное Приазовье 173
Северное Причерноморье 6, 10, 16, 75, 82, 83, 115, 121, 122, 124, 168, 169, 173, 184, 193, 204, 209, 215
Северный Кавказ 48, 49, 115
Сераб — см. Серах
Серах 124, 125
Скандинавские страны 85
Славянск-на-Кубани — см. Ло Копа
Смоленск 125, 227
Солдадия — см. Судак
Солдайя — см. Судак
Солхат — см. Северное Причерноморье
Солхат — см. Старый Крым
Солхатский тюмен — см. Крымский тюмен
Соргат — см. Старый Крым
Средиземноморско-Причерноморский регион 3
Средиземноморье 24, 168
Средняя Азия 40, 41
Старый Крым 17, 20, 71, 133, 168, 171–173, 211, 216
Судак 9, 20, 130, 175, 185, 192, 194, 225
Султание 38

Сурожьское море — см. Азовское море

Таврический полуостров — см. Крымский полуостров
Тамань 20
Тана — см. Азак
Танаис — см. Дон
Тебриз 9, 10, 30, 38, 124–127
Тен — см. Дон
Теолого 101
Терек 124
Тивирижьское царство — см. Азербайджан
Тирренское море 37
Торжок 80
Трапезунд 9, 10, 30, 151

Увек — см. Укек
Уджан 125
Укек 221, 225, 227
Улуг улус — см. Золотая Орда
Улус Джучи — см. Золотая Орда
Улус Хулагу — см. Хулагуидское государство
Ургенч 14, 35, 70, 85

Феодосия — см. Кафа
Франция 85

Хаджитархан 49, 124
Ханбалык 40
Хорезм 14, 70
Хулагуидская держава — см. Хулагуидское государство
Хулагуидский Иран — см. Хулагуидское государство
Хулагуидское государство 9, 10, 13–15, 37–40, 49, 66, 124, 142–144, 157, 159, 207, 215

Черкесия 49
Черное море 8, 9, 26, 37, 81, 168, 181, 190

Чивитавеккья 37

Ширванская степь 125

Эгейское море 37

Южная Монголия 40
Южный берег Крыма 122, 154, 225
Южный Иран 127

Янгишехр 122, 130, 169–171, 174, 175, 178, 180, 181, 183–185, 192–195, 224, 225
Ярославль 221

Accuba — см. Ахтуба
Aqquba — см. Ахтуба

Babasara — см. Белый Сарай

Calitra — см. Коктебель
Calustan — см. Гюлистан
Candia — см. Крит
Citade Nova — см. Янгишехр
Constantinopol — см. Константинополь
Cudencha — см. Джудека

Giudecca — см. Джудека
Gullistan — см. Гюлистан
Gullistano Sara — см. Гюлистан-сарай

Prouato — см. Янгишехр
Provato — см. Янгишехр

Soldadia — см. Судак
Sorgat — см. Старый Крым

Tana — см. Азак
Tane — см. Азак

Tenis — см. Дон

Toman de Sorgati — см. Крымский тюмен

Venexia — см. Венеция

Zepro — см. Кипр

Zudecha — см. Джудека

азиз 97
айлык 170, 171, 177, 181, 183
алафа 205, 206, 216
алая тамга 25, 62, 64, 66, 112, 190, 200
алотамговый — см. ал тамгалык
ал тамгалык 25, 28, 64, 65, 74, 112–114, 121, 161, 166
алтун нишанлык 191

баиса — см. пайцза
бай'ат 22
байса — см. пайцза
баса 21
баскак — см. даруга
бахши 71, 72, 74, 118, 121
башлыг 13
беглербек 13, 14, 48, 49, 90, 116, 128, 133, 163, 191, 208, 210, 211, 213
бей — см. бек
бек 23, 69, 124, 206, 208
бёкэуль 135
битикчи 66, 71, 134
битикчии дивана — см. divan bitigčiläriŋä
битикчий — см. битикчи

везир 38, 117, 129, 163, 208
венедик ференги 54, 58, 95, 97–99, 108, 137–140, 143, 145, 146, 155, 181, 187, 222
венецианские франки — см. венедик ференги
визирь — см. везир

генуэзские франки — см. дженевиз ференги

гереге — см. пайцза
гериге — см. пайцза

даруга 14, 15, 18, 23, 27, 48, 50, 58, 71, 72, 93–95, 102, 107, 108, 116, 119, 120, 133, 137, 145, 152, 153, 156, 164, 173–177, 205, 206, 214, 215, 219
джану 214
дженевиз ференги 51, 53, 148, 155
диван 134
динар 189, 190, 207, 208, 210, 214–217
дирхем 17, 176, 189, 207, 221
доглу — см. тоглу

каган 96
кадий 22
казна 75, 117, 129, 153, 173, 176, 194, 205, 207, 226
казначей — см. хазинечи
калга — см. калга-султан
калга-султан 41, 42, 126, 128
кантар — см. кинтар
караул 16, 18, 27, 56, 72, 135, 137, 164
караульщик — см. караул
карачей 191
катиб 118, 144, 160, 163, 164, 166, 188, 191
катип — см. катиб
катон — см. хатун
кинтар 104, 105, 138, 139, 141, 147, 148, 150, 222, 223
кичиг 209
крым — см. qïrïm
кызыл таш 26

кынтар — см. кинтар
кюреген 210

миянчи 22, 151

накиб 214
нишан 191, 200

оглан 13, 14, 18, 27, 48, 50, 72, 93
олафа — см. алафа
орда — см. ordu

пайцза 7, 11, 24, 25, 28, 33, 50–52, 54, 62–65, 67, 72, 74, 96, 97, 100, 112–114, 119, 138–140, 145, 146, 156, 157, 160, 161, 164, 166, 218, 220, 223

раби аль-авваль 171, 172, 181–183
рабимуоль — см. раби аль-авваль
рамадан 114
ратл 216

саин 97
салык — см. ясак
сарай 199, 202
серикс — см. sekiz
солхат 173
сом 16, 17, 147, 148, 152–154, 165, 170, 172, 176, 187, 189, 190, 198, 199, 201, 202, 204, 205, 207, 226
соммо — см. сом
союргал — см. sujurγal

тагай 196
тамга — см. алая тамга
тамга — см. хан тамгасы
тамгачи — см. tamγačï
таможник — см. tamγačï
тарих — см. tariχ
тартанак 5, 15, 45, 50, 94, 103, 105, 147, 148, 150, 181, 182
тартанако — см. тартанак
тартанакчи — см. tartanaqčï
темник 13, 90, 91, 173, 188, 212, 213, 215, 227
тоглу 196
тута тургугак — см. tuta turγuγaγ
туткаул 16, 56, 135
тьма — см. тюмен
тюмен 13, 14, 18, 20, 27, 48, 50, 65, 72, 89–91, 95, 119, 131, 133, 137, 145, 153, 164, 169–173, 176, 180–182, 185, 186, 188–190, 192, 194, 204, 206, 209, 213–218, 224, 225, 227

улугбек — см. беглербек
улуг улус 200
улус 14, 19, 49, 66, 126, 143, 200
учюгуи — см. üčügü

франки 138, 140, 147, 187

хазинечи 117, 202, 206, 217, 218
хан 5–8, 11, 23, 25, 29, 34, 36, 39–42, 44, 46, 47, 55, 57, 60, 64, 68, 70, 72–76, 78–83, 85, 86, 89, 91, 96, 97, 99, 100, 106, 112, 113, 115, 117, 119, 122–130, 133, 140–147, 153, 155–157, 159, 161, 164–168, 174, 176–178, 185, 186, 188, 189, 192–194, 196, 200, 201, 204, 205, 208, 210, 211, 215, 216, 218, 220, 221, 223, 225, 226
ханская тамга — см. хан тамгасы
хан тамгасы 15, 19, 55, 59, 60, 75, 150, 170–172, 176, 177, 182, 194
хатун 38, 39, 147, 148, 152–154, 165, 197, 205, 206
хиджра 114, 162, 163, 166, 178, 183
ходжа 11, 14, 18, 23, 27, 49, 50, 72, 76, 79, 80, 94, 98, 102, 105, 116, 145, 152, 153, 188, 190, 191, 202, 208, 210, 213, 215

черкес 48

шавваль 160–163, 166, 192, 193
шахзаде 42
шериф 205, 206, 214

эмин 152

юрт — см. jurt
юрт хазин — см. юрт хазини
юрт хазини 117

яза — см. яса
ям 16
ямщик 135
яну — см. джану
ярлык — см. jarlïγ
яса 156–158
ясак 170, 171, 177, 181, 183

alaffa — см. алафа
aylocho — см. айлык

baisa — см. пайцза
baissinum — см. пайцза
barčaγa 136
bašlïγ beglär 69, 163
behet — см. бай'ат
beo — см. бек
bey — см. бек
bitildi 65, 163
biziŋ sujuryal bulup 146
bökäül tutqaullarïŋa 135
bu jarlïqnï tutup turγan bunlara 160
bu kündin ilgäri 149

canter — см. кинтар
canther — см. кинтар
catip — см. катиб
caton — см. хатун
charaul — см. караул
chuman — см. тюмен

daruγa begläriŋä 133
dener — см. динар

deraga — см. даруга
divan bitigčiläriŋä 134

eδgüsi bolmaγaj 159

franchi — см. франки
franchi Veneciani — см. венедик ференги
franchi Veniciani — см. венедик ференги
franchi Venitiani — см. венедик ференги
franchi Zenoesi — см. дженевиз ференги

ḫimajät 'inajät 54
hirfät aγasï 135

Ianuensibus franchis — см. дженевиз ференги
ibegen 46
ički kändläriniŋ 133
igegen — см. ibegen
isacho — см. ясак
it jïl 163

jamčï susunčïlar 135
jarlïγ 3, 5–14, 17–20, 24–34, 44–72, 74, 75, 78–80, 83, 85–119, 121–123, 129–137, 139–147, 149–169, 173, 178, 180–182, 185, 188, 190, 191, 193, 197, 198, 218–225
jorur ečür elči jolavčïlarγa 134
josunïča 146
jöp körüp 146
jurt 117

kemäči köprükčülär 135
köp kiši 136
küčü 46

lordo — см. ordu

möngke tngri-yin küčün-dür 46

ne jaχšïsï bolγaj 159
nekim hirfät aγalarïŋa 135

ordu 26, 67, 160, 162, 163, 192
ötündü ersa 140

pajzälik al tamγalïγ jarlïγ berildi 160
paysam — см. пайцза
paysanum — см. пайцза
payssan — см. пайцза

qaraγu — см. караул
qarïm — см. qïrïm
qïrïm 173
qorḥarlar ernä 159
qurtγa 71
quščï barsčïlar 135

rabimuol — см. раби аль-авваль
ramadan — см. рамадан
roman — см. тюмен

secis — см. sekiz
sekiz 68, 69, 72, 163
seris — см. sekiz
serix — см. sekiz
sirine — см. шериф
siual — см. шавваль
som — см. сом
sommos — см. сом
soyurqaǰu ögbei 113
sözüm 132
sujurγal 52, 113
sum — см. сом
summos — см. сом
suu 47
suual — см. шавваль
suu ǰali 47

tamγačï 15, 18, 21, 22, 27, 50, 55, 57, 72, 73, 94, 95, 103–105, 119, 120, 135, 137, 150, 156, 164, 165, 221
tamγačï tartanaqčïlarïŋa 135
tamoga — см. тамга
tantanaco — см. тартанак
tariχ 162, 163
tartana — см. тартанак
tartanacho — см. тартанак
tartanato — см. тартанак
tartanaqčï 15, 57
tataul — см. туткаул
tedimiz 146, 149
tep 140
thoman — см. тюмен
tngri 46
toman — см. тюмен
tuman — см. тюмен
tuta turγan — см. tutup turγan
tuta turγuγaγ 25, 62, 113, 161
tuta tururγa — см. tuta turγuγaγ
tutup turγan 160, 161

Ueniciani franchi — см. венедик ференги
üčügü 69
üǰig inu 115
ütül 146
ütül tigürdilär 70, 163

Venetiani franchi — см. венедик ференги
Veniciani franchi — см. венедик ференги
Venitiani franchi — см. венедик ференги

yeke suu ǰali-yin ibegen-dür 46
ysacho — см. ясак

The book by A. P. Grigoriev and V. P. Grigoriev «Collection of the Golden Horde Documents of the XIV century from Venice (Source Study Research)» presents the analysis of ten documents of the Horde of the mid-XIV century which have been preserved in the archives of Venice in simultaneous translations into Latin and Italian. The authors, a Turkic philologist whose special field is source study and a Romance philologist, made use of the critical editions of these documents issued in 1880–1899 in the two-volumed «Diplomatarium Veneto-Levantinum» which were published in Venice by G. M. Thomas and R. Predelli.

Four documents of the collection are charters of immunity (yarlyks), which were granted to the Venetian merchants giving them the right to use a separate quarter in the town of Azak (Azov) of the Horde. The first edict was granted on October 9, 1332 by khan Uzbek, the second — on September 30, 1342 by khan Djanibek, the third — on December 26, 1347 alko by Djanibek, the fourth — on September 13, 1358 by khan Berdybek.

The other six documents of the collection are a letter of Ramadan, the ruler of the Crimean tumen to Jiovanni Gradenigo, the doge of Venice (March 4, 1356), the notification of Ramadan to the Venetian merchants (March 4, 1356), instructions of Berdybek to Qutlug-Timur, the ruler of the Crimean tumen (September 13, 1358), a notification from Qutlug-Timur to the Venetian merchants (September 20, 1358), a message from Uzbek's wife, Djanibek's mother and Berdybek's grandmother to Jiovanni Dolphin, the doge of Venice (March 4, 1359) and a pay-sheet of Taidula (early March, 1359).

A separate chapter of the book is devoted to the analysis of each of the above mentioned documents of the collection. Of tells about the historical situation which caused the necessity of writing the document; both Latin and Italian texts of the document are given. There is also a complete translation of each document into Russian and its reconstructed original contents revealed as a result of the source study analysis which has been conducted on the basis of S. M. Kashtanov's ideas.

The book is supplied with the indexes of biographical names, geographical names and the terms referring to the Horde.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Глава I. Ярлык Узбека венецианским купцам Азова 5
Глава II. Первый ярлык Джанибека венецианским купцам Азова 34
Глава III. Второй ярлык Джанибека венецианским купцам Азова 78
Глава IV. Ярлык Бердибека венецианским купцам Азова ... 122
Глава V. Письмо Рамадана венецианскому дожу 168
Глава VI. Уведомление Рамадана венецианским купцам 180
Глава VII. Предписание Бердибека Кутлуг-Тимуру 185
Глава VIII. Уведомление Кутлуг-Тимура венецианским купцам 192
Глава IX. Послание Тайдулы венецианскому дожу 196
Глава X. Платежная ведомость Тайдулы 204
Итоги исследования 218
Примечания 228
Указатель имен 254
Указатель географических названий 264
Указатель ордынских терминов 269
Summary 273

CONTENTS

Preface 3
Chapter I. Uzbek's yarlyk to the Venetian merchants of Azov. 5
Chapter II. Djanibek's first yarlyk to the Venetian merchants of Azov 34
Chapter III. Djanibek's second yarlyk to the Venetian merchants of Azov 78
Chapter IV. Berdybek's yarlyk to the Venetian merchants of Azov 122
Chapter V. Ramadan's letter to the doge of Venice 168
Chapter VI. Ramadan's notification to the Venetian merchants 180
Chapter VII. Berdybek's instructions to Qutlug-Timur 185
Chapter VIII. Qutlug-Timur's notification to the Venetian merchants 192
Chapter IX. Taidula's message to the doge of Venice 196
Chapter X. Taidula's pay-sheet 204
The results of the research 218
Notes 228
Index of biographical names 254
Index of geographical names 264
Index of terms referring to the Horde 269
Summary 273

Аркадий Павлович Григорьев,
Вадим Павлович Григорьев

Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции

Источниковедческое исследование

Редактор *В. Н. Немнонова*
Художественный редактор *Е. И. Егорова*
Технический редактор *Е. Г. Учаева*
Корректор *Л. А. Губина*

Лицензия ЛР № 040050 от 15.08.96

Подписано в печать 24.10.2000. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,04. Уч.-изд. л. 15,72. Тираж 400 экз. Заказ 498.
Издательство СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.

ЦОП типографии Издательства СПбГУ.
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 6.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА